

управляющий, Рутковский, сошел с ума. 5 апреля знали уже в Перми, что к Павлу Николаевичу возвращается расположение владельцев. Об этом уведомил домашних Павла Николаевича диякон Смышлев, со слов приехавшего из Петербурга немца. В то же время сам он писал: «По воле господ мы с Чертуловым вытребованы из Рябова в Петербург (...) апреля накануне Пасхи. О Пасхе ходили к владельцам, являлись и поздравляли с праздником. Оба они нас хорошо приняли и послали в контору, сказав, когда будем в конторе, тогда спросим. До праздников оба брата были в конторе и один у другого спрашивали: “Чем, братец, нашел этих людей виноватыми?” Один другому ответили: “Ничем”. По тому разговору приказали нас востребовать». В другом письме Павел Николаевич пишет: «...Лельковский во всех погрешностях признался сам и меня ни в чем не замарал, сказав только владельцам: “Безвинно у вас здесь живет Кропачев”»... Далее к Павлу Николаевичу возвращается доверие владельцев, и Никита Всеволодович предлагает ему быть комиссионером на Нижегородской ярмарке. Вот что пишет Павел Николаевич своей матушке: «Спешу вас, любезнейшая и драгоценнейшая матушка, уведомить, что сего числа имел счастье слышать лично от владельца своего Александра Всеволодовича: “Тебе здесь нечего делать, отправим домой скоро”. Если у Макарья не решатся поручить покупку, то скоро буду домой»...

«Предположено купить на 200 т. р., каковую смету завтрашний день представят на рассмотрение владельцев. Я, признаться сказать, и прежде о себе слышал от Никиты Всеволодовича, у него я был апреля 29, но тогда этому не поверил, все еще сомневался, думал, что он меня испытывает. Сегодняшнего числа и другой сказал. Мне бы хотелось послужить своим владельцам, сколько моих сил будет»... В следующем письме Павел Николаевич сообщает домой, что владельцы возложили на него обязанности комиссионера на Нижегородской ярмарке по закупке товаров на заводы свои и сообщает об условиях: «По воле обще, требующихся для заводов, oprичь хлеба, крупы и овса... И так, что куплено на ярмарке, все возложено на меня. До 368 лошадей для раздачи

неимущим крестьянам на сумму с лишком 85 т. р., да сверх того принадлежащий мне товар я взял на 24 т. р. Прежде того я был в Пожевском правлении, подрядился на 13 т. р., и это условие барин утвердил. Всего же мне предоставлено по контрактам и комиссии 122 т. р., остальные до ярмарки...» Таким образом, Павел Николаевич провел целый год в разлуке с семейством у господ, после чего, однако, Всеволожские всегда благоволили Павлу Николаевичу и детям его, а эти последние всегда служили с искреннею привязанностью и усердием своим владельцам. Между ними отношения установились вполне патриархальные, в настоящее время уж непонятные.

Г. Б. Завьялов

Вехи истории

В начале мая 2001 г. я почти случайно стал обладателем уникальной, на мой взгляд, книги – сборника «Быль Чусовских Городков». С трепетом открываю первые страницы книги и с головой погружаюсь в чтение. Прочитал, как говорится, на одном дыхании. Большое спасибо всем, кто работал над книгой, кто по крупицам собирал материал. Поражает большое число авторов. Очень взволновали меня этнографические записки Марии Федоровны Мирошиной и «Липа Вековая» Ивана Васильевича Шардина. Оба они были в свое время моими учителями.

Но меня взволновал вопрос: как получилось, что целая веха в истории поселка выпала из сборника? А именно – электрификация района. Это заставило меня сесть за стол и взяться за перо. О себе я писал не для истории, а для полноты повествования¹.

¹ О себе Г. Б. Завьялов написал по настоятельной просьбе составителя данного сборника Н. В. Никулиной, ибо его «о себе» – есть история нашего края.

Родился я в 1937 г. в Перми. Отец мой, Борис Васильевич Завьялов, в то время работал на КамГЭСстрое. Вскоре строительство Камской ГЭС было свернуто, и отца направили в Верхнечусовские Городки начальником электростанции, которая находилась недалеко от железнодорожной станции Урал-Нефть². Жили мы на левом берегу Чусовой, на горе, где высились огромные резервуары. Пацаном я часто бывал на электростанции. Там было интересно. В машинном отделении стояли стационарные немецкие дизели с генераторами. Как правило, в работе находился один агрегат, а другой был резервным. Выхлопные трубы дизелей располагались вертикально снаружи рядом со стеной здания станции и имели внушительный диаметр. При работе дизелей в трубах скапливалась сажа, и время от времени она загоралась. Это было необыкновенное зрелище: огромный факел над трубой, сопровождаемый периодическими хлопками, пока горела сажа. Именно от такого факела случился однажды пожар на станции Урал-Нефть. Кроме машинного отделения, на станции было распределительно-щитовое отделение. Пожар случился в дежурство машиниста Степана Бажина, который жил под горой, и Шуры Шардиной, дежурной по распределительному отделению.

На станции был бассейн, наполненный подогретой водой, которая шла от дизелей (вода использовалась для защиты дизелей от перегрева). В бассейне жили огромные караси; время от времени их отлавливали работники станции. Станция снабжала жителей станционного поселка горячей водой. Трубы горячей и холодной воды были выведены за забор, и женщины с удовольствием занимались там стиркой.

Вода подавалась на станцию с водокачки, которая находилась примерно в двух километрах на речке Комаришке. Оттуда же налажено водоснабжение поселка и теперь. На водокачке жил и работал старик Никита Васильевич Киселев. В поселок он ходил часто, т. к. нужен был хлеб, да и многое другое. Он

² В здании электростанции сейчас находится контора СельПО.

Никита Васильевич Киселев на пути с Урал-Нефти на водокачку № 3. 1956 г. Фото Г. Б. Завьялова

был «спец» по убою скота. Раз в год – 6 августа, на именины отца, Никита Васильевич появлялся у нас и колол овцу. Н. В. Киселев был неграмотный, не умел ни читать, ни писать, но всегда живо интересовался новостями из газет, о которых рассказывал ему мой отец; радио в то время не было.

Электростанция проработала до времени электрификации всего района, когда и Городки стали получать электроэнергию со станции Кутамыш. Позднее здание электростанции переоборудовали под кинотеатр «Октябрь».

Недалеко от нашего дома-барака³, где мы жили, во время войны был наспех сооружен мини-завод по производству бензина. Вода в него подавалась ручным насосом из колодца

³ Дом-барака, как называет его автор, построен нефтяниками как гостиница для приезжающих на станцию Урал-Нефть. Сейчас здесь картофельные участки.

метров за триста. Женщины носили бензин в ведрах на коромыслах, как воду, к резервуару, который стоял на возвышенном месте. Там веревкой вытягивали ведра наверх и сливали в резервуар, и уже оттуда бензин самотеком шел по трубопроводу и заливался в железнодорожную цистерну.

В предвоенные и первые военные годы через реку Чусовую напротив Городков каждый год возводили деревянный мост на сваях, по которому ездили на лошадях. Иногда проезжал и автомобиль. Весной этот мост зачастую сносило ледоходом, и его вновь возводили.

Во время ледохода на Чусовой иногда возникали ледовые заторы. Вода в таких случаях выше затора стремительно прибывала. Здесь вспоминается такой случай. Электролиния на Верхнечусовские Городки («старые») от электростанции проходила мимо нефтеперегонного завода, пересекала реку в районе острова Черня ⁴ и дальше шла на Городки. Это место перехода через реку было выбрано не зря. Остров использовали для установки промежуточной опоры электролинии, чтобы уменьшить провисание проводов над водой (по реке ходили катера). И вот однажды во время очередного затора вода в реке поднялась, затопила остров, и промежуточная опора электролинии оказалась в воде. Ночью затор прорвало, лед снова пошел. Напор его был столь велик, что льдинами, как ножом, срезало опору. А стояла она на четырех «ногах», была окована понизу мощными стальными листами, а выше по течению стояли ледорезы. Ничто не помогло! Городки погрузились в темноту. Это событие произошло где-то в середине сороковых годов. Тогда было принято решение: промежуточную опору не восстанавливать, а использовать оставшиеся невредимыми опоры на обоих берегах, натянув более тонкий медный провод и сохранив при этом минимальное провисание проводов.

В войну станционный поселок был небольшим. Там, где сейчас улица Мира, рос лес. Туда гоняли скот на пастьбу. Вдоль

⁴ Остров Черня находился немного выше нефтеперегонного завода.

водопровода от речки Комаришки собирали белые грибы. На гору, где сейчас кладбище, ходили за земляникой, а осенью под елочками собирали рыжики. Недалеко от нашего дома-барака, почти рядом с электростанцией, находился небольшой деревянный дом, где располагался маслозавод. С ферм всех близлежащих колхозов и частники-владельцы коров везли и несли туда молоко.

На крыше нашего дома-барака была сооружена специальная площадка, где дежурили девушки в военной форме. Из Перми в Городки летал санитарный самолет. На нем привозили врачей-специалистов к тяжелораненым или увозили раненых в Пермь. Площадка на крыше барака служила маяком.

Для фронтовиков жители Городков собирали теплые вещи и сушеную картошку. Отец тоже отнес свой полушубок и мешочек сушеной картошки.

Помню некоторых начальников железнодорожной станции Урал-Нефть. Это Колупаев, Швецов, Бельтюков. Колупаев жил в Поповке рядом с Нижними Чусовскими Городками и каждый день проходил мимо нашего дома, когда шел на работу и с работы.

Зимой было очень много волков. Они начинали выть, как только стужались сумерки. Их жуткий вой пробирал до костей. Ночью волки подходили к жилью и расправлялись с собаками. В нашем доме все собаки стали жертвами волков. Отец говорил, что волки разорвали кассира станции Урал-Нефть, которая жила где-то в районе совхоза – подсобного хозяйства Чусовского металлургического завода.

Очень запомнились тяжелые военные годы. Постоянно хотелось есть. У нас была печь с чугунной плитой. Мы с сестрой, будучи совсем маленькими детьми, часто, чтобы утолить голод, разрезали картофелину на ломтики и запекали их на плите с обеих сторон до образования хрустящей корочки.

Наш дом был расположен «на семи ветрах». Ничто не могло ускользнуть от любопытного взгляда.

Однажды на станцию Урал-Нефть прибыл эшелон с пленными немцами. Их было очень много. Они вытянулись в длинную

колонну и шли пешком мимо нашего дома в гору, где сейчас кладбище. Их конвоировала небольшая группа солдат. Как потом выяснилось, они направлялись с лесоразработки.

Как-то в Городки прибыли эвакуированные из Ленинграда. К нам на квартиру поставили фотографа. У сестры и сейчас сохранилась фотография, сделанная им, — мы с сестрой сняты вдвоем.

После освобождения Крыма в мае 1944 г. его местное население в большинстве своем было, по указанию Сталина, депортировано в глубинные районы СССР. Это были, в основном, крымские татары, болгары, греки и др. Небольшая группа попала и в Верхние Чусовские Городки, точнее, в подгорный поселок.

Их привезли где-то под осень в так называемых «телячьих» вагонах (двухосные крытые вагоны). Состав поставили в тупик станции Урал-Нефть. Мы, ребяташки, несколько раз ходили смотреть на необычных приезжих. Больше всего мне запомнилось, как крымские ребяташки, высыпав из вагонов, играли яблочками: кто-то жонглировал, кто-то перекидывался ими как мячами. Для нас же фрукты в ту пору были в диковинку. Ведь шла война. Некоторое время крымские жили в вагонах. Потом их расселили в бараках под горой. Запомнились некоторые имена и фамилии: Костя Шеврикуров, Саша Ламбрианов, Митя Лазейкин, Федя Янков, Николай Широков, Витя ДЕРЕБЕСЕВ, Илья Николи, Кочедуров, Аркач.

Много позже, когда после окончания института я работал в Верхнечусовской РТС, снова встретил крымчан: там трудились бульдозеристы Дмитрий Цолов и Иван Атаманов, три брата Аврамиди (впоследствии они уехали в Мелитополь), слесарь Юрий Николи. Кстати, Юрий хорошо играл на аккордеоне. На танцплощадке он был единственным музыкантом. Однажды на танцах он познакомился с дочерью главного бухгалтера лесокombината Маргаритой Звягиной и женился на ней.

Осенью 1944 г. я пошел в первый класс Зареченской начальной школы. Моими первыми учителями были Мария

Павловна Пермякова и Лидия Афанасьевна Артемова. Когда не было электричества, мы занимались при свете самодельных керосиновых коптилок, которые стояли на каждой парте. Бывало и так, что одна учительница занималась одновременно с двумя разными классами, например, с первым и четвертым. Это случалось, когда одна из них болела.

Мы, ребяташки тех тяжелых военных лет, жили дружно. Хорошо помню своих первых друзей из дома-барака: Володю и Толю Грязевых, Егора Малкова. Играли с нами и более старшие: Шурка Миронов и Витя Старцев.

После окончания третьего класса отец возил меня в Пермь к родственникам. Там я с двоюродным братом сделал самодельный фильмоскоп и обзавелся двумя диафильмами: «Сказкой про Иванушку-дурачка» и «Золушкой». Диафильмы смотрели всем бараком не один десяток раз, даже взрослые приходили посмотреть.

Мы делали всякие игрушки, т. к. фабричных ни у кого не было. Скучать было некогда. Как-то мы взялись делать себе самодельные педальные автомобили. Передние колеса взяли от двухколесных тележек-тачек, а задними служили большие шестерни. Изготовили три машины. Я на свой «автомобиль» установил даже деревянный кузов и кабину. Конечно, далеко на такой машине не уедешь, но мы были довольны. Много позже, уже подростком, я изготовил из дерева самодельный фотоаппарат и фотографировал все подряд.

Сразу же по окончании войны в Городки прибыли депортированные, которых тоже расселили под горой в бараках. Они работали на лесокombинате, большей частью на валке леса. Ни электро-, ни мотопил в ту пору не было. Лес пилили ручными пилами. Это был адский труд. Возили лесорубов на бортовом ЗИС-5 с полутентом. В кузове вместе с рабочими находился инвентарь: пилы, топоры. Именно это привело однажды при роковом стечении обстоятельств к трагедии. Утром, когда люди ехали на работу, машину после прошедшего дождя занесло, и она перевернулась. Те, кто сидел в кузове сзади, успели

выскочить; пострадали те, кто сидел впереди. Были и погибшие, например Уткина, жительница поселка Ключики: при падении ей топором разрубило голову. Митя Лазейкин и Костя Шеврикуров успели спрыгнуть. Водителя, Сергея Рудометова, осудили к длительному сроку лишения свободы. Полностью он свой срок не отсидел, освободился раньше, работал, как и я, в РТС.

Валка леса велась вдоль Валежинского тракта. В лесу устраивали лежневые дороги. Лес, распиленный на метровые чурки, возили на бортовых машинах. Из таких чурок на лесокомбинате пилили клепку – тарную доску.

Из депортированных мне запомнились Анатолий Егоров и Бойко (к сожалению, имени не помню). Анатолий работал кинемехаником в клубе и позднее женился на местной девушке, Маше Варинициной. А Бойко запомнился тем, что нарисовал большую картину «Три богатыря», которая долго висела на торцовой стене барака-клуба, обращенной к дороге. Эта картина на нас, пацанов, производила большое впечатление. Всех репатриантов в то время органы проверяли, и кое-кто из них навсегда исчезал из поселка. Исчез и Бойко.

Мы, пацаны, очень любили ходить в кино. Тогда часто показывали фильмы про войну. Как правило, денег на кино родители нам не давали, и мы изобретали свой способ проникновения в клуб. Барак имел снаружи примерно метровые завалины, засыпанные опилом. Мы знали, что барак старый, ветхий, отдирали пару досок в завалине напротив сцены и, проделав дыру в опиле, проникали на сцену клуба за экраном. Там сидели тихо, как мыши, и смотрели фильм с другой стороны экрана, как бы в зеркальном изображении. Поэтому прочесть титры было невозможно. Но смотреть было интересно. Это наше «изобретение» прожило недолго. Вскоре нас разоблачили, хотя отодранные доски мы потом ставили на место, чтобы было не видно.

К первому классу я уже читал букварь от корки до корки и знал наизусть таблицу умножения. Научила меня этому мама.

Начальную школу я окончил с похвальной грамотой, которая и сейчас хранится в семейном архиве.

Учеба за рекой в «старых» Городках особенно запомнилась. Каждый день нужно было дважды переправляться за реку, порой с большим риском, либо на лодке, либо на пароме. В половодье людей перевозили на лодках, часто перегруженных. Помню перевозчиков той поры: Выльюрлов, Орлов, Гашев. Это были отважные речники. Еще больше рисковали мы в межсезонье. Бывало так: в школу идем по льду, а из школы переправляемся на лодке – это весной. Или в школу переправляемся на лодке, а обратно идем к Косьвинскому логу и далее по льду или через остров напротив школы и Карьера – осенью.

Однажды мы с ребятами рискнули проползти по только что застывшему льду. Ползли в одиночку, на некотором расстоянии друг от друга, толкая перед собой сумку с учебниками и тетрадами. Кругом трещал лед. Я оглянулся на соседа, который полз рядом на некотором расстоянии, и ахнул: под ним лед прогибался желобом. Это же он подметил и подо мной. Тогда мы преодолели тонкий лед благополучно. Варут, откуда ни возмись, перед нами оказался пьяный мужик, который пришел с поезда.

– Что, ребята, по льду ходят? – спросил он.

– Нет, – отвечаем мы, – только что еле проползли.

– А, ерунда, – и он ринулся пешком через только что застывшую полосу льда.

Естественно, он тут же провалился. Куда только девался его хмель. Он усиленно «молотил» руками и ногами, преодолевая тонкий лед, и, наконец, удачно выбрался на заберег (коренной лед). А ведь там было сильное течение, и его могло затянуть под лед. Вскочив на ноги, он пустился во всю прыть в поселок. На улице в это время стоял мороз на двадцать градусов.

Однажды на период распутицы и ледохода отец устроил меня с сестрой в квартиру кузнеца Кузьмы Ивановича Чудинова, о котором упоминает Мария Федоровна Мирошина в своей статье «Сторона моя родная» (см. «Быль Чусовских

Городков», вып. 1). Своих детей у Чудиновых не было. Очень запомнились идеальная чистота и порядок в их доме.

В школу мы уходили, можно сказать, на весь день. В школе был буфет, можно было купить булочку. Но не у всех и не всегда были на это копейки.

К осени, когда мы ходили на переправу со станции Урал-Нефть, вдоль берега Чусовой поспел посеянный здесь турнепс. Это была отличная пища. Выдернешь из земли турнепсину этак килограмма на полтора-два, да как навернешь, — и, кажется, наелся. Только потом долго из всех «щелей» шел газ.

Бывало, учились мы и во вторую смену. В темное время ходили с факелами. Это консервная банка с длинной ручкой из проволоки, а в качестве топлива использовалась промасленная ветошь из бокс вагонов.

С переправы мы шли через Рассошинский мостик⁵, затем по улице Мельничной. Однажды мы увидели недалеко от милиции, как копали овощную яму и вырыли хорошо сохранившийся человеческий скелет. При копке попал сначала крепкий деревянный настил из лиственницы, который почти сгнил. Под настилом и лежали останки. Люди говорили, что и прежде по левую сторону этой улицы натывались на захоронения. А на берегу Чусовой, где стояла школа, иногда из размытого берега свисали цепи и бревна. Старики говорили, что это остатки строгановских темниц. Слева от Рассошинского мостика, рядом с речкой, недалеко от дома Турбиных, была рассольная скважина с деревянной обсадной трубой. Такую же точно скважину я видел в Нижних Городках на берегу Чусовой.

В первые послевоенные годы в Верхних Городках на улице Румянцева устраивали конные скачки. Запомнился орловский рысак по кличке Конверт из Заозерья, который всегда брал первые места.

В 1951 г. мы переехали из барака в новую квартиру, в рубленый двухэтажный дом, который построило сель-

⁵ Имеется в виду Сорокинский мостик через Рассошку-копанку.

Здание Сельэлектро на ул. Коммунистической.

Фото Г. Б. Завьялова

электро⁶. Сруб для этого дома ладил Василий Изосимович Катков. Нашими соседями здесь были семьи Коневских, Чудиновых, Подвинцевых, Лоскутовых, Катковых и родители Ивана Васильевича Шардина. Мы жили на втором этаже, а на первом располагалась контора. У нас был свой огород, где мы выращивали все необходимые овощи, но скотину уже не держали. С самого детства родители приобщали нас с сестрой к огороду: мы и копали, и садили, и пололи, и поливали. Особенно тяжело было на прежнем огороде: воду приходилось носить издалека. На новом огороде я развел землянику (ее называли «викторией»), которую мать выращивала потом многие годы, пока не уехала из Городков из-за болезни отца. И раздобыл я эту «викторию» на заброшенном огороде Фени Шабуровой.

⁶ Сейчас на этом месте стоит контора ЧуЭС (Чусовских Электросетей).

В марте 1953 г. умер И. В. Сталин. Мы, подростки, да и взрослые тоже, были сильно потрясены: что же будет дальше? В траурные дни проходили митинги. Состоялся митинг и на станции Урал-Нефть, — на месте, где сейчас стоит магазин «Ермак», напротив вокзала. Помню, выступал на митинге участник Гражданской войны Федоткин. С его сыном Николаем я учился в пятом классе.

С 1948 по 1954 год я учился в Верхнегородковской средней школе. Последний год, десятый класс, я учился в «новых» Городках (на левом берегу реки Чусовой). Особенно мне запомнились учителя: Нина Петровна, Григорий Федорович, Мария Федоровна и Наталья Федоровна Мирошины, Иван Васильевич Шардин, Таисья Петровна Кучумова, Елизавета Васильевна Пермякова, Раиса Александровна Колмогорова, Александра Павловна Сенченко, Михаил Филиппович Олюнин, Зоя Васильевна Егошина, Зинаида Ивановна Лядова, Лариса Николаевна Заровняева, Василий Андреевич Меньшиков, Анна Мартыновна Герке, Александр Яковлевич Гаас, Корней Корнеевич Зиберт.

Вот уже и мы, их ученики, состарились, а в памяти не стираются их имена. Нет слов выразить всю благодарность за то, что они вывели нас в свет и открыли нам дорогу в будущее.

В июне 1979 г. мы, выпускники десятого класса 1954 г., снова собрались на встречу в Городках по поводу 25-летия окончания школы. Судьба снова свела нас с некоторыми из вышеназванных учителей. Какая это была встреча!

Иван Васильевич Шардин привил мне любовь к рисованию. И сейчас я часто вспоминаю его, когда пишу свои картины. Недавно пробовал выставяться на районной выставке в Перми. Выставка для меня прошла успешно.

Запомнился мне еще один случай, связанный с И. В. Шардиным. Мы, учащиеся, каждую осень помогали убирать урожай в колхозах. В каком году это было, не помню, но мы отправлялись на уборку картофеля в деревню Пахотки во главе с Иваном Васильевичем. Погода резко испортилась, стало холодно. За ночь навалил снег. На поле было сплошное меси-

во. Клубни приходилось добывать из грязи, руками очищая от комьев слипшейся глины. У многих на руках были маломальские рукавички. Я же работал голыми руками и пальцев уже не чувствовал. Как сейчас помню, подошел ко мне Иван Васильевич и насильно натянул мне на руки свои новейшие кожаные перчатки. Что стало с ними — судите сами.

Когда я учился в старших классах, часто помогал отцу при авариях на высоковольтных сетях. Сетей было много — десятки километров. На Кутамышинской подстанции была установлена защита от короткого замыкания. Когда на линии случалась авария с коротким замыканием фазовых проводов, то срабатывала автоматическая защита, и линия отключалась. Весь район погружался во тьму. Поочередно отключая разветвления электролиний, устанавливали аварийный участок. Мне приходилось заниматься этими отключениями.

По окончании девятого класса я на все лето устроился на работу в Сельэлектро, выполнял самые разнообразные поручения, работал по восемь часов в сутки: чистил главную высоковольтную трассу на Кутамыш, научился токарить, слесарить, «набил руку» на электросварке.

Однажды мне доверили варить хомуты с контактами для разъединителей, которые надевались на высоковольтные изоляторы. Так как подсобника не было, я решил их варить следующим образом: одной рукой плоскогубцами держу свариваемые детали, другой — держатель с электродом. Нужна была третья рука, чтобы держать защитный щиток, т. к. на голову он не надевался; но третьей руки не было. Работал без щитка всю смену, закрывая глаза от дуги и отворачиваясь. На следующее утро мое лицо распухло, глаза ничего не видели, кожа болела, как от ожога. Через неделю вся кожа на лице облупилась. Этот случай обошелся мне дорого: в дальнейшей жизни пришлось пользоваться минусовыми очками.

В мастерской Сельэлектро токарный станок включался ручным трехфазовым рубильником, который не был огражден кожухом. Рубильник включался туго, и я решил довключить

Группа работников Верхгородковского эксплуатационного отделения Сельэлектро. Слева направо: техник отделения Ю. К. Волков, монтер В. Чугайнов, мастер Н. И. Елтышев, монтер В. Чесноков, бухгалтер А. В. Плотников, счетовод-кассир Е. Кузнецова, начальник отделения Б. В. Завьялов, монтеры В. Круглов и В. Черноусов. Август 1956 г. Фото Г. Б. Завьялова

его, ударив по нему кулаками обеих рук. Но кулаки попали по ножам рубильника, и я попал под напряжение 380 вольт. Ощущение было такое, будто меня кто-то сильно ударил по голове чем-то тяжелым. Закружилась голова, но я устоял. Сразу подступила тошнота. Прежде я слышал, что после электроудара нельзя ни ложиться, ни сидеть, а надо больше двигаться. Я так и сделал и постепенно пришел в себя. Эти два случая запомнились мне на всю жизнь.

Из-за недооценки правил техники безопасности погиб электромонтер Павел Бажин: не отключив подачу электроэнергии, он залез на столб, начал работать и по неосторожности попал под напряжение. Так же попал под высокое напряжение 6000 вольт начальник Кутамышинской подстанции Моргун (имени не помню). У него вмиг обуглились кисти обеих рук и пальцы на ногах. Но сам он, к счастью, остался жив.

Помню случай, когда ворона, сев на грозозащиту одного из фазных проводов высоковольтной линии, каким-то образом

замкнула собой искровой промежуток. От нее пошел дым. Через некоторое время ворона свалилась на землю полуобугленная. Вот что такое высокое напряжение.

После десятилетки я поступил учиться в Пермский сельскохозяйственный институт на факультет механизации сельского хозяйства. С дипломом специалиста был направлен в Верхнегородковскую РТС, где и проработал три года, с 1959-го по 1962-й.

В 1959 г. в универмаг в Городки привезли два телевизора в металлическом корпусе – марки «Заря» Ленинградского завода. Один из них стал моим, а другой взял, кажется, Новожилов. Так началось телевидение в Городках. У меня и сейчас этот телевизор жив и находится в рабочем состоянии.

В то время я был свидетелем того, как убирали баки (резервуары). Они стояли на горе с 1930-х годов. Два небольших резервуара спустили с горы и сплавляли вниз по Чусовой. Хотели сплавить и большой резервуар, подвели под него множество бревенчатых саней, все опутали толстыми тросами, со всего поселка собрали трактора С-80, С-100, – всего 13 штук. Взяли технику и у нас в РТС. Но утащить бак так и не смогли. Его дотянули лишь до середины горы. Тракторы буксовали, тросы рвались. Впоследствии этот большой резервуар разрезали на части и увезли.

Слесарем-инструментальщиком в РТС был Анатолий Антонидович Овчинников – мастер на все руки. Все сложные и точные работы поручались только ему. Он много рассказывал о себе. Особенно мне запомнились его воспоминания о Гражданской войне. Восвал он в Туркестане, был мастером по ремонту оружия. У них была трофейная автомашинка. Однажды их окружили басмачи. Боеприпасы кончались, и спастись можно было только с помощью этой машины, а у нее отказал двигатель: выплавился баббит в шатунном подшипнике. Антонидович, как его все звали в РТС, недолго раздумывая, вырезал из кожаного ремня две половинки (вкладыши), установил их в шатун, и двигатель заработал. Так он спас не только себя, но и своих сослуживцев.

Анатолий Антонинович Овчинников. Фото Г. Б. Завьялова

Знал я по работе в РТС и Якова Ивановича Голубцова из Усолки. Он очень любил пользоваться электросваркой. Как говорили рабочие, Яша, чтобы заварить, через весь комбайн пролезет. На его тракторе почти все детали были приварены, болтов и гаск он не признавал.

В то же время работал там электриком-аккумуляторщиком Алексей Васильевич Плотников, о котором упоминает А. И. Воробьев в «Родительском доме» (см. «Быль Чусовских Городков», вып. 1). О нем у меня остались самые светлые воспоминания. Он мне как-то сказал:

А я ведь у твоего бати учился.

Дореволюционная деревня жила без электричества. Огромная работа по электрификации колхозной деревни была проведена в годы пятилеток. В начале 1946 г. Молотовский Обком ВКП(б) и Облисполком приняли решение об электрификации

Молотовской области в соответствии с планом IV пятилетки. Планом 1946–1950 гг. была предусмотрена и электрификация Верхнегородковского района.

В марте 1946 г. было созвано совещание РК ВКП(б), на котором и было положено начало электрификации первой очереди: 19 колхозов, районного центра и двух ведомственных предприятий (МТС и подсобное хозяйство Чусовского металлургического завода).

В районе создали комитет содействия электрификации сельского хозяйства под председательством первого секретаря РК ВКП(б) Якова Макаровича Иванова. Шефство над районом взяло Управление Пермской железной дороги (начальник Самохвалов). Проектное бюро Пермской дороги приступило к составлению проекта и сметы финансовых расходов. Общая стоимость всех работ составила 2,1 млн рублей. Шефы сразу же приступили к работе, организовали строительно-монтажный участок в Верхних Городках. Начальником участка был назначен А. Решанов, заместителем начальника – Б. Завьялов (с 1947 г. – начальник Верхнегородковского отделения Сельэлектро).

Сельские труженики с большой радостью встретили сообщение об электрификации района. В районной газете «Уральская вышка» (№ 32, 6 июня 1946 г.) в статье «Большая радость» председатель колхоза «Урал» В. Враницын писал: «Да и как не радоваться! Намного повысится производительность труда, облегчится труд колхозника, повысится культура в колхозе.

Мы сейчас испытываем большие трудности с доставкой воды на фермы, на овощеводческие участки. Когда колхоз будет электрифицирован, то этих трудностей не будет. Мы организуем подачу воды с помощью электронасоса. Можно смело сказать, что в результате этого повысится урожайность на всех овощных участках.

Далее мы начнем организовывать электромолотьбу, а это значит быстрее провести обмолот зерна и ускорить сдачу хлеба государству. Мы организуем разделку леса, т. к. древесина нам

необходима для постройки ферм, нового здания правления колхоза и т. д.

И, наконец, будут освещены все колхозные избы. Наш колхоз принимает активное участие в работах по электрификации района. Отведенный участок у разъезда Кутамыш полностью очищен. Для этого участка заготовлены столбы и выкопаны ямы. Установку столбов сегодня заканчиваем. Сейчас заготавливаем столбы, которые необходимо установить от деревни Плесо до колхоза "Урал"».

В мае 1946 г. колхозы района приступили к заготовке круглого леса на столбы. Начались земляные работы по установке опор на трассе главной линии электропередачи. По плану до 1 января 1947 г. предполагалось прорубить трассу протяженностью 14 км, построить 70 км линий электропередач напряжением 6 Вт и 110 км – 0,4 Вт, установить и смонтировать 19 трансформаторных пунктов, соорудить три высоковольтных перехода через реку Чусовую, уложить 260 м кабельных переходов под транзитную линию электропередачи 115 кВт, установить более 3 тыс. опор, поставить 15 тыс. штук изоляторов и навесить 60 тонн проводов.

Работа продвигалась быстро. Районная газета «Уральская вышка» (№ 17, 17 апреля 1947 г.) писала: «Огромную работу по электрификации района проделали начальник монтажно-строительного участка тов. Решанов, сменивший его тов. Казаченко, заместитель начальника тов. Завьялов, а также прорабы участка тт. Забродин, Моксеев, Костогорев, рабочие монтажники тт. Серебренников, Озерных, Безматерных, Аликин, Бушуев и многие другие».

Вот хроника первого года электрификации.

«20 мая 1946 г. началось строительство электролинии на главной трассе.

12 октября 1946 г. включен участок линии главной трассы до речки Ваневка.

12 октября 1946 г. включен и получил электроэнергию первый колхоз района – колхоз "Колос" (д. Ключи).

15 октября 1946 г. закончено в основном строительство линии передачи и получил ток районный центр и колхоз "VI съезд Советов" (д. Брагино).

20 ноября закончено в основном строительство электролиний 6 вольт по сельскому совету.

1 декабря 1946 г. получила электроэнергию колхоз "Красное знамя" (д. Березник).

15 декабря 1946 г. закончено строительство электролиний 6 киловольт по Павловскому сельсовету».

К 1 апреля 1947 г. по району были электрифицированы 13 колхозов: «Колос» (Ключи), «VI съезд Советов» (Брагино), «Красное знамя» (Березник), «1-е Мая» (Забегаво), «Труд» (Села), «1-е Мая» (Байкалово), «Ленинские искры» (Плесо), «им. 8-го Марта» (Поповка), «им. Сталина» (Палы), «Трактор» (Вилижна), «Урал» (Попово), «Труженик» (Усолка – д. Чеснокова) и «Коммунар» (Шалыги).

Мой отец постоянно находился на объектах электрификации. Часто он сутками не бывал дома – работы буквально захлестнули его. Особенно большую радость испытывал он, когда еще один колхоз, еще одна деревня получали электрический ток. Вот некоторые выдержки из его воспоминаний.

«...Яркий свет электрической лампочки прорывается сквозь табачный дым в правлении колхоза "Красное знамя". Это не то, что раньше при керосиновой копилке, в двух метрах лица не видно было, а тут ничего не скроешь – лучи от электрической лампочки проникают везде и всюду.

Идет заседание правления колхоза. Обсуждается вопрос: радиофикация колхоза. Единогласно принимается решение: приобрести радиоприемник, натянуть трансляционную сеть и поставить у всех колхозников репродукторы.

Следующий вопрос в повестке дня: приготовление грубого корма механизированным способом. Выносятся решение: начать приготовление грубых кормов на машине с помощью электромотора.

И третий вопрос повестки дня: устройство электрифицированной лесопилки в колхозе. Все как один поднимают руки за то, чтобы колхоз имел свои дешевые пиломатериалы, приобрести мотор, заказать детали для установки круглой пилы.

Повестка дня заседания правления колхоза "Красное знамя" исчерпана. Члены правления расходятся по домам.

Мы на квартире у председателя колхоза Петра Михайловича Федосеева. Увидев паутину в правом углу стены, оклеенной бумагой, Петр Михайлович говорит жене:

– Ты бы убрала там.

– Где еще?

– Да вон, видишь паутины?

Мать колхозного электромонтера Бушуева говорит:

Раньше вечерами ничего не могла поделывать, глаза слабы, свет от лампы плохой, надо бы одежду починить, а не выходит, иголку и то не видишь, не то чтобы нитку в нее вдеть. А теперь – как днем: что хочешь, то и делаешь. Вот уж действительно, что хорошо, то хорошо.

На улице темнеет... И вдруг вспыхивает яркий свет на площади у конного двора...».

К 7 ноября 1950 г. электроэнергия пришла уже в 20 колхозов района. К этому времени работали 27 электромолотильных токов, 16 электровеялок и сортировок, 7 электrolесопилок; все избы освещены электричеством. Получило электроэнергию самое крупное лесозаготовительное предприятие в районе – Шущпанский леспромхоз.

Коллектив Сельэлектро был небольшой, но слаженный и деловой. Мне особенно запомнились сотрудники Елтышев, Волков и Плотников.

Мастер Николай Иванович Елтышев вел строительномонтажные работы. Подростком пришел он к моему отцу учеником на электростанцию после окончания семилетки и вырос до мастера. Очень способный паренек.

Техник Юрий Клементьевич Волков занимался лабораторными и проверочными работами на электроустановках, заоч-

Борис Васильевич Завьялов, начальник Сельэлектро.

Фото Г. Б. Завьялова

но закончил Зюкайский техникум, после болезни моего отца возглавил коллектив Сельэлектро.

Алексей Васильевич Плотников – главный бухгалтер.

Мой отец не имел специального образования. За его плечами только Пермское реальное училище. Но он был очень грамотным человеком, занимался самообразованием, много читал. В знаниях по своей специальности он всегда оказывался на высоте. Шефом у отца был Петр Григорьевич Аликин, который возглавлял областную контору Сельэлектро. Очень большое внимание отец уделял вопросам подготовки кадров. С началом всеобщей электрификации района потребовалось очень много специалистов-электриков. Часть из них готовили шефы. Несмотря на свою занятость, отец постоянно лично организовывал курсы электромонтеров, где сам и преподавал. Им были подготовлены кадры электромонтеров для большинства колхозов района. Немало их позднее «перетекло» на заводы, в леспромхозы и на другие предприятия.

К 1951 г. в основном закончился первый этап электрификации района. Следующей, более трудной задачей стала электро-механизация трудоемких процессов в животноводстве. В то время это был непочатый край работы.

Вся электрификация Верхнегородковского района связана с именем моего отца. Он проработал в Сельэлектро в Верхних Городках четверть века до июля 1963 г. Тогда и случилось непоправимое: инсульт, паралич правой части тела, потеря речи. Он болел около 9 лет и скончался в мае 1972 г.

Отец был общительным человеком, он ладил с людьми, с начальством, у него в знакомых было много хороших людей. По рассказам матери, и у нас дома не раз бывали такие известные нефтяники, как А. А. Зайцев и С. Ф. Пяткин. Часто за практическими советами наведывался учитель физики Г. Ф. Мирошин.

Отец и мать дружили с семьей Василия Изосимовича и Агриппины Петровны Катковых. Мой отец и Василий Изосимович занимались пчелами. У отца было две самодельные медогонки для выгонки меда из сот, а у Василия Изосимовича два отличных тульских ружья. Они договорились обменяться и были очень довольны, имея каждый по одной медогонке и по ружью.

Вспоминается наш сердитый красавец-петух. Отец так выдрессировал его, что, где бы тот ни находился, достаточно было отцу прокричать по-петушину, петух стремглав мчался к нему.

Врагов у отца, мне кажется, не было. Судить так позволяет следующее. В день Победы 9 мая 1945 г. случился пожар на электростанции, дизель-генераторное отделение полностью сгорело, отстояли только распределительно-щитовое отделение. Районный центр и станционный поселок погрузились во мрак. Отца не упрятали за решетку, не «пришили» вредительство, — ведь время было суровое, человека могли посадить по любому поводу. Отца вызвали в райком и дали жесткие сроки на восстановление станции. И она была восстановлена, но при пуске отцу снова не повезло: произошел взрыв воздушной ка-

меры дизеля, разорвало чугунную крышку, и отца тяжело ранило двумя большими осколками в руку и в ногу.

Мой отец был увлеченным человеком, горячим и решительным. Еще в молодости, когда он жил в городе Кинешме на Волге, он играл в самодеятельном театре-студии, которым руководил знаменитый И. М. Москвин. Там, в Кинешме, во время НЭПа он начинал свое дело. Но, как известно, НЭП быстро кончился. До сих пор у меня хранятся трансформатор на 6 и 12 вольт, изготовленный руками отца в тот период, и ручная американская дрель начала XX в. в рабочем состоянии. Отец рассказывал, что армейскую службу он нес в Кремле, где видел многих видных партийных деятелей того времени, захватил Гражданскую войну, был ранен. Однажды в Кинешме он взялся покрасить фабричную трубу, — все, кто это мог бы сделать, отказались. Он приспособил специальную люльку с захватами и работу выполнил. Кроме оплаты ему в качестве премии вручили набор кухонных ножей. Этими ножами отец очень гордился, ими пользовалась вся наша семья, когда мы жили в Городках, пока ножи не износились до тоненьких узких полосочек.

Отец всегда что-то выдумывал, делал все сам. Так, работая в Сельэлектро, он сконструировал прибор для предотвращения воровства электроэнергии. Счетчиков в то время не было, электроэнергию учитывали по количеству электролампочек. Про электроплитки, как правило, никто не заявлял, но пользоваться — пользовались. Прибор работал по принципу: когда клиент включал электроплитку, резко возрастала нагрузка, и ток автоматически отключался. Отец послал чертежи и описание в город. Оттуда — молчок. А через некоторое время у прибора объявился новый автор.

Большим бичом было загнивание деревянных опор (столбов) электролиний, в результате чего случались частые аварии, связанные с падением опор. К загнившим опорам раньше ставили пасынки, но они тоже были деревянными. В Сельэлектро отец организовал изготовление железобетонных пасынков своими силами, и проблема была решена.

Отец регулярно и тщательно вел метеорологические наблюдения, пробовал заниматься литературным творчеством. У него было немало написанного, но ничего не опубликовано. У меня сохранилась рукопись его рассказа «Селедка».

У отца была нелегкая жизнь. В 30-е годы он, как и многие, был репрессирован. Отбывал срок на строительстве Беломорско-Балтийского канала и всю оставшуюся жизнь курил папиросы «Беломорканал». До этого он жил и работал в Кинешме, имел семью, двух сыновей. Старшему сыну Юрию пришлось воевать в Великую Отечественную, он вернулся весь израненный. Жена не дождалась освобождения мужа. Первая семья разрушилась. Освободившись, отец приехал в Пермь, работал прорабом в Закамске на строительстве комбината «К» (будущий пороховой завод), затем на КамГЭСстрое, здесь женился вторично. А уж оттуда, как я писал выше, был направлен в Верхнечусовские Городки.

По стопам деда пошел внук – мой сын Дмитрий, который после окончания института атомной энергетики в Обнинске работает ведущим инженером блока на Запорожской АЭС.

6 августа 2001 г. исполнилось 100 лет со дня рождения нашего отца. Мы хотим, чтобы фамилия отца заняла свое место в истории края и не была забыта.

Наверное, те, кто бывал в Городках, слышали слово «компашка». Так называют небольшой пассажирский поезд, который ходит от станции Урал-Нефть до станции Комарихинская. Недавно я был в Городках и снова на переправе через реку Чусовую услышал это слово. Спросил у мужчины, что оно означает. Он объяснил, что так называют поезд Урал-Нефть – Комарихинская, а почему, не знает. А я помню: раньше вагоны «таскал» паровоз, на котором стояла паровая машина системы «Компаунд». Вот отсюда и возникло прозвище «компашка».

В начале июня 2001 г. мы с сестрой Мальвиной Борисовной Кузнецовой поехали в Городки с намерением побывать на земле, где прошли детство и юность... Проезжая станцию Валежная, с огорчением увидел пепелище на месте вокзала. А ведь

когда-то эту станцию построил мой прадед. Такие же вокзалы были сооружены им в Селянке, Кутамыше, Комарихе, в старой Сылве (теперь под водой Камского водохранилища). Прадед был подрядчиком, брал строительные подряды. Им заведена в нашей семье такая традиция: из поколения в поколение передаются старшему наследнику по мужской линии барометр-анероид, серебряный подстаканник и серебряная чарка (рюмка). Традиция эта свято соблюдается.

Сходил я пешком в Успенку, на вал на месте часовни Трифона Преподобного, полюбовался видами с Успенской горы, спустился до Вилижны. Очень понравилась Всесвятская церковь на Митейной горе.

Не сохранились, к сожалению, в Городках оба дома, где я жил и рос, нет и здания школы, где учился.

Но очень меня обрадовало то, что мои земляки не забывают историю края, а по крупицам, с большим упорством, как одержимые, восстанавливают ее. Я очень надеюсь, что «Быль Чусовских Городков» еще не раз будет переиздана с существенными дополнениями, откликами на первое издание, что она вберет в себя новые публикации, письма, воспоминания. Это так интересно. Спасибо издателям.

Е. Д. Загоркова (Деребеева)

Время исцеляет не все раны

Душа не лечится.

Лариса Рубальская

Может ли человек прожить две жизни одновременно? Да, оказывается, может. Одну – связанную с Верой, Надеждой и Любовью к Отчизне, к близким, к Человеку. Другую – полную страданий, сомнений, разочарований, отчаянья, ошибок... Остаться в прошлом, конечно, никогда не надо. А что

в прошлом? Страшно оглянуться... Не назовешь беспечными даже детские годы, хотя они у меня прошли на благодатной Крымской земле.

Большое болгарское село Кабурчак у подножия лесного массива и прекрасной белой скалы, которой пугали нас. По узенькому деревянному мосту переходили речку — и в лес за хворостом для топки. Туда же поздним летом отправлялись с бабушкой за кизилом, который сушили на зиму. Это было нашим лакомством, конфет мы не знали. Спускались к речке, к колодцу за холодной водой. Коромысло тянуло к земле — ничего, несешь. С вязанкой хвороста на спине проходили через сад, который был выращен большими тружениками.

Бабушка нам рассказывала об истории села. В далеком прошлом турки беспощадно преследовали болгар. Немногим удалось бежать. Поселились на Крымской земле, недалеко от селения Старый Крым (теперь город) построили село Кишлав в лесу. Когда не стало свободных участков земли, переселились на другую сторону лесного массива, в село Кабурчак. Наша бабушка — представитель четвертого поколения беженцев. Когда она вышла замуж, молодые получили землю для строительства дома, поднимали его своими руками. Там же выделили им пай для посадки сада. Каждой семье давали один рядок. Но дедушка заболел туберкулезом, и все легло на плечи бабушки. Она таскала на себе землю, чтобы облагородить участок. В 25 лет овдовела, осталась с малюткой-девочкой, нашей мамой. А потом Гражданская война... Коллективизация... Продналоги, продразверстка... Это время и было моим детством. Отбирали хлеб до зернышка. Помню, бабушка хотела сохранить для нас торбинку кукурузы и «нечаянно» рассыпала ее в кучу желудей, которыми мы питались. Так нас заставили по зернышку собрать эту кукурузу и все равно отняли. Голод 1933-го года. По селу шли с Украины нищие женщины с детьми. Бабушка зазывала их в дом и кормила, делясь последним куском — черным, как земля, хлебом из желудей и щавеля. Горький вкус этого хлеба до сих пор ощущаю во рту.

Пришла пора идти в школу. Родители мои — Дмитрий Константинович и Мария Константиновна Дербеевы — были малограмотными, с четырехклассным образованием. Они очень хотели, чтобы я «выучилась грамоте», как тогда говорили. В деревне не было школы, и месяц я ходила в болгарскую школу в 1-й класс. Чтобы обеспечить перспективу в моем образовании, решили переехать в г. Карасубазар (когда-то ханская столица) в семи километрах от нашего села. Восемь лет я училась в русской школе, очень старалась, мечтала занять достойное место в жизни. Все восемь классов заканчивала с похвальными грамотами. Два портрета великих вождей, золотая рамочка, золотыми буквами хвалебные слова!.. Радость и гордость светились не только в моих глазах, но и в глазах любимой бабушки Анны, которая всегда присутствовала на родительских собраниях, когда вручали мне грамоты. Сама она была совсем неграмотной, но удивительно светлой личностью.

Наша жизнь тогда была очень трудной в материальном отношении, но окрыляла перспектива. Честно сказать, не омрачало двухсуточное стояние в очереди за ситцем, который доставался в безумной «борьбе», толкотне, давке в этой проклятой очереди. Очень часто вытаскивали из нее... Идем с мамой со слезами домой. Ну а если удавалось купить, — радости конца не было. До сих пор помню все свои платья, расцветку ситца. Еще сложнее было с обувью. Обувь... К 1 Мая обычно мама шила мне белые тряпичные тапочки (тырлыки — назывались) с бордовой или голубой касмочкой и застежкой-перепонкой. Блэск! Идешь домой после демонстрации с отбитыми по булыжникам стопами... И ничего! Все равно светил огонь где-то впереди. Причем, надеясь только на свои силы, старалась, училась. Отец работал кучером на строительстве Тайганского водохранилища, мама — на трикотажной фабрике. В 1937 г. родилась моя милая сестренка Катюша.

Были у меня замечательные подруги. Нас было пятеро. Роза и Маня — еврейки, Дина — татарка, Люба — русская и я — болгарка. Никто никогда не заострял внимания на национальности.

В день окончания восьмого класса... Июнь 1941 г.

Слева направо: Маня, Лена (сидит на стуле), Дина (стоит), Люба и Роза

В голову не приходила мысль о национальной вражде. Учились хорошо, ходили гулять в благоухающий от роскошных цветов городской сад, вместе часами выстаивали в очередях за хлебом. Жили, трудились, надеялись на будущее. Папа окончил курсы мастеров-брынзоделов. На полгода его отправляли куда-нибудь на совхозный пункт. Мама уезжала ему в помощь. Работали честно, на совесть. Продукцию отца посылали на ВДНХ, он был награжден знаком «Отличник мясной и молочной промышленности».

Постепенно налаживалась жизнь, папа с мамой работали, усиленно старались накопить деньги для приобретения жилья, продали бабушкин дом в деревне и купили небольшой в городе. Приложили много труда, сил, чтобы облагородить этот старенький домик. Особой заботой бабушки стала виноградная беседка и вьющиеся розы вокруг всего дома.

Шел 1941 год. Я закончила 8-й класс с очередной похвальной грамотой. Надеюсь прекрасно провести каникулы, т. к. этим летом папа получил направление на молочный пункт в Коктебеле у моря. Папа надеялся на мою помощь, работы на пункте было много. Заранее мне была определена задача: пропускать сыворотку через сепаратор и сбивать из сливок масло, перетапливать его. За такую инициативу папа получал премии, благодарность от Крымбрынзотреста. Папа с мамой с весны уже были там.

21 июня 1941 г. с сестренкой, четырехлетней Катюшей, и с подругой Любой мы, радостные, отправились к морю автобусом до Феодосии и далее в Коктебель. Ничто не предвещало грозы. В автобусе много военных, отправляющихся на отдых в военный санаторий.

Итак, 21 июня вечером мы с подругой отправляемся на прогулку к морю в сторону военного санатория, откуда на весь поселок гремит музыка. Смех, веселье, танцы, благоухающий парк, море роз, счастливых загорелых людей и настоящее синее, синее море...

Утро 22 июня. Радио в доме нет. Папа отмечает подозрительную тишину: не слышно музыки со стороны военного санатория. К 12 часам мы с Любой отправились на прогулку. Отдыхающие в панике: война! Толпа у репродуктора. Военных срочно рассаживают по машинам. Жен, детей сразу увезти не могут. С трудом отправила мою подружку Любу домой. Папа – в военкомат и на фронт. Мы с мамой сворачиваем производство.

Это время было тяжелым для всех, для всего народа, для всей страны. Бомбежки, голод, самое страшное – оккупация. Об эвакуации и речи быть не могло. Фашисты расстреляли моих подружек, евреек Маню и Розу. На наших глазах вывели из двора семью крымчаков (крымские евреи) 15 человек... А я пряталась от угона в Германию, заражалась специально чесоткой и стригущим лишаем, чтобы комиссия не пропустила...

Выжили, дождались своих. Об отце ничего не знали. Долго ждали весточки – не дождались. Но главное – враг изгнан с нашей земли! Это была весна 1944 года.

Заработали колхозы и совхозы. Задышали свободным воздухом и люди, и земля. Расцвел наш любимый сад... Я устроилась оператором на почтамт. Мы только ждали весточки от отца. Война еще продолжалась, но было ясно: скоро победа.

В середине мая 1944 г. меня в числе многих гражданских лиц пригласили в горисполком на какую-то важную ночную работу. Двор полон военными и гражданскими людьми. Очень много грузовых машин. Никто ничего не знает, все спрашивают друг друга: какая работа?

Собрали нас в актовом зале в три часа ночи и объявили правительственное постановление о выселении татар как врагов и предателей Родины. Трудно передать шоковое состояние. Целый народ объявлялся предателем Родины! Нас разделили на пятерки. Руководили и проводили операцию вооруженные военные, а наша задача – описывать ценные вещи, грузить на транспорт.

До сих пор звучит в ушах топот солдатских сапог по бумажнику. Мы шли по определенным адресам татарских домов и квартир. Ждали сигнала. В четыре часа утра по сигналу зеленой ракеты над городом военные застучали в ворота. Вышла сонная, испуганная взлохмаченная старуха. Ее грубо отстранили. Вошли в дом. От шума проснулась молодая женщина и заплакали два маленьких мальчика. Им зачитали постановление: выселяются как предатели Родины. Даны на сборы 15 минут. Муж старой женщины, два сына (один – отец плачущих мальчиков) воевали на фронте, защищали Родину. Всем известно, что предатели не имеют национальности, они встречались среди различных народностей. Но называть предателями целый народ?!

Увозили женщин, детей, стариков на грузовиках к железнодорожной станции, грузили в «телячьи» вагоны и – до свидания, маленькая Родина. Это был второй «национальный укол».

Первый «национальный укол» мы получили, когда выселяли наших соучеников и любимых наших учителей немцев. Мы всем классом провожали их. Все находились в крайнем смущении. Никто ничего не мог объяснить. О судьбе их ничего не знаем.

Через много лет стало известно, куда увезли татар. Позже мы узнали о таком же переселении чеченцев, ингушей, кабардино-балкарцев и др. Такая же участь постигла и крымских татар, греков, армян.

27 июля 1944 г. на рассвете, вероятно, опять по сигналу зеленой ракеты к нам в ворота сильно застучали. Вошли военные, очень спокойно зачитали правительственное постановление о нашем переселении. Нас не обвиняли в предательстве, в измене. Дали 20 минут на сборы. Очень неловко чувствовали себя эти молодые солдаты и офицеры. Смущенно отвечали на вопросы: почему? куда? И советовали брать с собой теплые вещи, потому что «повезут далеко». Помогли погрузиться на подводу, повезли к городскому саду, окруженному военными. Собрались на танцплощадке. Подъехали автомашины, на которые нам предстояло погрузиться. У кого в семье были мужчины, легко погрузились. А что мы с мамой и бабушкой могли погрузить? Мы бросаем вещи на машину, оттуда их выбрасывают на землю. Тот же путь: к станции Джанкой – и в «телячьи» вагоны. Нам было особенно больно, потому что ничего не знали об отце. Ведь еще шла война.

Можно представить себе опустевшие болгарские, греческие, армянские села, как еще раньше – немецкие и татарские. Погибал урожай, гибнул домашний скот... Никто не понимал и до сих пор не может понять логики этого геноцида.

Тринадцать дней в пути и, конечно, не по центральным железнодорожным магистралям. На остановках все выходили из вагонов (огромный состав), нас немного подкармливали, многие сами готовили. Нас было очень много. Исчезал постепенно страх. Никто не проявлял злобы. Появились гармонисты, скрипачи.

Подъехали к Уралу. Начали отцеплять вагоны. Разлучали со знакомыми, родственниками и новыми друзьями. Пермская область принимала спецпереселенцев: Губаха, Половинка, Березники, Соликамск, Красновишерск, Чусовая и др.

Нас приняли Верхнечусовские Городки. 8 августа 1944 г. ранним туманным утром мы вышли из вагонов, которые стояли в тупике на станции Урал-Нефть.

Жителям было не до нас. Все работали, мужчин было мало, жизнь шла по военным законам, взрослые поглядывали на нас искоса, а детишки с любопытством. Сначала поместили нас в классные комнаты начальной школы, несколько семей в класс. Разложили свои мешочки по углам, предварительно наши вещи очень тщательно проверили военные. Помню, нас проверял раненый однорукий красноармеец по фамилии Шилов. Очень доброжелательный, он успокаивал нас. А на-завтра – на работу. Мы строили здание для нефтеперегонного завода. Огромная территория его была огорожена. Копали канавы, таскали кирпичи, раствор. Самое трудное – лесоповал. За прогулы и опоздания судили. Мы старались не провиниться. К сожалению, воспоминания о жизни в Чусовских городках самые горькие за весь период тринадцатилетней ссылки. Не тяжелая работа пугала, совсем нет, а моральные унижения, подавление человеческого достоинства. Можно ли было представить, что в свободной многонациональной стране, которую мы любили, в которую верили беззаветно, кому-то в голову пришла безумная мысль – посорить народы разных национальностей? Я писала всем вождям, просила объяснить причину, требовала суда, если я в чем-то виновата. Ответ приходил коменданту: «на общих основаниях». Если бы можно было понять эти «общие основания»! Мы дали подписку под таким жестким документом: если уйдешь за 6 км от поселения, то это расценивается как попытка к бегству и карается 20-летней каторгой! Каторга у нас в стране?! Уму непостижимо! Раз в месяц – обязательная явка в комендатуру.

Мама простыла, т. к. работала в воде по колено, копала канавы. Бабушка нанялась пасти коз, чтобы хоть молоко заработать для маленькой сестренки и больной мамы.

У мамы брюшной тиф, лежит в отдельной палате, к ней редко заходят медсестры. Как я кричала, идя по улице! Люди обращали внимание, но никто не подошел, не спросил, не утешил. Равнодушные не судят. С трудом нашла главного врача больницы у него дома, т. к. рабочий день кончился. Я ползала перед ним на коленях, просила разрешения для бабушки находиться около мамы по ночам. Не помню фамилии врача, благодарна ему очень. Он поручил одной медсестре днем наблюдать больную, а ночью с ней была бабушка. Спасибо этим людям, спасли маму. После выздоровления она работала на лесопилке. Жизнь продолжалась. Наконец, нас расселили по баракам, сначала по две-три семьи в одной комнате. Мы не роптали. Время тяжелое, война, всем трудно.

Освободилось место табельщицы. К сожалению, выбор пал на меня, я оказалась более грамотной, что ли. Конторские женщины очень хорошо относились ко мне. Моя работа физически легкая, но очень ответственная. Надо было следить, чтобы не было опозданий и прогулов. Тогда судили даже за опоздание на 5 минут.

Наконец, получили весточку от папы. Жив! Собирается к нам. Очень долго разыскивал нас. Я обрадовалась, что глава семьи возвращается. Значит, мне можно попытаться счастья – продолжить учебу. Мечтала работать и учиться одновременно, чтобы помогать семье.

Мама вечерами вязала шерстяные белые платки, меняла на картошку – кто сколько даст. А шерсть вытаскивала из стеганого одеяла – единственную ценную вещь мы сумели привезти с собой.

Из Перми (тогда Молотов) приехала с проверкой начальник отдела кадров Молотовнефть Анна Павловна Буткина. Тщательно проверила и одобрила мою работу. Я поделилась с ней мечтой об учебе. С ее разрешения моя непосредственная

начальница Анастасия Гуреева выдала командировочное удостоверение в областное управление. Я была поражена человеческим отношением ко мне большой начальницы, которая даже предложила остановиться у нее. Не могла удержаться от слез: меня приняли как человека!

Документы (свидетельство за семь классов, похвальную грамоту за 8-й класс) сдала в педагогическое училище – там еще продолжался прием. Молоденькая секретарша, которая приняла документы, паспорта не потребовала (у меня его и не было, было удостоверение спецпереселенки) и выдала три справки: 1) о том, что зачислена; 2) для освобождения от работы; 3) для прописки и получения хлебной карточки.

Окрыленная и наивная (с текстом Конституции в кармане), я отправилась в управление НКВД за разрешением на учебу и переезда.

Представилась полковнику Диденко и обратилась с вопросом: имею ли право на учебу? «Конечно, – ответил полковник, – если примут». Я представила все справки и попросила подписать, завизировать мое заявление. Получила отказ; было велено обратиться в НКВД Верхнечусовских Городков.

Но меня подстерегала большая беда. На Урал-Нефти меня встретила мама. Я радостная, она печальная. Просит не волноваться и сообщает, что ее вызвала в контору секретарь Галина Ермакова и по поручению Гуреевой отчитала ее за то, что мы такие неблагодарные: она устроила меня табельщицей, а мы не подарили ей платок. Гуреева заказывала маме связать платок, но об оплате и речи не было. Мы ничего от нее не требовали. Правда, и не сказали, что дарим. Мама молча выслушала выговор, сказала, что мы ничего не просили, и в слезах вернулась домой. Женщины дома сказали ей, что в проходной висит приказ о моем переводе на черную работу. Утром я явилась на работу уже в рабочей спецовке, прочитала приказ о своем переводе и том, что на меня возведено дело и передано в прокуратуру. В обеденный перерыв пошла в контору к директору, спросила, какое дело передано в прокуратуру. Получила короткий грубый

ответ: там скажут. Началось «хождение по мукам». Допросы, допросы, угрозы. После работы, поздними вечерами, в сопровождении бабушки, сначала паромом через Чусовую, а позднее по скованной льдом реке пешочком – на допрос. Оказывается, я укрывала опоздания и прогулы спецпереселенцев, за них вывешивала их рабочие номерки. Об этом под угрозой той же Гуреевой написала докладную вахтер Некрасова. Была очная ставка. Она не могла посмотреть мне в глаза, но свои слова из докладной подтвердила. Другие вахтеры не поддались угрозам начальницы, не оклеветали меня. Они доверились мне, назвали предательницу. Мне грозила тюрьма, не меньше семи лет. Какие оскорбления, унижения я выслушала от следователя!

Вспомнила я о настоящем человеке, посланном мне Богом – Анне Павловне Буткиной. Написала ей в Пермь обо всем. Гурееву вызвали в область. Меня пригласил директор завода (возможно, он был просто начальником строительства). На вопрос, не по моему ли делу вызвали Гурееву в область, я ответила, что не знаю, но я писала в область. Он выразил недовольство: почему ему ничего не доложила? Я ответила, что пыталась это сделать, но он и слушать меня не хотел. Написала объяснение.

Гуреева вернулась из Перми, пришла извиняться и просить прощения. Теперь меня приглашали в прокуратуру в качестве свидетеля. Я не знала тогда, что взятка, вымогательство – преступление, караемое законом. Гуреевой пришлось ответить. Она ведь еще одну пакость сделала мне: написала огромную докладную в НКВД, в которой рассказывала обо мне как о предательнице: якобы я помогала немцам отправлять молодежь в Германию, была так называемой «шоколадницей», «жила» с немецкими офицерами. Эта ложь была разоблачена. Мне пришлось обращаться к свидетелям. Тяжело и противно об этом вспоминать. Разве понимание, что ты не виновен, утешает? Очень благодарна тогдашнему начальнику НКВД – Самарину, который восстановил справедливость и помог мне получить разрешение на учебу. С работы

тогда меня отпустил главный инженер Егоров. Не помню имен и отчеств, да простят меня эти хорошие люди.

И, хотя боль никогда не стареет, я благодарна судьбе, что в самое трудное для меня время в этом далеком уральском городке с прекрасной природой мне встретилось больше хороших людей, чем плохих, и эти плохие не смогли ложечкой дегтя испортить бочку меда.

В Городках прошли детские годы моей сестры, Катюши. Привезли ее в дошкольном возрасте. Пошла в 1-й класс, доучилась до 7-го. Она часто вспоминает школу, подружек, рассматривает фотографии. В памяти добрые школьные годы, детские площадки. Особенно дороги воспоминания о полноводной Чусовой, о роскошном лесу. Бабушка продолжала пастись коз, Катя носила ей еду, любовалась природой.

Приехал отец, устроился на работу. У него тоже отобрали паспорт, поставили на учет как спецпереселенца. Все крымские мечтали о возвращении домой, но примирились с судьбой.

Кто-то изобрел прекрасную формулу как объяснение и оправдание всех ошибок в мире: «Жизнь – это сложная штука» – и basta.

Только к 23 февраля 1945 г. я получила разрешение уехать в Пермь на учебу. Три года училась в педучилище и четыре года – в пединституте. Со мной учились милые девочки из Городков: Люся Новинская (Людмила Васильевна Иванова), Зоя Шардина (Зоя Даниловна Лукина), Рая Ермакова. Мы жили в одном общежитии, жили дружно, весело. Вместе ездили на каникулы домой. Иногда мне приходилось отставать от них, т. к. надо было получить письменное разрешение на поездку. Часто в поезде ко мне подходил человек в синей фуражке, требовал для проверки документы. Отличали по внешности. Как же это было унижительно! Какая нелепость: разве я виновата, что болгарка? Частенько и на Урал-Нефти меня встречали. Я избегала знакомств с молодыми людьми. Моя близкая подруга гречанка вышла замуж за военного, он пошел в НКВД восстановить ее в правах. Не вернулся к ней. Прислал записку: «Прости,

любимая, мне предложили такие условия, на которые я не мог согласиться: сдать партбилет, снять погоны и...» Сколько молодых судеб было погублено таким образом!

Я училась в педучилище, а летом работала воспитателем в пионерском лагере. После 1-го курса мне разрешили взять сестричку Катю на одну смену в пионерлагерь. Еще шла война, ехать можно было только по пропускам, подписанным начальником милиции. Я опоздала к поезду на Городки, попросилась на товарный (с военной техникой), не зная, что это строго запрещено. К тому же прозевала остановку на Комарихинской, а перед Лямино на ходу спрыгнула с поезда. Билетов на обратную дорогу не было, люди сутками ждали возможность уехать. Случайно встретила сапожника из Городков. Он нашел еще парня с совхоза. Они угнали старую лодку, и мы по Чусовой с 10 часов утра до 9 часов вечера добирались до Городков. Погода была прекрасная. Вот тогда предстала передо мной величавая красота Урала: мощная река, роскошный лес. Это самое светлое воспоминание о Верхнечусовских Городках.

После окончания института я получила назначение в с. Половинка (позднее – ст. Углеуральская, теперь Губаха-12). Туда перевезла свою семью из Чусовских Городков. Вышла замуж за болгарина из наших же краев. Переехала в Губаху. Только в 1956 г. нам выдали человеческие паспорта и устно предупредили: в Крым не возвращаться, в столичные города не переезжать. Мы уехали на Украину. После долгой переписки с властями я получила справку о реабилитации из УВД г. Перми от 6 июля 1995 г., где черным по белому написано: «...в 1944 г. выселена из Крыма в Молотовскую (Пермскую) область, где поставлена на персональный учет спецпоселенцев по национальному признаку. На основании приказа “В” ст. 3 Закона России от 18 октября 1991 г. “О реабилитации жертв политических репрессий” гр-н (ка) Деревеева Елена Дмитриевна реабилитирована»!

Родители ушли из жизни, не дождавшись реабилитации. Мы не получили никакой компенсации, т. к. Украина отказалась от

нас: «Вас выслаала Россия». Ни я, ни мои два сына не имеют собственного жилья. После смерти мужа я переехала в Челябинск к сестре. Теперь уже добровольно и с удовольствием вернулась на Урал, в Россию.

Нет ни зла, ни обиды ни на кого. Так распорядилась история. Только думаю: какой парадокс – нельзя было уйти за 6 километров от поселения, а работать в школе, учить и воспитывать детей – можно. Где логика? И хочется пожелать всем, всем: «Дай Бог, чтобы твоя страна тебя не пнула сапожищем».

Сентябрь 2001 г.

А. М. Герке

В жерновах истории

Я родилась 27 октября 1918 г. в деревне Розовка Харцызского района Сталинской (ныне Донецкой) области. Родители Мартин (Мартын) Иванович и Ольга Иосиповна (Иосифовна) Герке (в девичестве Кениг). Мать умерла от оспы, когда мне было десять месяцев. Тогда отец отправился на родину мамы в г. Бахчисарай Крымской области и по решению семейного совета, чтобы ребенок не попал в руки чужой женщины, женился на младшей сестре матери Анастасии. Она меня вырастила и воспитала, как и своих родившихся позднее пятерых детей.

Деревня Розовка – это своего рода хутор, где жили семьи братьев Якова, Мартина и Петра Герке и их замужних сестер: две сестры были замужем за братьями Бош и одна – за Лерхом.

Дом наш был каменный, одноэтажный, построен в виде буквы П. Одно его крыло занимала наша семья, второе – семья дяди Пети, посередине находилась комната бабушки. В доме на нашей половине было две кухни и несколько комнат: столовая, гостиная, детская, спальня родителей и большой зал, в котором на Рождество ставили елку. Сейчас, на старости, особенно перед сном, часто видится родительское подворье:

две конюшни, в одной стояли шесть коров, в другой – рабочие лошади и выездная пара отца, на которой он с матерью ездил в Харцызск, Енакиево и другие близлежащие города и поселки на базар, в церковь, в гости; кукурузник, колодец; возле него стояли две большие бочки: из них поили лошадей, а в жару я часто в них купалась. Возле дома было два сада: нижний – с огородом и верхний – через дорогу, в основном вишневый, были здесь также яблони, груши, черешня.

Жили и кормились тем, что выращивали в своем хозяйстве, излишками торговали, продавали молоко, творог, сметану, масло, гусей, кур, уток, фрукты, овощи. Благо, что на базарах и рынках шахтерского Донбасса все это пользовалось неплохим спросом. На вырученные деньги одевались и покупали предметы домашнего обихода.

В доме было пианино. Отец любил помузыцировать, особенно в праздники и когда приезжал из гостей навеселе. С нами, детьми, он разучивал детские песенки, меня обучал нотной грамоте.

В семье разговаривали только по-немецки. Отец знал польский язык (у него друзья были поляки), мог объясняться по-украински. Русский язык не знал никто, его нам пришлось осваивать на далеком Урале, куда нас выслали 30 марта 1930 г.

Мне, старшей из детей, было одиннадцать лет, шел двенадцатый, младшему Мартину – несколько месяцев. Он умер на Урале, не вынеся всех лишений, выпавших на нашу долю. Везли нас две недели в вагонах с нарами и высадили на станции Всеволодо-Вильва. К прибытию эшелона собрали с окрестных деревень мужиков с подводами, которые и развезли нас по новым местам жительства.

Долго на одном месте жить не приходилось. Приезжал «энкаведэшник» с подводой, и везли на новое место жительства. Сколько мы объездили деревень и поселков! Больше запомнились Усть-Игум и Кедровка, в которых прожили дольше всего, пока не обосновались в г. Соликамске в поселке Карналитово. К тому времени отцу на лесоповале упавшим деревом

повредило позвоночник. Его стали привлекать к более легкому труду – сторожить картофельное поле. Жили тяжело, дети пухли от голода, меня отдали в няньки в русскую семью. Здесь жилось сытнее, иногда добрая хозяйка справляла новое платье или давала какую-нибудь обувь. Когда на выходной я шла к родителям, хозяйка давала картошки или полкаравая хлеба. Дети знали это, ждали и радовались моему приходу.

В первые годы высылки очень спасало нас золото, которое мать сумела захватить из дома, когда пришли нас выселять. Ведь нас оставили буквально голыми: в том, в чем были одеты. Мать сумела собрать каждому небольшие узелки с бельем. Золото мать меняла в магазине Торгсина в Кизеле на продукты, муку, крупы. Делалось это тайком от органов НКВД и было небезопасно. Поскольку за женщинами был менее строгий надзор, чем за мужчинами, то несколько верных надежных женщин объединялись и в ночь уходили в Кизел, а наутро, отоварившись, шли обратно. В ночь же мужчины выходили им на встречу и помогали донести приобретенные продукты.

Так и жили мы до 1937 г., когда в ноябре отца арестовали по пресловутой 58-й статье, обвинив его в «контрреволюционной деятельности и шпионаже в пользу Германии». Больше отца мы не видели. Не знаем, расстреляли его или он умер в лагере; не знаем, в какой лагерь его отправили, – ничего не известно. И только в 1956 г. мама получила из Пермского областного суда справку о реабилитации ее мужа Герке Мартына Ивановича «за отсутствием состава преступления».

В сентябре 1938 г. я начала свою трудовую деятельность в качестве учителя немецкого языка в школе № 6 города Соликамска, где проработала до 29 ноября 1942 г., до призыва в трудовую армию.

В Верхнечусовскую нефтеразведку нас приехало тогда 30 женщин, в основном немки по национальности. Как относилось к нам местное население? По-разному. Некоторые третировали нас, обзывали фашистками, но большинство понимало, что мы к фашистам никакого отношения не имеем.

Михаил Филиппович Олюнин, Анна Мартыновна Герке,
Александр Павлович Березин

Поначалу нас поселили в общежитии на улице Буланова возле конторы нефтеразведки (позднее здесь находилась библиотека), а затем разрешили селиться на квартирах у местных жителей. С 1 февраля я была оформлена нормировщицей, но посылали на любые работы. Первым делом мы копали ямы на площадке, где предполагалось установить буровую вышку и все ее оборудование. Зима, мороз, земля глубоко промерзла, а нас, совершенно не приспособленных к тяжелой физической работе, торопят – срочно надо установить вышку на новом месте. Были и слезы отчаяния, но мы старались выполнять все задания. Мы возили горючее и оборудование для буровой, глину и воду для раствора, работали в лесу, грузили бревна на тракторные сани. На разведке было всего две автомашины и несколько тракторов. Вот нас и распределили по четыре человека грузчиками к каждой машине; работали в две смены. Все приходилось грузить вручную. Помню, бочка солярки никак не поддавалась нашей силе, и мы ее уронили. Хорошо, что все четверо сумели отскочить, никого она не придавила.

Но не только эти трудности приходилось преодолевать. Мы, как и все, недоедали и постоянно чувствовали голод. Пятисот граммов хлеба на день и скудного варева в столовой не хватало нашему молодому организму. Мы завидовали местным жителям, которые досыта могли есть картошку.

Постепенно мы втянулись в трудовой ритм того времени и поняли, что значит слово «надо». Эта школа жизни научила нас трудиться на совесть. Для нас, закаленных военным временем, совесть – наш контролер. И пришла Победа – одна на всех...

В 1946 г. я перешла в Верхнегородковскую школу, где и проработала тридцать лет.

Август 2001 г.

Н. В. Никулина

Порошины из Конец-Гора

История фамилии

Порошины – фамилия довольно распространенная в Верхних Чусовских Городках и окрестных селениях. Только в нашем 10-м «Б» в 1956 г. трое носили эту фамилию, хотя родственниками не были. Многих Порошиных узнала я, когда работала в Верхнегородковской средней школе. Были они из разных деревень. Особенно запомнился Миша – высокий, тоненький, белокурый мальчик, необыкновенно смешливый, с голубыми глазами и с таким высоким голосом, что я невольно заслушивалась. Голосок звенел, как колокольчик. Его соседка по парте, Галя Шардина из Пеньков, обладательница низкого голоса, улыбалась, когда Миша начинал отвечать урок.

Меня давно интересовала судьба семейства Порошиных из деревни Конец-Гор, что находится в нескольких километрах от села Куликово. Интерес возник не вдруг. Я училась в стар-

ших классах, когда Камское водохранилище стало заполняться водой, угрожая затопить находящуюся неподалеку от берега братскую могилу, в которой были похоронены местные жители, расстрелянные колчаковцами зимой 1918/1919 гг. Поселковый совет организовал перезахоронение останков на новое место – на пристанционную площадь. На новой братской могиле установили памятник. На мраморной плите золотыми буквами перечислены десять фамилий погибших. В поселке заговорили о временах Гражданской войны, вспоминали историю почти каждого расстрелянного. Однако, если о некоторых рассказывали довольно подробно, то о других явно недоговаривали. Я обращалась с вопросами к разным людям, но только еще больше убеждалась, что на эту тему существует негласный запрет. Почему – я не понимаю и сейчас. Тогда я впервые услышала, что в братской могиле похоронены два брата Порошины из деревни Конец-Гор.

Кто были эти люди? Как они жили? Почему их расстреляли?

В последние годы, когда я начала «копать историю», с этими вопросами я приставала, именно приставала, к любому, кто мог рассказать о них хотя бы в нескольких словах.

«Гласность» потихоньку развязывала языки. Только вот свидетелей осталось мало. Да и любое мнение субъективно. Рассказы опрошенных часто противоречивы. Однако картина начала вырисовываться.

Однажды местная жительница Лидия Архиповна Конова принесла мне семейную фотографию Порошиных из Конец-Гора. Снимок, вероятно, сделан в 1911 г. Между мамой, Степанидой Михайловной, и папой, Максимом Федоровичем, стоит младший сын Спиридон. Мальчику шесть лет; рубашечка навыпуск подпоясана широким поясом с цепочкой и модной пряжкой, в руках книга. Отец, по-видимому, невольно обнял

Семья Порошиных из д. Конец-Гор. 1911 г. *Сидят (слева направо):* Пелагея Михайловна (жена Николая) с дочерью Настасьей, Степанида Михайловна (мать), Спиридон (брат), Максим Федорович (отец), Николай Максимович. *Стоят:* Екатерина и Евдокия (сестры)

своего младшенького и, надо отдать должное, очень милого мальчика. Рядом с Максимом Федоровичем сидит его старший сын Николай. Второй сын Михаил в это время служил в царской армии, поэтому на семейной фотографии его нет. Через семь-восемь лет Николая и Михаила расстреляют колчаковцы.

Слева — жена Николая Максимовича, Пелагея Михайловна, с первенцем — дочкой Настенькой на коленях. На дальнем плане фотографии — дочери Степаниды и Максима: Екатерина (ей суждено умереть молодой) и самая старшая — Евдокия.

Никто из Порошиных в том далеком 1911 году еще не знает, что его ждет. Главе семьи, Максиму Федоровичу, на снимке немногим более шестидесяти лет. Но выглядит он отлично, ему суждена еще долгая жизнь. Младший сын, Спиридон, вырастет, у него будет многодетная семья: четыре дочери и восемь сыновей! Самый младший его сын, Миша, — тот самый мальчик с голосом-звоночком.

У Николая и Пелагеи, кроме Настеньки, будут еще два сына: Евгений и Александр. Во время Великой Отечественной войны Евгений станет командиром партизанского отряда «Ермак-Порошин», действующего на территории Чехословакии; Александр уйдет на фронт танкистом, погибнет в августе 1943 г. А Пелагея на 43-м году жизни родит еще одну дочь, Дусю, и проживет на свете 83 года.

Дочь Евдокии Лидия Архиповна Кононова через 80 лет принесет мне эту фотографию, и я впервые услышу историю семьи Порошиных.

Деревня Конец-Гор большая — 45 домов. Расположена в замечательно живописной местности. Здесь действительно кончаются протянувшиеся от Куликова на несколько километров белые береговые горы. Добротные дома располагаются вдоль берега Чусовой и взбираются на возгорки к полям. Все они обшитые, на фундаментах из природного камня. В самом центре деревни стоит высокий дом Порошиных. Максим Федорович сам строил его. Крыльцо — в десять ступенек, рядом три тополя. Сразу за деревней — поля. Обнесены они изгородью из наклонных жердей: один конец воткнут в землю, другой крепится меж двух кольев. В изгороди ворота; едешь ли из деревни или в деревню — открой перед собой да закрой за собой ворота, чтобы скот в поле не вышел, не потравил посевы. Братьям Порошиным всегда бежала открывать ворота маленькая косопалая Таська и никогда не бывала в убытке: то картинку бросят ей бравые парни, то денежку, то еще какой-нибудь «гостинчик».

Братья Порошины удались статью да проворством в отца: рослые и крепкие, работающие и веселые; друзей много — в каждой деревне. Смело говорили братья о необходимости отдать землю тому, кто ее обрабатывает, — партийными были, суждений своих не скрывали. Не всем это нравилось, и, когда

в конце 1918 г. пришли колчаковцы, кто-то донес на братьев. Фельдшер Черемухин принес им повестку явиться в волостное управление в Верхние Городки. Максим Федорович, видно, почувал беду, уговаривал сыновей не ходить в «волость», скрыться в лесу, но они, не чуя за собою вины и убежденные в своей правоте, надели лучшую одежду и отправились в путь. Прошло несколько дней, Николай и Михаил не возвращались...

Ох и длинный же парень был Вася Шардин из Пеньков. И всегда-то он с тальяночкой, а тальяночка в его ручищах казалась просто игрушечной – такая маленькая. Услыхал Вася, что его друзья из Конец-Гора вот уже несколько дней в «волости», и решил навестить их. Явился в управление веселый, конечно, с тальянкой. Только поднялся Вася на второй этаж старинного строгановского дома, в котором размещалась «волость», а там Тонька Звягин – совсем еще мальчишка, лет пятнадцать, не больше, – глаза свои круглые выставил да как гаркнет:

– И тебя с ними запереть?!

Вася так и покатился кубарем с лестницы, а тальянка – вперед него.

Вскоре разнеслась страшная весть: колчаковцы учинили зверскую расправу – ночью напротив Городков они расстреляли арестованных.

...После ухода палачей с места расправы один из упавших поднялся. Раздетый, в одном исподнем, босой, добрался он морозной ночью до Шалыг и в таком виде предстал перед родственниками. Это был Иван Андреевич Красных из Рассох. Той же ночью, взяв верхнюю одежду (будто бы без спроса), он пошел домой через Чусовую и Заболотье. Говорят, родственники из страха сами донесли о беглеце белобандитам. За Иваном Андреевичем была отправлена погоня...

...Заболотский фельдшер Фрол Шардин шел утром по дороге из Ведерникова домой. Слева огороженные заснеженные

поля, справа – болото. Навстречу бежал худенький бледный парнишка, а за ним, далеко еще, люди верхом на конях.

– Лови, он вор!

Фрол раскинул руки, преградив «вору» путь. Подоспевшие преследователи набросились на Ивана Андреевича. Только тут понял фельдшер, что случилось, да так и упал на дорогу, зарыдав:

– Что я наделал?! Что я наделал?!

Весть о дикой расправе, учиненной белобандитами, разнеслась по деревням. Родные расстрелянных шли к месту казни. Они увидели жуткую картину: девять тел раздетых, избитых до неузнаваемости людей лежали на льду Чусовой.

Степанида Михайловна и Максим Федорович опознали своих сыновей только по исподнему белью – настолько тела были изуродованы. Степанида Михайловна гибели сыновей не перенесла: сникла, заболела да вскоре умерла. Максим Федорович враз поседел, из дома ушел и долго отсутствовал. Одни старожилы говорят, что его белые пороли, другие, – что он в лесу прятался. Сам он молчал. Теперь истины не узнать. Шел ему тогда уже седьмой десяток. Трое его внуков, мал мала меньше, остались без отца; невестка, убитая горем, две дочери, совсем еще молодые, а младшему сыну Спиридону всего пятнадцатый год. Максим Федорович должен был жить, должен был взять на себя ответственность и заботу о семье. Сильным оказался старик: всех на ноги поставил, да еще дочку Дуську завел.

Всех погибших похоронили в братской могиле. Армишев Александр Васильевич, Красных Иван Андреевич, Кучумов Гавриил Степанович, Стрелков Павел Георгиевич, Уваров Семен Михайлович, Порошин Михаил Максимович, Порошин Николай Максимович, Рожков – следователь ЧК... В таком порядке значились их имена на мраморной доске. Стало известно (по-видимому, Иван Андреевич Красных успел рассказать),

что перед смертью братья Порошины просили разрешения проститься. Застрелили их крепко обнявшимися. В церкви погибших отпевали с полным церковным хором...

В 16 лет ушел из Конец-Гора Евгений Порошин с партией геодезистов, поработав с ними лето. Перед Великой Отечественной войной успел окончить интендантскую военную школу, служил на Камчатке, затем был переведен на Украину, в Белую Церковь. Вот тогда, в мае 1940 г., по пути на новое место назначения зашел с молодой женой ненадолго и в родную деревню, и в Перми у родственников побывал.

Начало войны застало начфина полка Евгения Порошина на западной границе. Он прошел путь многих: бои, отступления, бои, плен, концлагерь. Из плена бежал трижды, в последний раз – когда их, военнопленных, везли в наглухо задраенном вагоне через Польшу и Чехословакию на запад. Приметили, что одна доска в полу вагона «играет», и выломали ее. Из десяти прыгавших на шпалы в живых осталось трое, в том числе и Михаил Тумаев, с которым судьба свела Евгения еще в концлагере. Куда шли – не знали, шли, пока были силы.

На востоке Моравии, в районе города Оломоуц, они встретили действовавший здесь партизанский отряд «Прокopf Голый», командиром которого был Рудольф Прохазка. В этом отряде сражались и русские, ранее бежавшие из фашистского плена, а среди них Павел Волков¹ и Виктор Кружилин.

В конце 1943 г. в районе Драганского нагорья и Чешско-Моравской возвышенности действовала большая партизанская группа, возглавляемая Алонсом Шматкой. Она состояла из местных жителей и советских военнопленных, бежавших из немецких концлагерей, партизаны вели жестокую рельсовую

¹ Родственники Евгения Николаевича Порошина считали, что Павел Волков родом из наших деревень на Усолке.

войну с фашистами: проводили операции по уничтожению складов боеприпасов и горючего, устраивали диверсии на железных дорогах. Эта партизанская группа имела в своем составе несколько десятков советских военнопленных. Некоторые из них проявили замечательные организаторские способности и стали командирами самостоятельных боевых подразделений. Среди них были Евгений Порошин, Виктор Кружилин и Павел Волков. В документальном сборнике «Партизанская война

Евгений Николаевич
Порошин

в Чехословакии», выпущенном в Праге в 1961 г., сказано: «...советские партизаны были первыми организаторами партизанского движения в районах Драганского нагорья и Чешско-Моравской возвышенности».

18 октября 1944 г. девять человек: капитан Виктор Кружилин, капитан Тихон Куликов, политрук Георгий Иванов, лейтенант Борис Липин, техник-интендант Евгений Порошин (остальные четверо не названы) – встретили северо-западнее города Простейов (Простеев) другой партизанский отряд. Он назывался «Ермак» и был создан в Моравии Николаем Дмитриевым (первый командир) и Леонидом Железняком (первый комиссар). Оба погибли в боях. У руководства «Ермака» было много связных и лазутчиков на путях. Перед каждой операцией проводилась глубокая тщательная разведка, в результате которой – точнейшие бомбовые удары советских самолетов по немецким объектам.

Отряды объединились, тогда «Ермаком» руководили уже Петровский и Жуков. Естественно, не обошлось без «проверки кадров». Тогда-то, в декабре 1944 г., Михаил Тумаев

рассказывал им, как мужественно вел себя в плену Евгений Порошин. А Рудольф Прохазка восторженно отзывался о том, как Е. Порошин и П. Волков с партизанами летом 44-го совершали диверсии на железных дорогах.

В некоторых советских и чехословацких изданиях отряд «Ермак» именуется бригадой, т. к. это имя носили несколько отрядов, действовавших в Моравии, и назывались они по именам командиров: «Ермак-Дмитриев», «Ермак-Кружилин», «Ермак-Порошин». Другие командиры: Тихон Куликов, Андрей Фурсенко, Захар Олейников...

Отряд «Ермак-Порошин» действовал на обширной территории между городами Простейов и Оломоуц и был удален от основной партизанской базы. Штаб отряда размещался в селе Вышковцы в доме чешского антифашиста Мартина Свободы. Здесь разрабатывались планы всех боевых операций. В случае опасности партизаны уходили в лес, где у них имелись замаскированные землянки. Под стать командиру был и комиссар Николай Цуркан. Гитлеровцам удавалось навязывать партизанам тяжелейшие бои; в одном из них погиб Павел Волков. В штаб партизанского движения отряд «Ермак-Порошин» доносил: «В апреле на железнодорожных коммуникациях Оломоуц — Простейов пущены под откос четыре воинских эшелона гитлеровцев...»

В конце войны в населенных пунктах Моравии создавались подпольные органы новой власти. В архиве города Брно хранится протокол заседания революционного комитета народного освобождения деревни Ждетни, в работе которого участвовал Евгений Николаевич Порошин. Крестьяне, присутствовавшие на заседании, приняли присягу — не щадить сил и самой жизни для победы над врагом.

9 мая 1945 г. партизаны отряда «Ермак-Порошин» вступили в моравский городок Полички вместе с войсками 18-й армии I армейского Чехословацкого корпуса. Летописец Полички в тот день записал: «Русские уже на Майском холме! Настал прекрасный долгожданный мир. Первый танк славной

Красной Армии остановился на Дольной площади... А потом русские танки пошли дальше лавиной. Советских воинов встречали ликующими, громовыми приветствиями. Русские улыбались, благодарили за братскую встречу. Это были мгновения, которые никогда не забудутся».

Теперь мы знаем и последующую историю, а тогда... Но так и было! В 1947 г. полковник запаса Африкан Алексеевич Стенин писал: «Яркое майское утро. Четким строем по площади проходят воины Чехословацкой народной армии, затем демонстранты. На трибуне знатные рабочие, многочисленные гости. Моравский город Простейов празднует очередную годовщину освобождения Чехословакии... Я хорошо запомнил тот день потому, что познакомился с почетным гостем города, человеком очень интересной судьбы Евгением Николаевичем Порошиным, во время войны командовавшим партизанским отрядом «Ермак-Порошин»». (Газ. «Молодая гвардия», 1978, дек.)

В том же 1978 г. была издана книга А. Стенина ««Ермак» на Мораве». В книге есть некоторые неточности. На них указали родственники Евгения Николаевича Порошина Лидия Архиповна Кононова и Евдокия Николаевна Сорокина, проживающие сейчас в Городках.

Не мог А. А. Стенин рассказать в своей книге, что после войны Евгению Николаевичу не разрешили вернуться в родные края. Муж двоюродной сестры Анастасии Спиридоновны, пермский следователь Алексей Дмитриевич Кашин, хлопотал за бывшего партизана, но... побывавшим в немецком плену доверия нет.

«...После окончания войны у Порошина были выкрадены благодарственные не пропечатанные письма, удостоверения и документы, подтверждающие его участие в Сопротивлении. Поэтому он попал в советский лагерь «для проверки лояльности». Эти шесть месяцев ему показались тяжелее, чем те, которые он прожил в немецком плену. Нелегко доказать, что ты не враг народа. Бывших военнопленных обязывали показать свидетельства не менее двух очевидцев из тех, кто мог подтвердить их

достойное поведение в концлагерях. Большинство из "проверявшихся на лояльность" отправлялись на Колыму. Порошина спецпроверка пощадила.

Но так как подтверждающих документов оказалось недостаточно, он получил "черный билет". Фактически это означало запрещение жить в Центральной России. И Евгений Николаевич поехал на Дальний Восток...». (Из воспоминаний А. Тихонова, председателя совета ветеранов ОАО «Находкинский рыбный порт».)

Сначала Евгений Николаевич думал уехать туда один – перед самой войной дал слово матери, что разойдется со своей женой. Евгенией звали; по профессии учительница, во время войны она работала на заводе в Свердловске. Молодая была Евгения, к жизни не приспособленная, делать ничего не умела, и Пелагея Михайловна вынесла суровый приговор... Но в 1941 г. Евгения родила сыночка Юрочку; вот его-то и хотел повидать перед отъездом Е. Н. Порошин.

...Он увидел свою жену, когда она возвращалась с работы домой. Маленькая изнуренная женщина в ботинках на деревянной подошве шла, ни на кого не глядя. Ее жалкий отрешенный вид так подействовал на партизанского командира, что он решительно отказался от слова, данного матери перед войной. На Дальний Восток он уехал с семьей. В Перми Е. Н. Порошин повидался с родственниками, сюда же приезжала его мать Пелагея Михайловна.

В краевом центре Порошину прописаться не разрешили, не нашлось для него и работы. Два года он мыкался по Приморью. Об этом периоде жизни нашего земляка рассказывает А. Тихонов: «Наконец его взяли на строительство какой-то небольшой станции, кажется, Сибирцево. Строил вокзал. Потом, имея уже рабочую книжку, поехал во Владивосток, оттуда – в Находку... В Находкинском рыбном порту Евгений Николаевич работал с 1951 г. до своей смерти в 1970 г. Был стивидором, прорабом, потом заместителем начальника грузового района по хозяйственной части (в книге А. А. Стени-

на сказано, что он работал заместителем директора рыбного промысла). Человеком Евгений Николаевич был очень энергичным, быстрым, настоящий оперативник. И по характеру очень доброжелательный. Я не помню, чтобы он когда-нибудь повышал голос. Евгений Порошин был награжден пятью чешскими орденами и медалями. Из российских – только медалью "За победу над Германией". А вот когда его разыскивали чешские соратники, пригласили на юбилейную встречу, тогда-то и наши военные власти зашевелились. В 65-м, сразу после возвращения из Чехословакии, ему вручили орден Отечественной войны, сразу I степени... По письмам, архивным документам удалось уточнить боевые заслуги отряда "Ермак", состоявшего из нескольких подразделений... Отряд "Ермак-Порошин" насчитывал более 120 человек. За год боев из них погибли 57. На их боевом счету почти тысяча уничтоженных вражеских солдат и офицеров, железнодорожный эшелон из 18 вагонов с боевой техникой, 2 моста, 17 машин с техникой...»

В Находкинском военкомате хранится справка 1965 г., в которой сказано:

«Тов. Порошин Е. Н. в боях [на территории] Полтавской области... 28 августа 1941 г. был легко контужен в голову и ранен в правую руку, в связи с чем попал в плен и был отправлен в лагерь военнопленных в г. Кременчуг, после в г. Владимир-Волынский. В сентябре совершил побег. Но через две недели был пойман и направлен в лагерь Хамельбург, Тахо-Хайд. Вторично бежал в июле 1943 г. и через три месяца был пойман на границе Чехословакии, в г. Иглао. 3 февраля 1944 г. был направлен в концлагерь в г. Штрах (точного названия не помнит) и 2 марта 1944 г. бежал из лагеря с группой в 30 человек военнопленных. Но шел одиночкой 29 дней и вышел в Чехословакию близ г. Простейов, где организовал партизанский отряд, который действовал с июля 1944 г. по 10 мая 1945 г.»

В Находке Е. Н. Порошин часто выступал в школах, перед молодежью города, рассказывал о совместной борьбе с фашистами двух братских народов. В музеях города хранятся его

личные вещи: партизанская куртка, фотографии, карта, на которой отображен боевой путь подразделения «Ермак-Порошин».

Директор музейно-выставочного центра «Находка» Г. П. Коногорова прислала мне ксерокопии двух фотографий и газетной статьи. На одной фотографии запечатлена группа партизан отряда «Ермак» в Чехословакии, Евгений Николаевич – в первом ряду справа. На другой фотографии – Порошин с товарищами в штабной землянке отряда «Ермак». Статья Елены Бельцовой «Герой Моравии жил в Находке» была опубликована, по-видимому, в 1985 г. Вот выдержка из нее: «...Раньше, когда еще многие участники войны были живы, Порошин, к сожалению, не соответствовал стереотипу представления о герое. В отряд-то он пришел из плена!.. Этот “позорный” плен (невзирая на три побега), уравновешенный геройским подпольем, делал биографию Евгения Николаевича какой-то средней...

Уже потом, после чествования в Чехословакии, после вручения запоздавшего ордена Отечественной войны, Порошин вроде бы мог “годиться” в настоящие герои. Да вот беда – стал выпивать. И погиб из-за этого. Таким гордиться считалось негоже.

...Оценивать людей нужно по реально сделанному... Трагическую смерть бывшего командира не нам судить. Раз Евгений Порошин не погиб в Чехии, где стоят памятники не дожившим до победы партизанским командирам, значит, должны его помнить там, где он работал после войны – в Находке...». Так считают Бельцова и ветераны порта, которые ежегодно 9 мая возлагают венки на могилу Евгения Николаевича Порошина.

Надо знать об этом человеке и нам, его землякам.

В феврале 2000 г. вдруг мной овладело непреодолимое желание увидеть, каким стал «мальчик с голоском-звончком» (я не видела его более 25 лет)... Передо мной предстал высокий красивый мужчина в расцвете сил с белыми хризантемами в руках... После окончания Пермского университета Михаил Спиридонович Порошин работал в Перми следователем, старшим следователем, следователем по особо тяжким преступлениям

и уже вышел на пенсию. По стопам отца пошел его сын Максим, об этой же карьере мечтает дочь Светлана.

По всей России разъехались потомки крестьянина из Конец-Гора Максима Федоровича Порошина, есть даже за границей – в Корее. Есть и в Верхних Городках, только фамилии у них другие – Кононовы, Сорокины.

Сентябрь 2001 г.

Н. В. Никулина

Колобович

Стояли в деревне Заболотье на горе два дома. В одном Вариветка жил. Имя такое – Варивет. Вариветкой всегда звали. В другом – Колобович: Иван Федорович Порошин. Но по имени-отчеству его знали немногие, все Колобович да Колобович, а почему – никто не помнит. В старости ходила¹ за обоими Екатерина Михайловна Кузнецова (1885–1960). Ей и завещали свои два дома оба старика.

Когда-то была у Колобовича жена Анисья, да померла, а детей они не нажили. Пока мог, ходил Колобович по окрестным лесам, метлы заготавливая, лыко драл, лапти плел, а в старости побирался. Домой приходил веселый, довольный: булочки приносил, блины, яички – всякую всячину: люди-то в наших деревнях сердобольные были. А позже отказали Колобовичу ноги, опухли – встать не может. Тогда и попросил Екатерину Михайловну доходить за ним, да и плату обещал немалую.

Говорили в деревне, что давным-давно стал он в одночасье богатым, избу свою вместо обоев деньгами оклеил, лошадь прыжниками кормил. Откуда богатство взялось? Говорили, ограбил

¹ Ухаживала.

какого-то мужика, который в лодке с верховьев Чусовой плыл. Остановился мужик отдохнуть на берегу, поговорил с Колобовичем да и помер. Почто помер – непонятно, то ли сам по себе, то ли Колобович помог. Была у мужика в лодке подушка, Колобович будто и прихватил ее, а в ней были золотые зашиты.

Екатерина Михайловна историю эту, конечно, слышала, да и сам Колобович, надеясь на выздоровление, часто говаривал:

– Вот весна настанет, покажу тебе место, где я золото закопал, на всю жизнь и детям и внукам твоим хватит.

А болезнь делала свое дело. Понял Колобович, что ему уже не встать. Тогда и рассказал, что клад закопан под старой развесистой елкой, которая стоит на новине² Ивана Кирилловича Гуляева.

Чуть ли не все мужчины Заболотья (в наших деревнях часто говорили не «мужик», а «мужчина») искали, копали на указанном месте, только ничего не нашли. А сейчас здесь большое поле, и никто уже точно не укажет, где была новина, где стояла та развесистая ель.

У внучки Екатерины Михайловны, Маргариты Ивановны Шардиной, сейчас 13 внуков и один правнук. Нет-нет да и вспомнит она о Колобовиче. А мне рассказала эту историю ее мать Александра Ивановна – дочь Екатерины Михайловны Кузнецовой.

20 апреля 2000 г.

Н. В. Никулина

Панкрат и Олимпиада (Самосуд)

Хочу сразу предупредить читателя, что не комментирую эту дику историю, произошедшую в Нижних Чусовских Город-

² Новина – новый покос в лесу.

ках в первой четверти XX в. И даже если вы заметите намек на оценку, то знайте: это взгляд тех людей, которые сами были свидетелями события.

На краю деревни Поповка, находящейся не далее как в полукилометре от Нижних Городков, в маленьком полуразвалившемся домишке жили престарелые Панкрат и Олимпиада. Летом Панкрат нанимался пасти овец нижегородцев (так называли тогда жителей Нижних Чусовских Городков), а раньше, когда был помоложе, да и времена были другие, батрачил у Алексея Васильевича Дорогина. Алексей Васильевич жил с отцом. Самый большой и нарядный дом Василия Максимовича стоял в Нижних Городках на берегу Чусовой. Дорогины были хозяевами более чем исправными. Говорили, что в Перми у Василия Максимовича были «три дома для любовниц».

Однажды из стада, которое пас Панкрат, исчезла ягушка (молодая овечка) Михаила Степановича Шардина. Жители заподозрили в краже пастуха. Тщательно обыскав домишко Панкрата, они обнаружили где-то во дворе закопанную шкуру овечки.

Братья Алексей и Сергей Дорогины, Щербаков, да и многие другие мужики устроили самосуд. Панкрату и Олимпиаде связали руки и полураздетыми повели их по улицам Городков, при этом били плетями. Пленники попросили пить. Племянница Олимпиады Молюгина вынесла им молока, но Алексей и его дядя Григорий Максимович выхватили кринку, выплеснули молоко в лицо истязуемых, а в рот Панкрату сунули палку – «как кость от овечки». Алексей Васильевич сунул палку в руки Михаила Степановича Шардина и сказал:

– Бей их, они твою овцу зарезали.

«Но Михаил Степанович не поднял руку на Панкрата, только погладил его вичкой и сказал:

– Ах, ты, плут, плутишка.

Муж Парасковьи Петровны Ипановой посоветовал:

– Григорий Максимович, брось ты это дело.

На что тот ответил:

– А тебе это же надо?

Григорий Максимович был старый, седой и, в отличие от брата, бедный». (Из рассказа П. П. Ипановой осенью 1987 г.)

В сопровождении толпы односельчан, в том числе и многих детей, в памяти которых и запечателось это событие, Панкрата и Олимпиаду довели до пожарной (она находилась на церковной площади), подвесили вниз головой и еще били. Когда все разошлись, так и оставив несчастных подвешенными, Панкрат как-то высвободился и побежал в веретики (луг, затопляемый весной, между селом Нижние Чусовские Городки и деревней Поповка), но его поймали... «Они истекали кровью. Полуживых их повели в сторону кладбища (напротив Косьвинского лога), где были какие-то рвы. Их бросили в них и еще живых забросали землей. После жители их захоронили в настоящие могилы.

Инициатором самосуда был старший сын Алексей, которого в 1937 г. арестовали, а Сергея Дорогина как кулака выселили...». (Из письма Валентины Степановны Щукиной от 12.01.1987 г.)

29 мая 2001 г.

М. Ф. Мирошина

Русская баба

Евгения Александровна Коневских родилась в деревне Пеньки в 1914 г. В этом же году ушел на Первую мировую войну ее отец. И не вернулся. Пропал без вести. После войны мать вышла замуж в другую деревню, забрав с собой старшую дочь. А младшая Евгения осталась на воспитании у бабушки с бабушкой. Позднее с новой семьей мать попала под раскулачивание, и о ней больше не было никаких известий.

В доме деда царил строгий патриархальный порядок, по которому, во-первых, девок учить грамоте ни к чему. Во-вторых, сызмала (с детства) надо учиться делать всякую работу.

Школы в Пеньках не было, и только два года ходила девочка учиться в школу в соседнее село Куликово за пять километров.

В крестьянских семьях детей рано брали с собой в поле и на покос, и для каждого были свои, по росту, литовочки, грабельки, лопатки, топоры у мальчиков.

Молоко, творожок, сметанка, сливки и ежедневный посильный физический труд сформировали статную красивую девушку. А родители дали ей в наследство любознательность, музыкальный слух и сильный грудной голос. Она знала все народные песни, особенно любила свадебные; приметы, народные пословицы и поговорки помогали ей в рассуждениях о жизни. Замуж вышла за человека, у которого была своя гармонь.

Пока строилась Камская ГЭС, строился и новый, теперешний, поселок Чусовские Городки. Из затопленных Пеньков переехала и семья Коневских. Дом сухой, добротный, обшит тесом, с балконом, окнами на юго-восток. Выросшая в узком кругу семейных интересов, Евгения Александровна и на новом месте осталась такой: категорически отказалась участвовать в хоре, не ходила на женские посиделки; дети, семейное благополучие было превыше всего. «Какого мужа Бог дал, с таким и надо жить». Муж – музыкант, но относится к своему пристрастию несерьезно, иногда чудачит. Вот муж сделал себе гроб, поднял на чердак. Жена смолчала. У мужа – увлечение на стороне. И тайное стало явным. Но она ни разу не позволила никакого скандала с этой женщиной, принимала ее детей, даже подружилась с ними. Иногда пускалась на хитрость: когда вечером чувствовала, что он собирается уходить, она покупала (если нет денег – занимала) пол-литра, ставила на стол водку и закуску, а мужу на колени – гармонь и... начинался концерт. Однажды, искренне удивленный силой ее голоса, он произнес: «Ну и хайло!»

Иногда она приходила ко мне «чай пить» – это означало, что в ее мозгу сидит какая-то заноза и не дает ей покоя, например: почему Пасха не в числе? что это такое старый и новый стиль? почему тринадцатое число – несчастливое?

Две дочери выросли и отошли, муж умер. Евгения Александровна, оставшись одна, крепко держала хозяйство, очень берегла старинные вещи и была рада, когда взрослый внук увозил в Пермь старые самовары, треноги, ухваты и другую утварь. «Все-таки люди хоть посмотрят», — заключала она.

Ей было далеко за семьдесят, когда однажды она пришла ко мне и, открыв дверь, сразу от порога, начала:

«Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы.
Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах,
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах.
На твоих церквах старинных
Возрастают деревья,
Глаз не схватит улиц длинных,
Это Матушка-Москва...»

И так далее до конца. А потом вопрос: «Кто написал?»
Вот такие они, наши русские бабы!

Ноябрь 2001 г.

1. КТО МЫ ТАКИЕ?

Е. А. Коневских¹

А в старину у нас бывало...

Коневские — выходцы из Добрянского района, где эта фамилия распространена. Родилась я в деревне Пеньки недалеко от Нижних Чусовских Городков. Там когда-то поселился мой дед — Коневских Корнило Петрович. Сам он вырос в крестьянской семье и был способным юношей: самоучком выучился не только грамоте, но и освоил многие ремесла, профессии. Дед знал толк в плотницком, столярном и слесарном деле, ремонтировал сельскохозяйственную домашнюю технику, мастерила деревянную мебель, умел вязать носки и одноигольные варежки. Женившись на Марфе Евдокимовне родом из деревни Загрязнуха, он поехал странствовать по уральским городам. Умение многое делать позволяло ему спокойно содержать семью в любом месте. Много лет они прожили в Перми. Когда

¹ Литературную обработку предлагаемых записей Е. А. Коневских осуществил Ю. В. Герасимчук.

Корнило Петрович
Коневских

в семье стали подрастать два сына и дочь, родители решили обосноваться в деревне Пеньки. На красивом месте, на берегу реки Чусовой, построил дед свой дом. Рядом стояла изба, в которой он на верстаке резал наличники и выполнял разные столярные работы; там же варили пищу. Детей своих он с самого раннего детства привлекал к труду, обучая их всему тому, что умел делать сам. Достигнув возраста, мальчики пошли учиться и, окончив четыре класса Куликовской школы, продолжали учебу в Верхних

Городках. Позднее, но еще подростком, старшего, Луку, отдали портному в ученики. Овладев профессией, он стал мастером по пошиву одежды, а от него научился шить и младший брат, Александр. Парни были грамотные, боевые, веселые, много читали, а когда шили, то часто пели песни. Отслужив в армии, Лука вернулся домой и, женившись, ушел в село Куликово. Родились у него две дочки. Женился в свое время и Александр, у которого также были две девочки. Все, казалось бы, складывалось хорошо у этих умельцев, способных и к сельскохозяйственному, и к любому другому полезному труду, но грянул 1914 год... Первая мировая война оборвала жизнь молодых и достойных людей: Александр пропал на войне без вести, а Лука, хотя и вернулся с фронта, но заболел тифом и умер. Не обошло стороной горе и их сестру, которая вышла в свое время замуж за Сергея Николаевича Южакова в деревню Глазунову, но и он был взят на войну и не вернулся, оставив четверых сирот.

Пришла беда – отворяй ворота. От горя и непосильной работы умерли моя бабушка Марфа Евдокимовна и жена Луки. Корнило Петрович сказал: «Так Бог берет умных людей, плохие и Богу не нужны – с плохими Богу только маяться». Моя мама, жена Александра Корниловича, ушла замуж в деревню Косогор, взяв с собой только мою сестру. Я была самая маленькая из сирот, и дед оставил меня у себя дома. На трех человек нам давали пенсию 14 руб., да дед, хотя и был излетним, продолжал потихонечку что-то делать. Пахотной земли у нас не было, а были только покосы, благодаря чему и держали мы одну, а бывало, и две коровы. Возраст и душевные невзгоды сделали свое дело, и 6 января 1928 г. умер мой дедушка.

Мне хорошо запомнилась выходная одежда Корнилы Петровича: шуба из серого драпа, полы обделаны мехом, две красивые опояски, валенки кухмарские белые отделаны вышивкой из красной и черной шерсти.

Окончательно осиротев, еще подростком пошла я на заработки в люди: жать, молотить, работать на сенокосе. Да и на свою корову надо было заготовить сено, и запастись дрова на зиму, чтобы отопить большой дом. Нелегко мне досталось в ту пору...

Работающую в людях молодежь хозяева кормили, как правило, хорошо: к тем, кто скупился, работать не шли. И, хотя трудиться приходилось очень много, юность брала свое, и по вечерам молодежь собиралась, чтобы потанцевать уральскую кадрили, и было очень весело.

8 ноября в Пеньках отмечали день Дмитрия Донского, а в начале лета праздновали Троицу. Какое было гулянье! Сколько собиралось народу на полянку! Люди среднего, пожилого возраста и старые ходили по кругу, пели хороводные, круговые и плясовые песни. Любый желающий мог встать в круг и веселиться вместе со всеми. Тут же были и дети. На гулянье часто пели песню «Пчелонька». Запевал Михаил Семенович Шардин – большой любитель песен. Вечная ему память!

Но все это было в праздники. Будни же для всех, включая детвору, были заполнены ежедневным, порой нелегким

трудом. С самой ранней весны ребятишкам было чем заняться: мальчики лазали по деревьям в поисках птичьих яиц, все ходили за пиканами, пучками, кислицей, щавелем и луговым луком, собирали целебные травы. Были работы посерьезнее и потяжелее: вместе со взрослыми приходилось заготавливать дрова, боронить посевы зерновых в поле. Во время сенокоса ворочали маленькими грабелями траву, сгребали сено в валки, когда метали сено, ровняли его, стоя на зароде. В страду помогали жать, а жали тогда вручную, возили на лошадях снопы на ток, молотили хлеб, гоняли лошадей, которые приводили в действие молотилку, развязывали снопы, убирали от молотилки солому и полову, веяли и сортировали намолоченное зерно. Семьи были большие, и одним взрослым управиться со всеми работами было непосильно. В многодетных семьях ребята постарше часто отдавали в люди, где они выполняли ту же работу, зарабатывая себе на одесду (о том, что работников хорошо кормили, речь уже шла), помогая тем самым родителям вырастить младших братьев и сестер.

Корнило Петрович, как и подавляющее большинство старших в роду, считал, что девкам грамота не нужна, «только парням письма писать», поэтому училась я только два года.

Отсутствие грамотности заменяли в быту опыт старших поколений, здравый смысл и наблюдательность. Народ жил в полном согласии с природой, твердо зная, что она служит людям. Земля, лес, луга, вода – все приносит пользу. Взять, например, лес. Он нас отапливает, кормит, лечит, по нему мы узнаем погоду на предстоящий период. Радио тогда не было и в помине, и прогнозов погоды мы, разумеется, не слышали. Все определялось по приметам, которые рождались из наблюдений. Если в лесу начинает желтеть лиственница – скоро наступит зима; шумит, словно шепчется, лесная дубрава – быть дождю; если лес на горе шумит – быть сильному ненастью; если вода в колодце с началом заморозков шумит тихо – к теплой зиме, если же издает звуки – зима будет холодная, с бурями; если же во время ледостава много шороху – урожай в будущем году будет хороший.

Погоду на следующий день определяли по солнечному закату: если солнце село в тучу – к ненастью; солнце красно с вечера – будет хорошая погода. Обращали внимание на поведение домашних животных и птиц, что также помогало судить о предстоящей погоде.

Большую роль в излечении многих болезней и поддержании здоровья играли лесные и луговые растения. Использовали в лечебных целях и мурашей (муравьев): поставит, бывало, дедушка Корнило Петрович в муравьище бутылки, налезет на них полно мурашей, зальет дед бутылки с мурашами водкой, поставит дней на десять-пятнадцать, а потом – в марлевый мешочек и под пресс. Вот тебе и муравьиное масло – натирай, мажь, где болит.

Бабушка Марфа Евдокимовна хорошо разбиралась в целебных травах и полезных лесных растениях. В первую, с германцами, войну было очень плохо с чаем. Бабушка заготавливала для заварки чая различные травы: земляничные кустики во цвету, зверобой, тысячелистник, липовый цвет, подорожник, смородиновый лист, сушила в русской печке тертую морковь, но сначала отжимала из нее сок. Все эти травы и сушеную морковь заваривали по очереди: одну неделю – одну траву, потом другую, третью и так далее. Использование этих и других трав и лесных растений позволяло до глубокой старости сохранять людям здоровье, зрение, крепкие зубы. Бабушка умерла в возрасте 77 лет и до конца имела отличное зрение и целые, никогда не болевшие зубы. «Бабушка, у тебя не болят зубы?» – спрошу я, бывало. «Зачем кость-то болеть будет?» – вопросом ответит она. «А почему ты их не чистишь?» – «Я кушаю репу, калегу, морковь и стараюсь не простывать. Чаю напьюся, после этого на холод, на улицу не выхожу, а сразу в постель».

О пользе деревьев и кустарников. Береза. Весной собирали березовые почки, которые полезны при ревматизме. Из березовой коры гнали лечебный деготь, из бересты делали посуду: туески или бураки с крышками, на туески наносили рисунки. Весной гнали березовый сок. Когда бывало трудно с керосином,

для освещения жгли березовую лучину. Были специальные светильники, под которые ставили таз с водой, чтобы туда падали угольки. Церковники посвящали березе специальную службу, святили ее. В Троицу ветки березы приносили в церковь, ставили их возле ворот у домов. В старину вокруг березы ходили и пели хороводные песни.

Липа. Полезное и целебное дерево. В середине июля, когда расцветет липа, пчелы берут богатый взяток, доставляя хозяевам прекрасный липовый мед, отменный по своим лечебным свойствам. В пору цветения с липы обдирали кору, лубье замачивали в озере, а осенью с лубья обдирали мочало, из которого ткали рогожки, потом шили кули, годные для перевозки товаров. Из липовой коры зимой и летом делали лыко и плели лапти, легкую для носки и полезную для здоровья обувь. Лапти плели косыми и прямыми клетками (косое и прямое плетение). Позднее у нас такую частушку пели:

Раньше лапти мы носили,
У нас ноги не болили (болели),
А резины мы не знали,
До ста лет в лаптях шагали.

Ива. Ранней весной дает пчелам хороший взяток; из ивовых виц плетут корзины, морды для рыбной ловли, которые летом и зимой ставят в узком месте речки, а зимой опускают под лед.

Ольха. Отвар из ее шишек и коры хорошо помогает от поноса и дизентерии.

Черемуха. Сушеные ягоды и кора – верное средство от поноса. Черемуха цветет – земля готова для посадки овощей и картофеля.

Рябина. Ее ягоды богаты витаминами, помогают при лечении ангины и при пониженной кислотности желудка.

Ель. Еловую или пихтовую серу, вытекающую из порезов и повреждений на коре, смешивали с воском, со свежим коровьим маслом и кипятили. После остывания получался сочень –

пластырь. Когда кони, коровы прокалывали ноги, рану тщательно обмывали кипяченой прохладной водой, потом на рану накладывали этот сочень и крепко завязывали.

Пихта. Свежие ветки употребляли от туберкулеза, а сера шла на изготовление пластыря.

Сосна. «Ягоды» съедобны и полезны, целебна и кора.

Калина. Кору и ягоды, настоянные на водке, употребляли при заболевании печени. Отвар из веточек калины хорошо помогает при детском диатезе.

Крушина. Кора и ягоды применялись при запорах и болезнях печени.

Верес (можжевельник). Ветки и ягоды вереса, заваренные кипятком и настоянные, хорошо помогают от простуды и кашля. Этим же взваром поили лошадей от возгрия.

Веник, составленный из разных прутьев: словых, пихтовых, сосновых, березовых, осиновых, вересковых, заваренных в горячей воде, – позволяет не только попариться в русской бане, но и спасает от ревматизма и многих других хворей. Обычно веник делали не меньше чем из двенадцати разных прутьев; чем больше прутьев разных пород, тем полезнее.

Весной оставшиеся от посадки семена бабушка складывала вместе с сухими мелкими гальками в марлевый мешочек, чтобы они не теряли всхожести до следующей весны. Так она поступала с семенами моркови, свеклы, репы и редьки.

Раньше Пеньки состояли из четырех деревенок: Рычегово (там жили только Рычковы), Семичата, Соседкова и Нижние Пеньки. Всего было 86 домохозяев. Люди там жили сильные духом и телом: потомственные землепашцы, лесорубы, сплавщики. Весной, сплавив очередной караван плотов с верховьев Чусовой до Перми, мужчины закидывали на плечо большой тяжелый якорь и пешком возвращались в Пеньки или Нижние Городки. Народ у нас был работающий, умелый: держали много домашнего скота, мочили мочало, из тесу делали карбасы и шитики, а лодки выдалбливали из цельного ствола осины. В осине средней толщины выбирали середину, наливали туда

воду, от воды борта сами расходились в стороны. Внизу под долбленкой разводили и поддерживали маленький костерок, а чтобы дно лодки не горело, его все время смачивали водой с помощью веток, привязанных к палке. В воду, которая была налита внутрь долбленки, кидали раскаленные на костре камни. Долбленка очень ходкая лодка и легко идет под веслами даже против быстрого течения, когда и гребут-то не сильно. Сильнее грести бессмысленно, т. к. скорость увеличивается незначительно. Долбленка очень верткая, неустойчивая: стоит немного наклониться на борт – она сразу же переворачивается. Поэтому некоторые наставляли на борта тесницу (доску) или полторы. Скорость от этого уменьшалась, но лодка становилась устойчивее.

В Верхнегородковском районе было много талантливых самоучек. Николай Ильич Сигов, простой крестьянин из деревни Старая Гора, из дерева смастерил часы, которые работали очень четко и правильно. Обладая музыкальным слухом, он самостоятельно научился делать хорошие баяны, хромки и другие виды гармошек и на каждом своем изделии ставил свое «клеймо» – вырезал цветочек василек. Он постоянно распевал старинные песни или частушки. Пел он и о себе:

Николаю Ильичу поставлю сальную свечу,
Ему на здоровье, ему на велико.

Хороший был музыкант.

Татьяна Степановна Порошина, самоучка, воспринявшая знания и навыки от родителей, талантливая костоправка, лечила сложные переломы рук и ног, помогала людям во всех случаях.

Мстислав Павлович Ершов. Грамотный, умный, талантливый человек. Успешно лечил экзему и другие кожные заболевания. Люди приезжали к нему за помощью даже из-за пределов Пермской области.

Павел Михайлович Черемухин, родом из деревни Конец-Гор, из семьи крестьянина. В тяжелые годы (1919–1920) рабо-

тал фельдшером в деревне Куликово, был внимателен к больным, успешно лечил болезни внутренних органов и кожные.

Симеон (Семен) Алексеевич Кашин из деревни Заозерье, потомственный ветеринар, лечил не только домашний скот, но и помогал людям от разных недугов. Этим же занимались его отец и другие родственники. Все они могли дать людям добрый совет.

Павел Иванович Макаров из деревни Вилижна, из семьи крестьянина. Человек был талантлив, умел лечить скот, четко знал сельское хозяйство, писал о погоде, передавал сведения в область. К нему можно было обратиться с любым вопросом и многому научиться.

Я видела: где хорошие природные условия, там и люди жили хорошо. До 1952 г., до заполнения Камского водохранилища, перед Пеньками расстилались луга. Это очень важно, когда выгон для скота рядом. В болоте, пока оно не было затоплено, росло много разных ягод: клюква, голубика, морошка, брусника, ежевика. Это было большим подспорьем для людей.

Река Чусовая перед Пеньками – рыбное место. И до сих пор там рыбачат. А в старину рыбу ловили мережами, недотками, на удочку, на блесну, «на животь», зимой морды ставили. На левом берегу Чусовой было озеро. Осенью туда прилетало много уток. На лугах и около леса росло множество грибов.

Все женщины, которых я знала и помню, были большими умелицами: пряли, ткали полотно, идущее для пошива одежды для всей семьи, умели печь хлеб и разную сдобу: булки, булочки, разборники, рулеты, розанцы, торты, вафли из пресного и из кислого теста, воровочки, калачики из кислого теста в топленом масле, калачики пресные из сметаны и яиц. Калачи, вареные в воде или выпеченные на листах в русской печи, не уступали по вкусу купленным в магазине.

Вечная память прекрасным людям!

Знала я все деревни и села Верхнегородковского района, везде бывала, везде у нас люди хорошие. Особенно мне нравились Нижние Городки. Стояли они на веселом месте, селение

украшала старинная церковь. Улицы прямые, вокруг домов чисто. Выгон для скота рядом, вокруг селения – веретики. Сразу за селением озеро, которое соединялось с Чусовой узенькой протокой Буртышкой. Недалеко от церкви озеро Круглое, очень глубокое. Местные жители связывали 18 вожжей, но до дна не смогли достать; в диаметре же оно около 50 м. Народ в Нижних Городках приветливый, не соблашливый; мужчины работающие, трудолюбивые, а женщины – мастерицы на все руки, девушки по вечерам собирались на скамейки с рукодельем. В 1930-е годы, до создания колхозов, народ жил здесь богато. Многие держали по две-три коровы, а некоторые и по пять-шесть. Топленое масло и сливки возили продавать в Лысьву и Чусовую. Земля на огородах черная, мягкая – хорошо родились овощи: вики капусты по 12–15 кг, первые помидоры в крае стали выращивать в Нижних Городках. Овощи тоже возили на продажу, охотно покупали их жители окрестных деревень. А вот рыбу нижегородцы покупали зимой кулями в деревне Попово. Поповцы черпали ее из прорубей в озере и сразу – в рогожные кули.

В Пермь снаряжались подводы из 10 подвод и более. Из Верхних Городков путь их шел через деревни Комариху, Пеньки, село Куликово, по деревням Гармоново, Заозерье, далее 18 км по Лядовскому волоку, – это лесная дорога, – и в Пермь на базу.

На месте теперешних Городков тянулись покосы. Не было деревни Первомайка, поселка Карьер и Дома инвалидов, везде были покосы и поля. А вот деревня Комариха – старинная. На речке Комариха стояла мельница; место удобное, без гор, под окном – вода, а значит, и рыба, поля, покосы рядом. В деревне было десять домов и небольшая деревянная часовня, в определенные праздники приезжали попы и служили молебн...

В 1918–1919 гг. боев в Пеньках не было. Однажды в декабре 1918 г. бабушка взяла меня и отправилась к соседям, а дед ходил во дворе своего дома в тулупе. Дом был заперт. К воротам подъехали всадники, двое или трое. Кони скребли снег копытами,

подбирали сennую труху. Один из всадников сказал: «Смотри, какой дом хороший, какой-то помещик живет, видно, уехал куда-то». Но в дом не полезли. Пришел однажды мужчина, поговорил с дедом, а на следующий день пришел в форме и велел деду снимать валенки. Пришлось валенки отдать. Это точно белый был. А лошадей заменяли: худую оставят, а хорошую возьмут. В избе бабушка кормила солдат, они сидели на высоком верстаке деда, свесив ноги. Я испугалась, залезла под верстак в угол и заплакала. А один солдат говорит: «Вылезай, девочка, не бойся, у меня дома такая же дочка осталась». Я и вылезла, но когда это было, зимой или летом, не помню. Летом пришел военный и сказал: «Из дома не выходите, перестрелка будет». Но перестрелки не было.

В Пеньках были красные, а на Валежинском тракте, через Чусовую – белые.

В Пеньках никого не раскулачивали, даже когда раскулачивали повсюду.

1989 г.

М. Ф. Мирошина

Этнографические записки

Примерно в 1883 г. из деревни Вятки приехали на Чусовую две семьи: Мирошины Григорий Семенович с женой Натальей Мартыновной, двумя сыновьями, Михаилом и Федором, и дочерью Александрой, и Перминовы. У Перминовых главу семьи звали Михаилом, было у него пять сыновей: Федор, Григорий, Семен, Иван, Михаил – и дочь Варвара. В Верхнечусовских Городках их в общество не приняли, земаю не давали. Поэтому Перминовы поселились в Беловской. Григорий Семенович Мирошин обосновался в Городках, ему пришлось «работать в ремонте», – по-видимому, это была работа в лесу. В это время в Верхнечусовских Городках строили больницу. Существовала

фотография (к сожалению, она не сохранилась): мальчик лет двенадцати стоит, держа вожжи в руках, возле лошади, которая привезла бревно для строительства этой больницы. Этот мальчик – мой отец Федор Григорьевич Мирошин, 1877 года рождения.

Он вернулся с Первой мировой войны в Верхнечусовские Городки в 1917 г. на костылях. Поселился в отцовском доме, который стоял на усадьбе Кропачевых. Во время войны отец служил в кавалерии вместе с Павлом Николаевичем Кропачевым. При доме совершенно не было земли, поэтому отец решил строить дом на новом месте.

Участок под строительство выделили «за мостом на Малой улице», т. е. на левом берегу Усолки, за Булановским мостом, на перекрестке улиц, которые позднее были названы именами Буланова и Кирова. По проекту дом надо было ставить точно на углу, а на этом месте было озерцо, из которого вытекала маленькая речка и бежала в Рассошку-копанку. Прежде чем поставить дом, участок надо было *высорить* – привести в порядок, поднять. На будущий огород мы наносили с отцом 103 груды навоза. В озерцо, где позднее поставили дом, отец навозил и набросал срубленные деревья вместе с ветками, сверху насыпал камней, щебня, потом еще слой деревьев с ветками, еще – камни и уже только тогда выложил фундамент дома из природных каменных плит. Участок отец получил в 1919 г. Пока высорил участок и поставил дом, прошло шесть лет.

Под углами будущей печи отец выложил из таких же каменных плит четыре столба, из них же в виде арок выложил низ нашей большой печи.

Дома в Городках рубили в основном из ели. Часто строили пятистенные – это две обычные избы, поставленные рядом и соединенные теплыми сенями¹. Семьи были большими, и обязательно жили три поколения. Печь приходилось топить каж-

¹ Именно такие дома в Верхних Городках и окрестных деревнях называли пятистенными.

Мост через речку Усолку. 1954 г.

дый день и даже в жаркое время года, чтобы испечь хлеб, сварить обед. Зимой всей семьей спали в одной избе, хотя во второй тоже была печь. Летом вторая изба спасала от духоты взрослых, а молодые спали на *поветях* – сеновалах и *вышках* – чердаках. Старший сын по тогдашним законам в армию не призывался, потому что считался кормильцем стариков-родителей. Когда же старшего сына женили, его можно было, не разрушая семьи, разделить, поселив во вторую избу.

На окнах были двустворчатые деревянные ставни; зимой их закрывали на каждую ночь, летом – во время грозы. Некоторые окна украшены резными наличниками. Кто не знал, куда деть деньги, красил ставни и ворота. Но полы – никогда. Вот как мыли женщины некрашеные полы: сначала одну-две половицы смачивали водой, затем посыпали их дресвой и тщательно протирали *голиком* – веником без листьев (ветки «голые»), потом *вехоткой* или *вехтем* – мочалом, после чего смывали одной водой, а потом второй, чистой. После такой

обязательной субботней процедуры широкие половицы просто светились.

Многие дома были обшиты досками. Рядом с домом – въездные ворота из двух полотнищ и калитка – входная дверь с крыльцом со стороны улицы и щеколдой со стороны двора. Когда уходили из дома, в крыльцо калитки закладывали небольшую палку – значит, дома никого нет, и не требовалось никаких замков.

Во дворе стоял амбар, где хранили в мешках зерно, в ларях – муку, там же хранилось мясо скота, выращенного специально для этой цели. Обычно фасад дома, калитка, ворота и амбар стояли по одной прямой линии. Но иногда амбар ставили под углом, т. к. в конце амбара делали ледник, и было важно, чтобы сюда попадало меньше прямых солнечных лучей. Ледник делали так: выкапывали яму, примерно квадратную сажень (около 2 кв. м); весной, когда снег еще мягкий, а утренние морозы сильные, в яму набирали снег и закрывали соломой. В леднике хранили молоко, сметану – все, что быстро портилось.

За домом и амбаром стояли *дворы* – конюшни для лошадей и коров. Для овец и свиней отделили место в этих же конюшнях. Все строения: амбар, конюшни, чуланы – назывались *службы*, все они вместе с домом были подведены под одну крышу.

Внутренность избы была типичной: она как бы делилась по длине на 2:1.

Вход из теплых сеней, предположим, третья часть справа. Печь начиналась на таком расстоянии от стены, чтобы со временем можно было устроить лежанку для больной или одряхлевшей *баушки* – бабушки, а пока здесь место для умывальника. Между печью и правой стеной тоже небольшое расстояние – место для ухватов, печных лопат, сковородника, да и спокойней в противопожарном отношении. Перед печью – царство хозяйки, *бабий кут* – кухня. Маленькая *заборка* отделяет кут от остального помещения. В ней *грядки*, широкие невысокие полки, а на них: *сельница*, в которой сеют муку, дуплянки с разной мукой, *мутовка* для размешивания теста,

плетеные из бересты чашки для выстаивания теста перед выпечкой, специальный *квашенник* – ножик, больше нигде не употребляемый, да мало ли еще необходимых предметов. Свет из окна падает в топку так, что хозяйка хорошо видит чрево и уж не посадит один каравай на другой.

Печь большая, сложенная из кирпича или *битая* из глины. Битые печи дешевле, но требовали большего времени на сооружение, да со временем и мастера исчезли. *Били* глинобитные печи деревянным «молотком» – часть ствола дерева сантиметров сорок, один конец заострен – им пробивали и сбивали глину; другой конец ровный – им глину разглаживали. Ручкой такого «молотка» часто служил ошкуренный сучок – часть ветки 25–30 см. Над шестком – *печурка* – углубление в один-два кирпича для вилок, ножей или спичек, лучины и пр., а рукавички, носки, чулки сушили тоже в печурках, которые находились с боковой стороны печи. Рядом с печью, на одном уровне с ней – лежанка из широкой доски. Под лежанкой – *голец*, небольшое подполье, где хранятся овощи на месяц-два. Основная часть овощей хранится в овощной яме в огороде. Зимой из нее берут свежие овощи не больше двух раз. Открывается дверца подполья не вертикально, она задвигается под печь, под арки фундамента.

У Олюниных, которые приехали откуда-то издалека, печь была не типичная для Городков. Тоже большая кирпичная, но с двумя подтопками, спереди и позади. Кроме первой плиты – шестка – в передней части топки, за *челом*, была положена вторая плитка, а дальше, в *под*, было уложено битое стекло, со временем запекшееся.

Теперь о левой, большей части избы. В переднем левом углу иконостас и стол; вдоль левой и передней стены идет сплошная *лавка* – скамья. Справа, у кухонной заборочки, шкаф для посуды с обязательной откидной наклонной доской.

По небольшой лесенке можно было подняться не только на лежанку, но и на *полати*, которые устраивались немного выше печи и простирались вплоть до противоположной левой стены. На них зимой спали впопалку.

Особо бы хотела остановиться на разговорной речи.

Говор – усиленно окающий: *огород, ворота, корова, молоко* произносились точно по написанию; «я» и «а» в безударном положении произносились как «е»: *чесы, обезательно, девять, ребина, везать, пресь* (прясть), *петак, опеть, плесали*, половики *тресли* (выбивали пыль); безударное «е» превращалось в «о» или «и»: *ребенок*, холсты *билили* (беслили), *писни пили* (песни пели). В некоторых словах вместо «ц» слышалось «с»: *куриса, улиса, девиса, красависа, пресниса* (пряха), *петниса* (пятница). «Щ» слышалось как «ши»: *ишио* (еще), на *ишоке* (на щеке) родинка, *пишишит*. Вместо «пусть» говорили *пуцай*.

В словах выпадали гласные или согласные, когда они рядом: *думаешь, делаешь, осуждаешь, играешь*. Проще сказать *Егорей*, чем Георгий, *хощь* вместо хочешь, *одежа, надежа* вместо одежда, надежда.

От древнерусского говора остались полногласия, краткие прилагательные, местоимения: *коя* – которая, *коей* – которой; *ни стыда, ни сору* (сраму) *ни с котору сторону* (пословица); *середи* – среда.

Когда мне первый раз пришлось стоять на зароде, отец настойчиво поучал: «Набивай ту же *середку*, утаптывай ту же *середку*, и около стожаров, чтоб не пролило осенними дождями».

Бабушка нянчит моего полугодовалого брата Гришу, он начинает «прыгать» – отталкивается с колен, бабушка поет:

Скок-по-скок на калиновый мосток,
Женихов смотреть, не вес (т) выбирать.
Коя в красиньких сапожках,
Та и Гришкина невеста,
Коей в косиньких лапотках,
Тот и Манин женишок.

В обиходе были слова: *коевадни* (несколько дней назад), *ономедни* (вчера, позавчера), *сегоды* (сего года), *сия*; «...куда положила, по сю (сию) пору не найду».

Краткая форма слов сохранилась главным образом в фольклоре:

Я вечер молода во пиру была.
Мы сидели с Кузинькой
На скамейке узенькой,
На меня мил осердился,
Со скамеечки свалился.

Посияли (посеяли) девки лен, девки лен, девки лен,
Уродился алой мак, алой мак, алой мак,
Повадился в ал мачок молоденький парничок...

А муж моей крестной (крестны), Павел Ермаков, припевал:
Еще Паша Ермачок, Ермачок, Ермачок.

В обиходе не было вопроса «что»? Было только «че», и даже не звонкое «ч», а приглушенное, мягкое «чъ» и «о»: *чъо делешь? чъо шьешь?* и т. д.

Когда к нам в Городки «хлынули» люди, началось «всеобщее обучение», т. е. произошло «смешение языков». Откликнулась и «поэзия»:

Милка, чъо, милка, чъо, милка, чъокаешь почъо?
Я не ваше благородье, хоть почёкаю, так чё?

Это *чъо* живо в Городках и поныне.

Обязанность логического ударения выполняла частица *-то* во всех формах, числах, родах и падежах: Угланов-ту ругашь, а сам-от че делаешь? Двери-то запирай, студено! холода-то сегоды вон какие! Самые-те ягодны места... Коситься-то легче тогда, когда литовка правильно и на тебя посажена.

Иногда основное логическое ударение подчеркивала частица *-ка*: где-ка тут искать-то? Ну-ко попробуй, ударь!

Были установившиеся обороты речи.

Пошла по воду. Сказать «за водой» – нельзя, потому что «за водой» можно уйти далеко. Поэтому, видимо, и ходили *по грибы* и *по ягоды, в лавку по карасин* (керосин).

Льза да можно, так сделаю. Это означало, что дело предстоит очень трудное, но надежда есть.

Зубатить, зубы уставлять – дерзко отвечать, «огрызаться» на справедливые замечания старших.

Делать капусту – засаливать на зиму. Вот ведь не говорили: «Делать огурцы», а капусту «делали».

Под ложкой болит, сердце ссет, – жалуется *баушка*, берет кусочек хлеба, пожует, и все приходит в норму. А «под ложечкой сердце ссет» там, где кончается грудная кость, ребер там уже нет, ткани мягкие. Дело, видимо, в том, что с приближением обеда или ужина появляется чувство легкого голода. За вечерним чаем бабушка всегда брала кусочек сахара, щипчиками дробила на мелкие кусочки, клала под подушку, чтобы ночью успокоить чувство голода, когда «под ложкой заболит».

Теперь о лексике.

Мне трудно сказать точно, какие слова были диалектными, т. к. не могла сравнить ни с чем. Вот разве *лопоть* – общее название верхней одежды. *Лопотиной* могли назвать и *пинжак* (пиджак), и шубу, и борчатку (верхняя мужская одежда, отрезная и приборенная в талии на спине), и жакетку и т. д.

Можно было услышать такой разговор. Одна соседка говорит другой: *Дож, дак утресь по губы бегала, соленные пошли*. В переводе это значит: за грибами пошла не потому, что они очень нужны, а потому, что дождь, и ни в поле, ни на покосе работать нельзя. *Губы* – обобщенное название грибов; *утресь* – не просто утром, а рано утром; *соленные пошли* – грибы, которые употребляют только засоленными: кубышки, *грузли* (грузди), *волвенки* (волнушки).

Из названий частей человеческого тела: брюхо, загривок, хребет, *вихлок* (копчик) – разве только последнее было диалектом.

Диалектизм *векша* (белка) употреблялся при желании обидеть.

На руке *персты*, а *пальцы* – только у тележных колес. Рукавицы были меховые и кожаные без меха. Последние, *голицы*, надевали на шерстяные варежки – *испотки*. Испотки, связанные на спицах – *иголках*, назывались *панские*; испотки, связанные крючком, – *ковыренки*. Были и *шубенки* – мехом внутри.

Косили не косой, а *литовкой*. Узкая металлическая режущая часть прикреплена к деревянному *ратовищу* с ручкой-рукояткой для правой руки. Насаживают каждую литовку персонально для каждого человека, чтобы легче косить, и первое требование: рукоятка для правой руки должна находиться на высоте пупка. Второе: расстояние от рукоятки до пятки косы должно быть равно расстоянию от рукоятки до носка косы (не зная геометрии, люди пользовались радиусом). Тогда косцу не надо нагибаться, а размах шел, говоря сегодняшним языком, по правильной окружности. Во время косьбы заняты обе руки, поэтому и проходят *оберух*, а не покос.

Наряду с правильным употреблением частицы *-ся*: умываться, учиться, в обиходе были, на первый взгляд, несурзные выражения: *стираться*, *обряжаться* со скотом, *величаться* (например, в праздник на полянке гармонист пытается отказаться играть кадриль, ждет, что его все равно попросят, т. е. действует по принципу – будто не мог отбиться, а сам давно рад), *строиться*.

Страда – суженное понятие – «сенокос»: отстрадался – значит, выкосил все, заготовил достаточно; уборка зерновых – *жатье*, *отжались* – все выжали.

Фамилии и прозвища.

Когда я начала вспоминать, какие семьи имели прозвища, оказалось, прозвища были далеко не у всех. Братья Андрей и Иван Крекины: Андрей был только Крекин, а Иван и его потомство – Крекины-Маленочкины (*маленка* – деревянная посуда для муки и крупы). Павел – только Ермаков, а Сергей Ермаков и его братья – Мичурины. Иван Чесноков, а Петр Чесноков – Онтипаичев (Антип – Онтипа). Александр Долматов, а его брат Андрей Долматов и его потомство – Зюзины. Михайло Степанович Чудинов, а Михайло Иванович Чудинов – Медведко. Братья Сергей, Петр, Кузьма, Ефим Чудиновы – Зимины. Жестянщики Чудиновы из Ведерникова – Купцы, Купцовы. Паша Попов, а семья Поповых, Михаила и Пантелеймона, – Клопиковы. Портной Павел Пермяков, а Пермяковы Василий, Петр,

Вера, Антон – Петрушановы. Павел Николаевич Кропачев, а Мария Меркурьевна Кропачева с пятью сыновьями – Козикины (парни постоянно дрались – «бодались»). А Федора и Якова Кропачевых звали Крапачевыми. Михаил Бражкин, а Бражкины Николай с братом – Ладыгины. Две старые девы сестры Березины, которым было около восьмидесяти лет, – «Березины девки». Осип Березин и его четыре брата – Коробки. Яков Иванович Кучумов, а братья Кучумовы Павел и Алексей – Зубилко.

Все они – коренные жители Верхних Городков. И напрашивается вывод: в 400-летней глубине поселка эти однофамильцы были родственниками, когда-то вышли из одной семьи. Со временем родство забылось, а потом совсем исчезло. А жизнь потребовала для удобства общения для каждого дать свою «отметину». Прозвища не считались унижением.

Н. В. Медведева

Фамилии жителей Чусовских Городков в первой половине XVII в.

Фамилия человека порой является загадкой для него самого. Каждый связывает свою фамилию со своей семьей, родом, и «раскопки» о истории своей семьи, уходящие в прошлые годы, а иногда даже века, всегда связаны с интересом к тому, какие фамилии носили родственники разных поколений, и главное – как образовалась и что обозначала эта фамилия. Процесс исследования истории семьи и изучения формирования фамилии не только чрезвычайно интересен, но и труден. Заглянуть в историю помогает кропотливая краеведческая работа, в том числе и лингво-краеведческая.

Подлинные свидетели истории развития Пермского края – исторические документы, являющиеся памятниками письменности, сохранили для нас бесценную информацию о истории нашей малой родины – Чусовских Городков.

Обращаясь к памятникам письменности Прикамья, историки, краеведы, лингвисты делают все новые находки. Цель у каждого исследователя своя, это тот толчок, та ниточка, держу за которую, мы разматываем в процессе дальнейшей работы с клубка истории интересные и неожиданные факты, складывающие историю той или иной находки.

Изучение письменных источников Прикамья, которые называются переписными, потому что являются документами переписей населения, дает сведения не только о количестве поселений и жителях каждого населенного пункта, но и именованиях людей в отдаленные от нас эпохи.

Нам было интересно исследовать именование людей родной древней земли Чусовских Городков, которая являлась частью обширных территорий вотчин именитых людей Строгановых в первой половине XVII в. Жители Верхних и Нижних Чусовских Городков зафиксированы в двух переписных источниках: Писцовой книге Михаила Кайсарова 1623–1624 гг. и переписной книге Прокопия Елизарова 1647 г. Сопоставления информации из того и другого источников позволяют говорить не только о том, как изменился состав населения, но и как изменились именованья людей за 23 года, прошедшие между переписями. Это время – срок по историческим меркам незначительный, однако очень важный и существенный с точки зрения масштабных перемен, которые произошли в вотчинах Строгановых. В это время отмечается пик миграции населения в Прикамье из других районов страны, прежде всего из земель Русского Севера – современной Архангельской и Новгородской областей. Увеличение потока русских переселенцев было вполне объяснимо: Строгановым, осевшим на Урале, нужна была рабочая сила для освоения таких огромных территорий. Они черпали ее, в первую очередь, из своих родовых мест – Сольвычегодска и прилежащих к нему территорий. Хлынули в Прикамье потоки крестьян из других областей, питавшие иллюзию обрести вольное и хлебное жилье на новых землях. Именно поэтому государство так скоро организует следующую перепись населения,

посылая в Прикамье своих официальных представителей – дьяков и подъячих государственной канцелярии – для организации ее проведения. Необходимо было учесть всех проживающих на осваиваемых территориях для обложения налогом, поступающим в государственную казну.

Плательщиком государственного налога со всего семейства был его глава, в подавляющем большинстве случаев мужчина, хозяин крестьянского двора. Поэтому в перепись населения вносился в первую очередь он, а также его несовершеннолетние дети, исключительно сыновья, как будущие плательщики податей. Женщины записывались в документ только в особых случаях, например вдовы, обязанные платить налог со всей семьи. Следовательно, мы не имеем возможности по переписям достоверно восстановить полный состав семьи, а потому не имеем точных данных о количественном составе населения, проживавшего в Чусовских Городах в первой половине XVII в.

Однако судить о росте населения в период 1624–1647 гг. позволяют прежде всего фамилии и прозвища, количество которых возрастает, и разнообразнее становится репертуар: в Верхнем Чусовском Городке в 1624 г. зафиксировано 14 прозвищ и 21 фамилия, в 1647 г. – 32 прозвища и 37 фамилий; в Нижнем Чусовском Городке в 1624 г. – 17 прозвищ и 22 фамилии, в 1647 г. – 58 прозвищ и 56 фамилий.

Фамилии и прозвища жителей красноречиво свидетельствуют о местах их прежнего проживания. Это прозвища и фамилии топонимического происхождения: Муромец, Новгородец, Суздалец, Устюжанин, Вологда, Сылвенец, Галечанин, Вятчанин, Казанец, Чебоксар, Сольвычегодский, Двинянин, Виляженин (с территорий бассейна реки Виляди), Сысолетин (с территорий бассейна реки Сысола), Лалетин (с территорий бассейна реки Лалы, притока Вычегды), Кривокурцев (из населенного пункта Кривокурье, который на современных географических картах не зафиксирован), Уфинцов.

Прозвища и фамилии характеризуют ремесло и род деятельности, которыми занимался человек и по которым, вероятно,

был именован. Это антропонимы, отражающие деятельность, необходимую при освоении новых земель: Водолеев < Водолей из слова «водолей» – человек, занимающийся водоотливными работами в соляных варницах, он заливал добытый из земли рассол в церены, в которых, выпаривая воду, получали соль (Пол., 51); Церенников (Цыренщиков) < Церенник (Цыренщик) из слова «церенник», изготовитель цренов – больших металлических ящиков, в которые в солеварнях помещали природный раствор для выпаривания и получения соли (Пол., 240); Угольник < из слова «угольник» – углежог, человек, промышляющий жжением угля, торгующий углем (Д., 4, 578) Соларь < из слова «соларь» – солевар (Пол., 204); Пищальников < Пищальник из слова «пищальник» – ремесленник, изготавливающий пищали, или воин, стреляющий из пищали (Сл., 15, 65); Смольников < Смольник из слова «смольник» – человек, добывающий смолу (Пол., 206); Лаговник < из слова «лаговник» – ремесленник, который изготавливает лаговки – в пермских городах «деревянный сосуд, кадка для кваса, небольшой бочонок» (СРНГ, 16, 223); Шерстобит < из слова «шерстобит» – человек, особым смычком бьющий шерсть, готовя ее для пряжи или валки; человек, изготавливающий валенки (Д., 4, 630); Овчинник < из слова «овчинник» – скорняк, возделывающий овчины (Сл., 12, 230).

В первой половине XVI в. мужчина иногда получал фамилию по прозвищу своей жены, а свою собственную терял. Это происходило в тех случаях, когда он женился на вдове и переходил в ее дом. Тогда его фамилия формировалась на основе ее прозвища. В памятниках письменности такие примеры не единичны. В 1647 г. в Верхнем Чусовском Городке жил Мишка Васильев сын Щетинихин, получивший именование от жены Щетиниха, которая, в свою очередь, получила это прозвище по своему прежнему мужу – Щетина. Суффикс *ихин* – является показателем не только лингвистического уровня, но и социального: он указывает на семейное положение мужчины, женившегося на вдове. Этот вывод подтверждается материалами

самих исторических письменных источников: у таких мужчин, как правило, есть пасынки, т. е. приемные дети от новой жены.

Однако в документах зафиксированы случаи, отражающие другие языковые процессы, послужившие становлению современной традиции именования при вступлении в брак: мужчина, приходивший на хозяйство вдовы, давал ее семейству свою фамилию. В Чусовских Городках первой половины XVII в. по переписям населения зафиксированы такие случаи. Сравнивая записи одного переписного документа и другого с целью найти одних и тех же людей или ближайших родственников, проживающих в Чусовских Городках в 1624 и 1647 гг., находим бобыля, т. е. одинокого человека, Треньку Негодяева, который в 1647 г. стал семейным человеком, записанным как Титко Ларионов сын Негодяев, который имел двух пасынков – Федьку и Сидорка Григорьевых детей.

Сопоставление записей одного и другого памятников, составленных по одним территориям с небольшим промежутком времени, плодотворно не только с исторической, но и с лингвистической точки зрения, т. к. по именованиям одних и тех же людей или ближайших родственников (отцов и сыновей) возможно установить закономерности процессов формирования пермских фамилий, проявляющие себя в первой половине XVII в. очень активно.

Фамилии могли формироваться на основе личных имен – календарных, являющихся христианскими, зафиксированными в церковных календарях (Иванов < Иван, Петров < Петр); некалендарных, т. е. нехристианских, бытовавших на Руси до принятия христианства, являющихся исконно русскими (Третьяков < Третьяк, Негодяев < Негодяй, Неустроев < Неустрой); а также вторичных имен – многообразных бытовых форм, образованных от двух предыдущих разрядов (Ванин < Ваня < Иван, Петрухин < Петруха < Петр, Первухин < Первуха < Первый). Часть фамилий формировалась на основе прозвищ: Кропачев < Кропач < из слова «кропач» – человек, обновляющий старую, поношенную одежду; неискусный

портной или сапожник (СРНГ, 15, 279); Голубцов < Голубец < из слова «голубец» – хороший человек или голубец – пестец в октябре (СРНГ, 6, 336); Шумилов < Шумило < из слова «шумило» – крикун, тот, кто громко и много говорит (Д., 4, 648); Новожилов < Новожил < из слова «новожил» – новый житель, новосел (Сл., 11, 339). Обычно при образовании фамилии к прозвищу прибавлялись фамильные суффиксы *-ов*, *-ев*, *-ин*, которые указывали на отца или деда, что свидетельствовало о принадлежности именования не только конкретному лицу, но и всем членам семьи в нескольких поколениях. Особенной словообразовательной чертой уральских фамилий является суффикс *-ых*. Ученые считают, что такие фамилии появились в документах и закреплялись в них как официальные именования из разговорной речи при ответе на вопрос: «Чьих вы будете?» Ответ следовал такой: «Черных, Фоминых, Федоровых, Петровых». В Нижнем Чусовском Городке в 1647 г. жили люди с фамилиями Чашных, Кудреватых, Жилиных.

В переписях населения первой половины XVII в. видны предметы процесса рождения фамилий и закрепления их в официальном источнике как основной единицы именования. При сопоставлении письменных данных раннего (1624 г.) и позднего (1647 г.) источника мы находим прозвища и сформировавшиеся на их основе фамилии: Серебренник – Серебrenиков, Кузнец – Кузнецов, Соларь – Соларев, Угольник – Угольников.

Сопоставление записей писцовой книги М. Кайсарова 1624 г. и переписной книги П. Елизарова 1647 г. показывает, что не всех записанных в ранней переписи можно найти в следующей. Это обстоятельство, вероятно, связано с несколькими причинами. Во-первых, за это время могло произойти переселение по воле хозяев в другие места обширных Строгановских вотчин, во-вторых, человек мог быть записан несколько иным именованием, в конце концов, он мог просто умереть.

Изучение полных именований человека, которые в первой половине XVII в. могли включать личное имя, отчество, фамилию, одно или несколько прозвищ, позволяет найти од-

них и тех же жителей, несмотря на то что записаны они по-разному. Понять, что относится этот антропоним к одному и тому же человеку или ближайшим родственникам, помогают знания некоторых исторических фактов. Например, в Верхнем Чусовском Городке в 1624 г. жил крестьянин Шестачко Игнатъев сын Рябово. В 1647 г. он записан как Аничка Иовлев сын Рябуха. Полное именование в том и другом случае состоит из следующих составляющих: личное имя + отчество со словом «сын» + прозвище. Самые яркие компоненты формул, по которым проводится узнавание одного и того же человека – прозвища, несмотря на то, что они употреблены в разных вариантах: Рябово (сын кого?) – форма родительного падежа прозвища Рябой; Рябуха (образовано при помощи суффикса -уха от прозвища Рябой). В 1624 г. этот человек записан вторичным личным именем Шестачко (от некалендарного имени Шестак – шестой по счету ребенок в семье), а в 1647 г. вторичным личным именем Аничко (от календарного имени Аникей). В первой половине XVII в. человек мог иметь два имени: некалендарное и календарное. Бытовым именованием, как правило, являлось некалендарное, исконно русское имя. Роль официального все чаще отводится календарному имени, которое становится более предпочтительным для официальных документов. Поэтому, как свидетельствуют исторические письменные источники, чем древнее документ, тем больше он содержит исконно русских имен, чем новее – тем больше доля календарных, христианских имен. При исследовании с этой точки зрения писцовой книги М. Кайсарова и переписной книги П. Елизарова выяснилось, что количество некалендарных имен в них резко сокращается к 1647 году – с 36 до 12. Замена одного имени другим при записи в государственный документ была довольно распространена еще и потому, что первоначальный рукописный вариант документа, сделанный писцом, далее неоднократно переписывался и исправлялся в соответствии с нормами, которые предъявляла государственная канцелярия к такого рода документам. В процессе пере-

писывания некоторые изменения в личных именовании были связаны с произвольной заменой одного компонента антропонима другим. Этим обстоятельством можно объяснить и замену отчества: Игнатъев сын на Иовлев сын.

Такие случаи «произвола» писцов отнюдь не редки в памятниках письменности. Например, в Верхнем Чусовском Городке в 1624 г. жил Федька Чулков сын Черевковец, который записан в 1647 г. как Феофанко Епифанов сын Чулков Черевковец.

При анализе переписных источников 1624 и 1647 гг. по Верхнему и Нижнему Чусовским Городкам нам удалось найти именовании 48 человек, зафиксированных в том и другом источнике. Это одни и те же люди, отцы и сыновья, родные братья:

Нижний Чусовской Городок

1624 г.	1647 г.
Федька Иванов сын Попко (отец)	Зотко Иванов сын Попков (сын), Федька Иванов сын Попков (сын)
Антошка Евдокимов сын	Веретнов (отец) Петрушка Антонов сын Веретнов (сын)
Тимошка Игнатъев сын Лежин (отец)	Савка Тимофеев сын Лежнев (сын)
Ипатко Дмитриев сын Сивков (отец)	Севернанко прозвище Поспелко Игнатъев сын Сивков (сын)

Верхний Чусовской Городок

1624 г.	1647 г.
Гришка Семенов сын Бабин (отец)	Мишка Семенов сын Бабин (сын), Андрюшка Григорьев сын Бабин (сын)
Тимошка Трофимов сын Блинов (отец)	Григорий Тимофеев сын Блинов (сын)
Бобыль Федька Прокофьев сын Вагин	Федька Прокопьев сын Вагин с сыном Никиткой

Михалко Федоров сын Куи- мов (отец)	Степанко Михайлов сын Ку- имов (сын)
Сенька Трифонов сын Тре- тьяков	Семенко Трифанов сын Тре- тьяков
Якушко Андреев сын Шешу- ков (отец)	Артемко Яковлев сын Ше- шуков (сын)
Алешка Панкратьев сын	Сергушко Панкратов сын
Ланкин (брат)	Латкин (брат)

В переписных источниках Прикамья первой половины XVII в. по Великопермским вотчинам Строгановых в Верхнем и Нижнем Чусовских Городках зафиксированы фамилии, в настоящее время бытующие в поселке Верхнечусовские Городки: Шардин, Швецов, Шумилов, Чашин, Субботин, Перевощиков, Попов, Молчанов, Сидоров, Третьяков, Плотников, Кузнецов, Ершов, Елтышев, Гуляев, Бажин, Веретнов, Кропачев, Шешуков. Основным условием для человека, задумавшего восстановить свою родословную, является не только обладание знаниями о родственниках в нескольких поколениях, но и уверенность в том, что его предки были коренными жителями этих земель.

Примечания

Условные сокращения после толкования прозвищ и фамилий даны в следующем порядке: сокращенное название источника, номер тома или выпуска, номер страницы.

Д. – *Даль В. И.* Толковый словарь живого русского языка. М.: Госиздат иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 1–4.

Пол. – *Полякова Е. Н.* К истокам пермских фамилий. Пермь: Изд-во Пермского университета, 1997.

Сл. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–1995. Вып. 1–21.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л.: СПб.: Наука, 1965–1995. Вып. 1–29.

2. ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО...

С. Будинов

Черное золото Урала ¹

I

Царевны Биармии ². – Аника Строганов. – Рифейские горы. –
Хлопотливые люди. – Нужны калийные соли. – Нефть

Светловолосые, голубоглазые, бесстрашные датчане и норвежцы направляли свои корабли в Белое море. Вверх по Северной Двине, по неизвестным рекам, от устья к истоку, волоком, через болота и необъятные леса пробирались они в царство Биармии. Слагали саги скандинавские скальды ³ о прекрасных царевнах Биармии, ставших женами конунгов ⁴. Дик и мрачен горный хребет на Востоке, воинственны и отважны жители, и много богатств и в лесах, и в реках, и в земле. Из Индии, Персии, Туркестанских степей, Турции, Англии, Германии и Римской империи шли караваны купцов, плыли по рекам Тавде, Туре, Иртышу, по Волге и Каме в опасном многолетнем путешествии ради мехов, ради камней, ради меди, золота, свинца, царе-

¹ Очерки С. Будинова в данном сборнике перепечатаны из газеты «Красное знамя» (1994, декабрь, № 116–120). Ксерокопии очерков любезно предоставил нам березниковский краевед Г. И. Веревкин. Газета ссылается на журнал «Вокруг света» за 1929 г. и предлагает «глянуть на события полувековой давности глазами очевидца – молодого литературного выдвиженца редакции журнала «Всемирный следопыт».

² Биармия – так называли древние скандинавы северо-восточный угол между Северной Двиной и Уральским хребтом.

³ Скальды – древнескандинавские поэты.

⁴ Конунг (скандинавск.) – князь.

вен и сказок. Те из пришельцев, которые видели подернутые голубой дымкой вершины Рифейских гор (Урала), которые собирали по берегам рек разбившиеся на куски радуги и сполохи (камни-самцветы), которые слышали в пурге разгневанный голос Вой-пель (что значит «северное Ухо») – самого главного бога, – те, вернувшись на родину, никогда не забывали чудесную страну.

Время текло, поколения людей сменялись другими. В край племени Чуди, Веси, Муромы, Перми и Печоры приехал купец Аника Федорович Строганов, поставил соляные варницы в Сольвычегодске, нагнал черни, стал варить соль. А потом занялся торговлей.

Урал-тау (Урал по-татарски – «пояс»), Уральский хребет, известный древним под названием Рифейских или Поясных гор, вытянулся мощным телом с севера на юг, заняв в длину целых 24 градуса, иначе говоря, 2,5 тыс. километров. Люди, жившие в горах, верили в Вой-пель, поклонялись деревьям, солнцу, воде, огню – всему, что страшит, что неизвестно, что может и ударить, и приласкать. В 1616 г. местный Трифоновский монастырь перестроили в солеваренный завод. В 1785 г. завод был уничтожен как не имеющий промышленного значения. Люди жили, пахали, ловили рыбу, охотились, рубили лес, изрядно научились плести лапти и короба, откапывали странные монеты, горшки и статуи, недоумевая, кто платил этими деньгами, кто ел из этих горшков, кто мазал кровью жертвенных зверей скулы этим идолам. Все забывается. Урал-тау величественно дремал, шумя пихтами и соснами. Люди ходили по землям Урала, и лень им было воткнуть заступ не на полметра, а глубже. Но вот однажды осенью 1928 г. пришли хлопотливые люди в сумрачное трудовое село, что-то измеряли, осматривали, нюхали землю, забрались в середину села, воткнули шест и остались ночевать. Никто не знал тогда, что по всей республике прогремит название села. Никто не знал, что уже не уйдут из этих мест люди с молоточками на форменных фуражках.

– Нам нужны калийные соли, – говорили они населению. – Мы делаем разведки на залежи соли. Республике нужно минеральное удобрение. По окраинам предполагаемых залежей мы бурим скважины. В вашем селе – двадцатая по счету.

– Нам что, – пожимали плечами крестьяне. – Ройте!

Буровая штанга стальными зубьями коронки прогрызала покрытие (слой) сланцевой глины, и вместо того чтобы добыть из скважины № 20 калийные соли, в Верхнечусовских Городках из скважины поднялась нефть, и таким образом соляная скважина № 20 превратилась в нефтяную скважину № 1.

II

Я хочу пить. – Антип. – Черный ручей. –
Хитрая калитка

Комарихинская или Комариха, а попросту Комары – станция, как все станции Горнозаводской дороги: каменное здание, запасные пути, пакгауз, горы лесоматериалов, скучающий начальник станции, пара поездов в сутки в одну сторону и пара в другую... Жарко, безветренно.

Я медленно подошел к баку, лениво нагнулся и стал нацеливать в кружку кипяченую мутную воду. Пить хотелось так, что не верилось – можно ли разжать зубы. На лавочке в полутьме пассажирского зала сидел крестьянин, пальцами, похожими на древесные корни, скручивал козью ножку, уставясь на меня круглыми светлыми глазами. Пока я собирался с духом, чтобы подняться и подойти к баку, он пристально разглядывал меня. Не знаю, что его могло заинтересовать. Я пил, и в отместку в свою очередь, не мигая, уставился на него. Когда я выпил пятую кружку, у крестьянина задрожали губы. Его лицо, черное от загара, было грубо, как изделие из капа – древесного напыла. Я понял, что он улыбается. Выпив шестую кружку – с трудом, правда, но гордость не позволила отступить, – я подошел к крестьянину.

– Далеко, отец, до Городков?

- Не. За семафор выйдешь, свернешь налево и лесом, лесом.
- Километров десять?
- Поболес. Пятнадцать будет.
- А тебе не туда, отец?
- Нет.
- А может, по дороге?
- А вот по дороге – верно. Сверну, не доходя перевоза.
- Идем?
- Айда!..

Пошли. Крестьянина звали Антипом. Соединение словоохотливости, наблюдательности и злобы делало его остроумным.

- Идешь понюхать, чем пахнет? – спрашивает меня. – Эх вы, горе-строители. А раньше что думали?
- А кто знал, что она на Урале имеется?
- Все знали. И я знал.
- Вот ты ходишь по земле, знаешь, что в ней нефть налита, как в полной чаше, а невдомек было, что сделать? А?
- С меня что спрашивать, – отплевывается Антип. – Мое дело темное, крестьянское. Ведь век дрова рублю да лыко беру. Я с дерева одну шкуру, а с меня три. Разве угоняешься?
- Слышал эту песню. Старо! Поешь, брат, мотивно, а слушать противно.

Антип не стал хаять свою теперешнюю жизнь, а перевел разговор снова на нефть. Его отец был охотник. Он сам возился в земле, в лесу, такой же черный, как земля, такой же корявый, как дерево, растущее на ветру. Его дед тоже был охотник. Сам он никогда не охотился, но иногда не хотелось смотреть на знакомую работу, в грудь входила тоска, глаза делались бездонными дырками в черепе, и он брал ружье и уходил в горы, в лес. Это походило на запой. Пропадал от недели до месяца, прячась в чаще, чтобы не встретиться с человеком, в голове бродили не оформленные желания, недодуманные мысли. Ходил с ружьем там, где еще много лет назад скитались его отец и дед. Один раз – с тех пор прошло 20 лет – пришел в лог. Края круты. Пла-

сты пород обнажались на скатах. По дну бежал ручей. Охотник пробрался к самому его истоку и решил здесь переночевать. Наступила ночь. Развел маленький костер, прислонился к сосне и, сидя на мягкой хвое, покуривал трубку. Лес молчал. Тихо стояли пихты и ели. Неумолчно журчал ручей, холодный и чистый. И вот, когда охотник стал засыпать, в природе что-то случилось. На одно мгновение земля дрогнула. Качнулись разом и сосны, и пихты, где-то ухнуло. Не то в небе, не то в недрах гор. Охотник вскочил, сжимая ружье. Но все стояло на своих местах, только напротив, на скате, висевшая над обрывом сосна вместе с глыбой земли сорвалась вниз. Так же темно, так же тихо. И небо на месте, и ручей. Охотник взглянул под ноги и раскрыл рот. Вместо светлой и чистой из камней выбивалась блестящая черная вода. Что-то осело внутри земли, какие-то напластования сместились на один-два миллиметра, закупорился один выход, открылся другой.

«Черная вода!» – с суеверным ужасом подумал охотник. Он слышал от своего деда рассказы о том, как из земли начала выходить черная вода, как речки становились черными, и это приносило людям несчастье. Надо уйти отсюда, потушить костер и уйти. Охотник тяжелыми сапогами давит угли. Станный запах распространяется в воздухе, но он не может вспомнить, чем это пахнет. Внутри земли продолжались изменения. Земля снова осела. Выход закрылся. Из камней не бежала теперь ни черная, ни белая вода. Охотник вскинул ружье на плечо и пошел прочь. Добравшись до макушки горы, он вспомнил: пахло керосином! Природа закрыла на глазах человека один кран с водой и открыла другой, из которого потекла нефть. Охотник через месяц вернулся домой, но никому не сказал о виденном. «Мало ли что бывает», – думал он, вспоминая черную воду.

– Мы такие ручьи и реки называем черными, потому что сверху плавает нефть иногда такими густыми пятнами, что воды не видно. Их много у нас в горах – и черных, и ржавых... А вот раз было землетрясение.

Дорога, по которой мы шагали с Антипом, вела прямо на север, то круто спускаясь, то поднимаясь на гору. Ели со светло-зелеными свечками новых ветвей, гигантские сосны, голые до самой макушки, пышные березы покрыли все пространство. Кострами вкраплены цветущие кусты шиповника. С вершины горы я увидел во все стороны на громадное расстояние горы и леса. Далеко они покрылись синей, почти голубой дымкой. Все вокруг топорщилось остриями елей. По этой дороге от Комарихинской редко ездят, только верхом, потому что она слишком извилиста, слишком много круч.

— Весной ты бы здесь не прошел по-своему, по-городски, — сказал Антип. — Грязно у нас.

Мне казалось, что и сейчас особенно сухо не было. Глина приставала к ногам. Передвигаешь тяжелыми ботинками или скользишь на подъемах, хватаясь за траву или кусты. Шли что-то долго. Начались изгороди вокруг полей. Ворота были с остроумно придуманным блоком. В землю врывается гибкое деревцо со стороны, откуда следует открывать. От его верхушки протянута или веревка, или мочало к воротам. Когда их открываешь, деревцо упруго сгибается. Немного удивясь, почему это ворота так туго открываются, я уверенно прошел и небрежно отпустил их, они же дали мне сзади такого тумака, что я упал на четвереньки.

— Хитро, — сказал я, оглядываясь.

Пройдя еще полчаса, Антип остановился.

— Прямо иди, — махнул он рукой на север. — Лесок пройдешь, к деревне Шалыгино выйдешь. Там увидишь, как и что. Еще верст пять до Городков осталось. Перевоз внизу. А мне налево. Спасибо за компанию.

— Прощай, — отвечаю.

Пройдя лес, я увидел внизу Шалыгино. За ним извивалась река Чусовая. Далеко в небе высокие берега сливались с небом. На берегу, километрах в пяти на запад, я разглядел горящие на солнце шесть серебряных куполов одной из двух церквей Верхнечусовских Городков.

III

Эксплуатация приезжего. — «Место запованили». — Дед сердится. — Жадная Чусовая. — Я вижу нефтяную вышку

— В деревне Шалыгино семьдесят дворов. А растянулась она на три версты по берегу, — говорил дед перевозчик, — потому что мало земли. Кому охота лес корчевать? Кто отделяется — идет на конец деревни... А тебе куда, в Городки? Служить?

— Нет, дедушка, по делу и обратно.

— Ну-ну, — посматривает он на меня выцветшими глазами из-под лохмотьев седых бровей. — Бери весла. Грести умеешь?

— Умею, — недоумевающе смотрю я на деда. — А что?

— Ну и греби. А я на корме сяду. Править.

«За свои же пятнадцать копеек, да сам и греби», — обижено подумал я. Ну, ничего не поделаешь. Взял весла, похожие скорее на столовые ложки, на лопаточки для чистки ушей или на детскую лопату — на что угодно, только не на весла, — сел на низенькую скамеечку, стал грести и так энергично, что пристали к противоположному берегу почти против места отплытия, несмотря на довольно сильное течение еще многоводной Чусовой. Дед отрывает квитанцию с печатью Шалыгинского сельсовета и, как заправский кондуктор, подает мне. Я сажусь на камень покурить, отдохнуть и немного поболтать. Дед оказался неразговорчивым, только сердито плюнул в воду.

— Место запованили. Рыбу портят, — сердито проворчал он.

— В чем дело? Чего ты, дед, так расстроился?

— Вот и чего. Начали здесь качать нефть, так, поверь мне, сынок, круты-высоки берега Чусовой, а сквозь землю в воду стала она, треклятая, стекать, где сочится слезой, где прямо ползет. Пятнами река покрылась. Здесь еще хорошо: наша деревня выше по реке, а ниже — и не говори, — белее не прополощешь. Целые лужи по воде плавали. Во-он как!

— Что же, бабушка, — говорю я, бросая в воду окурок, — значит, много ее, этой нефти, в земле у вас.

— Может, и много, — дед садится в лодку. На том берегу кто-то стоит и кричит:

— Перево-оз!

Но дед не торопится. Усмехается.

— Покричи малость, может, животу легче станет, — ворчит он. — Много вас расходилось нынче. Весной — туман, река полна доверху, берега несет, щепу всякую, а они надрываются: день — не день, ночь — полночь, — перевозят их. По часу орали, пока не рассердишься и не вылезешь из избы на берег.

— Сердитый ты, — говорю я.

Дед отталкивается от берега. Я пошел. Дорога шла вдоль реки. Берега обрывисты. А течение быстрой Чусовой подтачивает их, и в некоторых местах приходится относить все дальше отгораживающий поле плетень и прокладывать новые колеи. Тонны береговой почвы рушатся в воду. Земля мягкая и легко поддается размывам. Я видел глубокие трещины. Это откалывалась почва. Подойдя к краю, пнул ногой, и громадная глыба ухнула вниз. Бывают случаи, когда телега остается висеть в воздухе двумя боковыми колесами: под ней внезапно исчезает земля. Так река съедает берега, понемногу меняя русло.

Верхнечусовские Городки можно увидеть, лишь подойдя к ним вплотную. Пройдя болотистый выгон, я увидел поля. Прямо передо мной выросла нелепая каменная церковь с шестью серебряными куполами. За ней двухэтажный каменный дом, где были и совет, и ячейка партии, и клуб. На берегу стоял громадный железный бак. А правее я увидел первую на Урале нефтяную вышку. Черная, покрытая заплатами толя, она возвышалась почти посередине села. На самой верхушке развевался красный флаг. Я невольно остановился и снял шапку.

— Привет тебе, уральская нефть!

IV

Исторические снимки. — «Живая» нефть. — Сплав леса. — Пузыри на болоте. — Пророк. — Озеро нефти. — Бабка Ивасиха печет пироги

Приезжий фотограф снимает Городки с разных мест. Эти снимки будут историческими. Через несколько лет вид села изменится. Какой он будет — приблизительно рассказывают планы и чертежи. Две главных улицы — Мельничная и Черпановская — покрываются асфальтом. Разглядывая экономные линии и цифры, я глядел на пять лет вперед.

— Здесь будет мост через Чусовую, — говорил мне техник. — Дорога от Городков до станции Валежной, около двадцати километров, будет шоссирована. Будет железнодорожная ветка. Производятся изыскания, составляются сметы, все это в ударном порядке, потому что «живая» нефть, то есть жидкая, — в отличие от «спящей», получаемой при сухой перегонке, — не любит, когда с ней шутят. Ее разбудили и спеленали пока что по рукам и ногам. Скважина ведет себя вызывающе буйно и старается вышибить крышку.

Матросы, маячные сторожа, рыбаки, летчики и вожатые разных машин о неодушевленных предметах говорят как о живых.

Пока что на месте будущего моста берег Чусовой покрыт крупной галькой, а на месте будущего шоссе трактора и катки вязнут в грязи и топях. Возле мельницы построена плотина поперек впадающей в Чусовую речки Усолки. С далеких берегов проплывают тысячи бревен спиленного леса. Их пропускают через шлюзы на Чусовую, направляя стремительное падение баграми. Потом их вяжут в плоты, и Чусовая передаст их на Каму. На Каме и Волге конвейеры втянут в недра лесопильных заводов мокрые, исцарапанные, иной раз с расщепленными, измочаленными концами бревна и бросят на станки под продольные, крутые, ленточные пилы.

— Теперь все берут на заметку, — говорил мне старый сплавщик. — Я ходил здесь к самому главному инженеру и рассказы-

вал, что видел. Раньше-то, где только ни ходишь, ни плаваешь, иной раз удивишься, промеж себя поговорим – и все. А теперь нет. Вот видел я в одном болоте штуковину и сказал. Мало ли что, может, и пригодится. Вон сколь народу бродит по лесам и кручам, щупают да измеряют. Может, и туда пойдут, где был. Плавали, понимаешь, по реке вниз по плоту, бревна гнали. На ночь прикнулись к берегу. Вышли. Пошел я побродить, ноги размять, а места, любезный, гиблые. Топи, болота, земля под ногой ходит, хлюпает, живой стонет. Постоял на одной поляне, некуда идти дальше – окна в болоте блестят при месяце. Ступишь еще – пропал... Повернулся, хотел пойти, да заметил вдруг. «Вот, – думаю, – чудо. Рыб нет, кто ж залез под воду и пузыри пускает?» Пока смотрел, а пузырей все больше и больше, так и пляшут, так и лопаются. И запах, понимаешь ли, словно сотню тухлых яиц вот здесь разбили. Это газ из земли шел, со дна, с тины. Кто его знает, может, и там нефть имеется, вот она и дышит сквозь болото, бурки пускает. Я не раз видел это. А бывают и огни. Горит огонь, с места на место переходит, где лопнет пузырь, там и проявится. Дивные дела!.. В молодости перекрестись, зачураться и пойдешь: нечистая сила играет. Теперь отменили ее, ни на что другое не подумаешь, как на торф или на нефть. Верно ведь?

– Верно, товарищ!

Однако, несмотря на «отмену» всяческих чудес потусторонних сил, один из слуг христианской магии явился в Городки с громкой проповедью о ненужности и бренности всяких человеческих стремлений. Длинные нечесанные волосы сваялись в войлок. Он поднимал руки и призывал анафему на роющих божью землю, на пьющих ее черную кровь. Он клялся, что сожжет все Городки и все затеи ученых людей, что мир изменится, если крестьяне оставят стоять у себя вышку. Он был прав: мир изменился, но в этом – в воздействии на окружающий мир, в желании, в умении его видоизменить – и состоит отличие человека от животного. Сумасшедшего пророка, хотевшего привести свою угрозу в исполнение, поймали на от-

чужденной территории промыслов, связали и увезли в Пермь. Угроза «сжечь» является здесь страшной угрозой.

В ведро набрали нефти до краев. Поверхность ее – цвета радуги. Газ улетучивается. Нефть кипит, пузырится. На поверхности появляются провалы. Через несколько минут из 230 миллиметров в ведре остается 60. Так она насыщена газом. На противень льют нефть. Зажигают спичку и подносят. 35 сантиметров... 22... 18... 15... 11... и вот нефть вспыхивает. Горит с треском. Винтообразное пламя дает густой дым, сильно пахнущий серой. На противне остаются большие корки кокса и гудрона, такого вязкого, что можно растянуть нить на несколько метров. Запах сероводорода слышится во всем районе Чусовских Городков.

В двух километрах от вышки от неосторожного обращения с огнем загорелся лес. В уши всем жителям прокукарекал красный петух. Пожар был остановлен и, благодаря энергии рабочих, не уничтожил не только село, но и первые Уральские нефтяные промыслы.

– Милой, – говорила мне бабка Ивасиха. – Со мной стряслось незнамо что. На старости лет в темной сидела...

У бабки Ивасихи сыну двадцать три года, сй самой под шестьдесят. Иван – красноармеец – приехал из жаркого Азербайджана на побывку. Дали всего месяц: две недели на путь, две недели отпуска. Кончается отпуск, ходит бабка Ивасиха с красными заплаканными глазами. Один сын у нее. Ехать сыну сегодня. Сосед отвезет на Валежную. На дорогу испечь бы Ивану. Тесто замесила. Поставила. Подошло оно, – глядеть да радоваться. Печь затопила. Днем было дело. Вышла сама на уличку, сидит. Ушел Иван в совет последние дела решать с односельчанами. И вдруг вылетает из-за угла конный. За плечами винтовка. Лошадь пляшет под ним. Взглянул на трубу, а из нее дым так и валит, искры летят. Подъезжает к избе солдат, спрыгивает с лошади.

– Твоя изба? – орет.

– Моя, служивый. А что?

– Гаси печь и с-сию ж минуту!

— Господи... — только и молвила бабка Ивасиха, а солдат уж в избу, а солдат заслонку долой, схватил кочергу да бьет по дровам, а потом берет шайку с водой да в печь, черпает из кадки да опять в печь плещет. Зола летит, пар валит, угли шипят, наслідил, напоганил. Вот тебе и пироги!

— Милой, — жалуется бабка Ивасиха, — повезли меня в совет на допрос. Да провались она в пекло, ваша нефть, в жисть свою зареклась днем печи топить. Посмеялись в совете, а потом пристращали. Два часа в темной сидела, света не видела. Уехал Иван без пирогов. Ночью пекла их, да без радости: кому их?

Больше всего боятся пожара. Был издан приказ: во время производства нефтяных работ огней не зажигать, печи топить только ночью до трех часов утра.

Нефтяной резервуар на 2000 тонн доставлен по Чусовой буксиром на шитике. Его надо проташить от берега почти на целый километр к месту работ. В земле роется яма. Врывается деревянный, обитый железом желоб. В желоб вставляется ворот с длинными горизонтальными спицами. Четырех лошадей впрягают в спицы, и медленно они ходят по кругу, понукаемые и лаской, и бранью, и кнутом. Тихонько на ворот наматывается канат. От него на блоках к баку протянуты другие. Под бак подкладывают катки — целые бревна — делают настил, иначе он загрузнет на болотистом месте. Целая армия рабочих копошится вокруг резервуара. Можно надеяться, что в течение месяца его установят. Но это дьявольский труд. Когда канат намотан до отказа, в тридцати-сорока метрах снова роют яму и вновь зарывают ворот.

Когда бак будет стоять на своем месте, возникнет вопрос о доставке другого либо об устройстве нефтепровода. Скважина № 1 при двадцатичетырехчасовом рабочем дне заполнит этот бак в три-четыре месяца, смотря по суточному дебету.

Около вышки на пригорке стоят два полных нефтью резервуара по 50 тонн. На будущих нефтепромыслах кипит стройка.

V

Где же калийные соли? — Трещины в колонке. — Бутылка с сумасшедшим ярыком. — Фонтан. — Что надо сделать

В пластах осадочных пород в недрах земли образовались каверны. Эти пустоты заполнила нефть. Естественный резервуар перекрыт непроницаемыми пластами сланцевой глины. Месторождения нефти, имеющие промышленное значение, залегают в осадочных образованиях: пески, песчаники, конгломераты, известняки и сланцевые глины.

История скважины № 20 любопытна.

Осенью 1928 г. в 6–7 километрах от Горнозаводской дороги были заложены скважины для разведки на калийные соли. Знаменитая отныне скважина № 20 — в 50 километрах от Перми — была рассчитана на проход 900–1000 метров. Бурение производилось ручным способом. Проходят 300 метров — ни отложений, ни соляного горизонта. Прошли 325 метров. Вынутые колонки говорят, что дошли до кунгурского яруса пермских отложений. Вынута битуминозная порода. Колонка пахнет керосином. Буровая штанга прошла 330 метров. Извлеченная порода послана в Ленинград. Разведчики работают как во сне. Они наткнулись на черное золото. Потечет ли оно? Что будет завтра? Из Ленинграда приходит ответ, что в трещинах породы присланной колонки — нефть. Разведчики глядят друг на друга влажными глазами, подбрасывая шапки вверх — ура! Бурение продолжается. Из скважины вырывается газ. Сквозь воду всплывает нефть. Воду откачивают в реку, и Чусовая покрывается масляными радужными пятнами. Жители негодуют: им портят воду. Нефтяной горизонт определен в 330–390 метров. Первая нефть набирается в бутылку. На ярыке пишется ошеломляющая надпись: «Урал-Нефть» — нефть, добытая из скважины № 1. Руководитель бурения геолог Слесарев отвозит бутылку в Свердловск и дарит ее VII Уральскому Областному Съезду Советов. А в Чусовских Городках напряжение достигло предела. Вот она, здесь, под ногами, стучит в крышку, просится выйти, напирает! Надо

Скважина № 20 – родоначальница прикамской нефти, легендарная «Бабушка». Верхнечу-
совские Городки. Июнь 1929 г.

откачивать воду, нужны машины, нужны средства. В Америке изрыли и обстучали молоточками всю землю. Прежде чем найти нефть, производят бурение 250 скважин, расположенных в шахматном порядке на территории предполагаемого месторождения.

Май 1929 года. Из Ленинграда выезжают специалисты-геологи. «Поиски нефти будут производиться по всему западному склону Среднего Урала», – заявляет комиссия. 12 мая (извлечением жидкости из скважины) ручным тартани-

ем получают свыше 16 центнеров нефти. Главгортопу и Азнефти посылается распоряжение отправить в Чусовские Городки буровой станок вращательного движения. Через три дня бьет фонтан. Он даст сразу две с половиной тонны. В два часа дня давление доходит до одной атмосферы. После нефти бьет газовый фонтан. Сильный запах сероводорода отравляет воздух. Разведчики боятся пожара. Тары нет. Скважина закупоривается. Нефть здесь. Куда ее девать? Надо сделать много. Увеличить разведческий диаметр скважины до промышленного. Наладить связь. Нужны пути сообщений и сношений. Надо поставить охрану. Постройки надо перенести. Нужен телефон с Пермью, тракт до станции Вальной, пароходные рейсы Пермь – Городки, надо... все!

На другой день после фонтанирования работы прекращены: Чусовая разливается.

Первый химический анализ Уралнефти: много сернистых соединений. Для очистки понадобится много серной кислоты. Будут отбросы. Определяется площадь залежей: от Ухты на севере до Общего Сырта на юге. Район в несколько тысяч километров!..

В скважине давление в две атмосферы. Что еще надо? – Установить шаровой двигатель. Вырыть хоть временный земляной амбар на 8 тысяч тонн (500 000 пуд.).

19 мая производится точный анализ: удельный вес – 0,95; вязкость – 1,54; калорийность – 10 000; золы – нет; серы – 2,8; смолистых веществ – 32%; погоны: до 150 градусов – 24%, до 270 градусов – 26%, до 300 градусов – 30%. Остаток затвердевает. Температура вспышки 5 градусов.

20 мая ВСНХ СССР награждает профессора Преображенского десятью тысячами рублей.

22 мая скважина испытывается вновь. Давление – 3,1. Крышка открывается. Фонтанирует газ с периодическим фонтанированием нефти. Через две с половиной минуты сплошной фонтан нефти. Газ спускают, давление падает. В это время прорывается шланг. Фонтан закрывают. Результат: за 6 минут получено полтора центнера нефти. Глаза рабочих загорелись восторгом.

Бурильные станки в пути. Предполагается бурение пяти новых скважин на нефть. Прибывает материал для прокладки нефтепровода от вышки к резервуару. Давление 4,5 атмосферы.

30 мая давление 5 атмосфер.

2 июня, во время перестановки вентиля в скважине, неожиданно вырывается семиметровый фонтан нефти, окатывающий всех присутствующих: скважина ведет себя возбужденно.

9-го – проба. Собираются все рабочие и инженеры. Территория отделена от Городков провололочной изгородью. В будках стоят часовые. Давление – 0. Вентиль открывают. Идет газ. Слышно, как плещется нефть. Проба временно прекращена. В 5 ч. 47 мин. нефть фонтанирует на высоту 6 метров. Сильное выделение газа. Давление – 7,2. Температура – 5,8. А помните анализ? Температура воспламенения – 5! Надвигается гроза. Подходит ливень. Молнии впадают в землю. Вентиль плотно закрыт. Непокорная нефть насильно загнана в скважину.

На другой день она продолжает фонтанировать. Режим скважины пульсирующий. Подходит буксир с шитиками. На них резервуар. В это время первый резервуар на 50 тонн заполняется.

Первая бочка нефти. Верхнечусовские Городки. 1929 г.

Скважина дышит хрипло, захлебывается. Каждые 17 минут схватка. Каждые 10 минут давление поднимается с 0 до 1,5. Это значит – она еще не укрощена. Узда еще не надета.

В 60 километрах от Чусовских Городков обнаружены месторождения битуминозных доломитов. Запас нефти по предварительным подсчетам определяется в 300–325 миллионов тонн.

А теперь еще раз о том, что еще надо.

18 домовладений необходимо снести. Затребовать коммутатор на 25 телефонных аппаратов. Для форсирования постройки тракта Чусовские Городки – Валежная объявить трудовую повинность. Нужен гравий и 120–150 коновозчиков в течение месяца. Пока работают 2–3 подводы. Нужен низший техперсонал. Привезенные из Перми десятники и плотники спились. Нужен неослабный надзор за огнем. Тракт надо шоссировать и асфальтировать гудроном Уралнефти. Фарватер реки Чусовой углубить. Нужны лес, камень, железо, трубы, паровые силы, электрический ток, руки и головы.

Вот что говорят простая хронологическая сводка и будничные фразы телеграмм с места. В них ясно слышно давление, мощный напор черной крови земли. Это кричит и требует скважина, бывшая № 20, а теперь № 1.

VI

Нефть в колодеце. – Дашь поправку в пятилетку! – Куда пойдут дороги. – Будущий город. – Алло, слушай, Земля!..

Разведка на нефть в районе Лысьвенского завода дала положительный результат. В деревне Заозерье Снегиревского сельсовета Кунгурского района разведчики обнаружили в саманных ямах плавающую на поверхности воды нефть. То же самое в озерах Климихинского сельсовета Ординского района. Река Ржавенка пахнет нефтью. На склоне Каменной горы в селе Веснянке Кунгурского района обнаружен колодец, из которого крестьяне не пили воду – на ее поверхности плавала нефть.

– Открой свои тайны, – сказал человек Земле, и она покорно раскрыла недра. Геолком сбил ржавые замки, висящие на дверях, ведущих к сокровищницам, – к бассейнам, налитым нефтью.

Когда вспоминаешь историю скважины № 20, в грудь входит энтузиазм.

Дашь поправку в пятилетний план развития нашей промышленности! Уралнефть поставила пятилетку на дыбы.

Нефть – потребитель листового железа, цельнокатаных и опускных труб, буровых инструментов, насосов, компрессоров и т. д. Нефть заставляет строить новые десятки заводов и требует пересмотра энергетического хозяйства всех остальных, включая еще не построенный Магнитогорск. Предполагается прокладка нефтепровода Пермь – Москва. Урал стар. Все предыдущее – каменный век. Только сейчас выскается первая ступень в бесформенной глыбе мира, первая из многих в лестнице, ведущей к жизни неведомой и прекрасной. Залог развития – горячее – под ногами. Будет дорога – Великий Северный путь от Архангельска до Камчатки. Будет другая – от Карского моря до Ферганы. Правительственная комиссия под руководством Начальника Центрального Управления внутренних водных путей Липина и инженера Иогансона на пароходе «Уфа» с брандвахтой изыскательной пар-

тии в 260 человек на пароходе «Свобода» выехали из Перми на четыре месяца вверх по Чусовой, Каме, Вишере и Колве для разрешения проблемы соединения Камы с Печорой каналом и для проложения Камо-Печорского водного пути до порта Индиго. Тогда нефть будет экспортироваться за границу водой. В Свердловске стоит дом Магнитстроя, в котором находятся чертежи будущего города Магнитогорска. Его надо построить на горе Магнитной для многих десятков тысяч рабочих. Он будет построен!

Свердловск⁵ – город новый. Старое свезено в Урал-музей. Немногие деревянные тротуары Свердловска трамплином подкидывают человека. Еще шаг, и его швырнет ракетой Оппеля навстречу грандиознейшим возможностям. Эти клавиши деревянных тротуаров, переходящие в асфальт, и говорят, и кричат, и поют, вливаясь в тысячагодевяностометровые волны. Вы слышите? Так должно быть, так будет! Кто говорит?

– Алло, слушай, Земля! Говорит Свердловск! Говорит Свердловск!

Журнал «Вокруг света». 1929. № 18

И. Горгаев

Сёла¹

От Верхних Городков до села Сёла примерно 13 километров, напрямик же не более семи. Сначала надо пройти большое болото, затем вдоль горы выйдешь на Чусовую, и Сёла уже видно.

Змей извивается здесь беспокойная Чусовая. То кинется вправо, то сразу повернет влево, образуя крутые изгибы. На одном из таких изгибов и растянулось вдоль берега это старинное село.

⁵ В 1929 году Пермская область входила в состав Свердловской области и, естественно, областным центром был Свердловск.

¹ Статья напечатана в областной газете «Звезда» 16 октября 1939 г.

К Сёлам мы пробирались в полдень. Тиха была в этот день Чусовая. Лишь на перекате, кидаясь на уступы, не унималась вода, да изредка оглушали воздух взлетевшие стайки испуганных уток. На противоположном берегу, позванивая колокольцами, давало знать о себе колхозное стадо.

Вдоль окаймленного золотистым ивняком берега плыл плот. Старик плотовод, усердно работая веслом, подбадрял молодого парня:

– Смотри, Гриша, в оба! Тут струя.

Парень налег на весло. Плот быстро скользит по струе. Вот-вот его нанесет на берег. Но не обмануть реке старого плотовода. Еще несколько сильных взмахов веслом, и плот благополучно выходит на фарватер.

Вот и Сёла с его большими, в основном пятистенными, домами. В самом центре села стоит церковь. Она закрыта много лет назад и переоборудована под клуб. До революции, кроме церкви, имелись здесь еще винная лавка, несколько магазинов местных торгашей да четырехклассная школа. Знатными людьми того времени были именитые богатеи – Петр, Михаил и Осип Ральниковы и Федор Ваулин. Ральниковы занимались сплавом леса и производством жерновов, Ваулин спекулировал сеном. Вся интеллигенция села состояла из трех учителей и попа.

Много сил клали бедняки и середняки на обработку своих полосок. Техника была примитивная, земля родила плохо, своего хлеба не хватало. Тогда люди шли с поклоном к богачам и просили работы, а те посылали их на сплав или на выработку жерновов.

Камнетесить (делать жернова) или, как еще называют здесь, «хлебать балдовницу» пришлось многим. Камнетесили Евсташий Порозков, Максим Бабинцев, Степан Касьянов... Нанимались понедельно. «Балдовщику» (молотобойцу) хозяин платил 3 руб. в неделю, мастеру – три с половиной. Работали от восхода до заката солнца. Весной, когда стоят длинные дни, хозяин иногда давал час на обед. Осенью работали без передышки. Обходилась хозяину жернов, считая харчи, самое большое в 15 руб., а продавали их по 130–150 руб. за штуку.

Знали о хозяйских барышах камнетесы, но куда денешься, когда заедает нужда? И скрепя сердце обогащали кулаков, терпя от них горькие обиды.

Октябрьская революция смела паразитов-эксплуататоров. К власти пришла беднота и начала строить свою новую жизнь.

Изменился облик села, другими стали и люди. Нет теперь в селе такого двора, где бы не было своего образованного человека. Бывший колхозник Афанасий Катков стал инструктором-летчиком гражданского воздушного флота. Дочь колхозника Фаина Федоровна Порозкова – учительница в местной школе, недавно правительство наградило ее орденом «Знак Почета». Стали учителями дети колхозников Зоя Порозкова, Любовь Бабинцева. Несколько колхозников – командиры Красной Армии и трактористы. У колхозницы Вяткиной дочь Манефа учится в мединституте, а у колхозницы Дылдиной одна дочь – в медицинском, другая – в педагогическом институте.

На околице села построено большое здание неполной средней школы. Недавно построили сельмаг. Открыты агро-технический, зоотехнический, ветеринарный и медицинский пункты, родильный дом. В бывшем кулацком доме Ральникова детский сад и детские ясли. Строится новое пожарное депо.

В 1929 г. в селе создали колхоз и назвали его «Труд». В нем сейчас 51 хозяйство. Во главе колхоза вот уже пять лет стоит бывший камнетес-«балдовщик» Евстасий Порозков.

Обширные поля и дуга окружают село. Все это стало достоянием колхоза. Правительство закрепило и передало ему на вечное пользование 997 гектаров земли, из них 344 пахотной. В колхозе четыре фермы: МТФ², СТФ³, кролиководческая и коневодческая. На молочно-товарной 144 головы, в том числе 66 дойных коров, приобретено 12 холмогорок. Свиноводческая ферма насчитывает 50 голов, из них 16 свиноматок. Недавно купили пять свиней чистой английской породы. 150 голов на кролиководческой ферме.

² МТФ – молочно-товарная ферма.

³ СТФ – свино-товарная ферма.

На конеферме 44 головы. Руководит ей Ф. И. Дылдин. Недавно он возвратился со Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, куда был послан как лучший стахановец.

Никто и никогда не думал здесь раньше заниматься садоводством. Решили испытать. В 1937 г. поставили 40 яблонек. Нынче на трех из них появились первые плоды. В колхозном саду посадили еще 193 деревца. 107 яблонь имеют на своих участках колхозники. Обзавелся колхоз своей пасекой, сейчас на ней 80 семей пчел. Выстроены новая молочно-товарная ферма, зимнее помещение для пчел. С каждым годом повышаются урожаи колхозные поля.

В старое время урожай ячменя в 7–8 центнеров с гектара считался большим. Сейчас же поля, удобренные химикалиями и навозом, дают до 15 центнеров с га. В последние годы стали сеять пшеницу. Урожай ее в этом году в среднем 14 центнеров с гектара.

Крепнет колхозное хозяйство, все полновесней становится трудодень. Колхозники нынче получают на трудодень не менее двух с половиной килограммов зерна, около полутора рублей деньгами, мед, овощи. В прошлом году трудодень стоил всего лишь полтора килограмма хлеба да 92 копейки деньгами.

Честно работает в колхозе семья Григория Подвинцева. С начала года три члена этой семьи заработали уже 800 с лишним трудодней. Перевыполняет нормы машинист жатки Ал. Некрасов, по-стахановски работает А. Дылдин и многие другие.

В селе – своя парторганизация. Передовые колхозники и интеллигенция села связали свою жизнь с партией победившего пролетариата и встали в шеренгу передовых бойцов за создание коммунистического общества. Члены партии – агроном Трошков, учительница Опарина, вступили кандидатами колхозники Бабинцев, Кучумов и др. Всего в организации 13 человек.

Село готовится к предстоящим выборам в местные Советы. Ширится социалистическое соревнование, новыми победами хотят встретить выборы колхозники.

Колхозники сельхозартели «Труд» брали обязательство в 4–5 дней закончить уборку картофеля и свое обязательство выполнили. Закончив раньше всех уборку зерновых, колхоз помог убрать хлеб соседнему колхозу «Совет». Закончено в колхозе комплектование поголовьем скота МТФ и СТФ согласно постановлениям СНК СССР и ВКП(б) «О мероприятиях по развитию животноводства».

Свой, колхозные, агитаторы несут в массы живое слово об избирательном законе, о последних событиях в стране и за рубежом. Счетовод колхоза Каткова, библиотекарь Романова, учительница Зуева и другие живо и увлекательно рассказывают о Сталинской Конституции, правах счастливого народа, о зарубежных братьях и сестрах в Западной Украине и Белоруссии.

По новому руслу пошла жизнь в селе, с каждым днем все красивей, все краше становится она.

Далеко позади осталось село Сёла. Мы возвращались в Городки. Вместе с нами шел заместитель председателя сельсовета т. Кучумов. Его вызвали в райисполком. По дороге он много рассказывал о своей работе, колхозах, о селе.

– И жить хорошо, и работать хорошо, – говорит он, – Ведь мне всего восемнадцать лет, а уже доверили такую большую работу и приняли кандидатом ВКП(б). А что было бы со мной раньше? Рылся бы, наверное, на своем клочке земли или на кулаков батрачил. А теперь...

И он продолжал рассказ о своей счастливой жизни.

С. Я. Черепанов

МТС, РТС, «Сельхозтехника»

Верхнегородковская машинно-тракторная станция (МТС) была организована в апреле 1940 года на территории поселка Верхнечусовские Городки за Митейной горой в бывших кар-

касных бараках Урал-Нефти. При организации от Чусовской и других МТС были получены сельхозмашины и оборудование: два гусеничных трактора марки НАТИ, шесть гусеничных тракторов марки ДТ-24, десять колесных тракторов марки «Универсал», два зерноуборочных комбайна «Сталинец» и шесть зерноуборочных прицепных комбайнов «Коммунар». Также в необходимом количестве были получены почвообрабатывающие машины: плуги тракторные, сеялки, культиваторы, луцильники и бороны.

В послевоенные годы машинно-тракторный парк стал пополняться более современными тракторами, работающими на дизельном топливе: ДТ-20, ДТ-54. К 1958 г. тракторов в МТС уже насчитывалось пятьдесят три. Пополнился парк и самоходными комбайнами марки СК-4, их было десять. В необходимом количестве получали и прицепной инвентарь: плуги, сеялки, культиваторы и пр.

МТС в Загорном поселке просуществовала до октября 1947 г. В связи с тем, что в этом месяце произошел пожар, в результате которого сгорела контора, под станцию было выделено другое помещение – бывшая баня по улице Липовка в поселке В. Городки. Позднее для ремонта тракторов, комбайнов и сельхозмашин на станции Урал-Нефть было передано кирпичное здание электростанции, теперь здесь сельпо.

В 1951 г. начато строительство ремонтной мастерской в новом поселке В. Городки на правом берегу Чусовой; строительство осуществлялось Пермским СМУ (начальник строительства Сыропятов А. П.) и было закончено в 1953 г.

В апреле 1958 г. все тракторы, комбайны и прицепные машины по решению правительства были проданы колхозам с учетом их износа, т. е. по остаточной стоимости. МТС была переименована в ремонтно-техническую станцию (РТС), которая занималась ремонтом тракторов и комбайнов, обеспечением запасными частями, горюче-смазочными материалами, обслуживанием животноводческих ферм по установке доильных аппаратов и их

техническому ремонту, а также по установлению оборудования по уборке навоза с ферм. Кроме того РТС имела установку по раскорчевке леса для расширения посевных площадей, заросших кустарником, в колхозах района. РТС имела свою нефтебазу, построенную в 1960 г. для обеспечения колхозов горюче-смазочными материалами.

После продажи тракторов, комбайнов и сельхозмашин были ликвидированы и переданы в 1959 г. на баланс В.-Городковской РТС Чусовская и Лысьвенская ремонтные мастерские, которые занимались ремонтом техники и входили в общий баланс В.-Городковской РТС. Впоследствии они были переданы: Чусовская ремонтная мастерская – колхозу «Новый путь» (с. Копально), а Лысьвенская РТС – на баланс совхозу «Лысьвенский» в 1962 г.

В 1961 году РТС была переименована в Сельхозтехнику. В ее обязанности входили: торговля тракторами, комбайнами, автомашинами, сельхозмашинами, оборудованием, запасными частями, минеральными удобрениями, каменным углем, спецодеждой, строительными материалами; внесение минеральных удобрений и извести в почву, доставка их на поля колхозов и совхозов транспортом Сельхозтехники; обслуживание животноводческих ферм и установка на них оборудования; доставка тракторов на ремонтные заводы и обратно в колхозы и совхозы.

Управление, т. е. контора Сельхозтехники, и склады по продаже товаров в 1961 г. были организованы в г. Чусовом, где они просуществовали до 1962 г., затем руководство ушло в отпуск и не возвратилось. После чего нам пришлось перевозить торговые склады из Чусового в Городки. При упразднении в 1960–1961 гг. Верхнегородковского района в состав Сельхозтехники был передан отдел сельского хозяйства Верхнегородковского райисполкома, а именно: бухгалтерия райзо во главе с главным бухгалтером Макаровой Евдокией Авксеньевной, ветеринарный отдел во главе с главврачом Собиным Виктором Яковлевичем и все вету-

частки района, а также зооветотдел во главе с главным зоотехником Макаловской Верой Николаевной и ветсанитары. Административно-управленческий и обслуживающий персонал составлял 76 человек. Кроме того, в штат входила контрольно-семенная лаборатория, заведовала которой Адутова Екатерина Георгиевна. Все эти отделы бывшего райзо в штате Сельхозтехники находились в 1961-м и в начале 1962 г. Затем были переданы в управление отдела сельского хозяйства при Чусовском горисполкоме.

За период с 1951-го по начало 1993 г. силами МТС, РТС и Сельхозтехники было построено:

- 1) ремонтная мастерская на 100 тракторо-мест, кирпичная;
- 2) кирпичные склады минеральных удобрений (один) и запасных частей (один);
- 3) кирпичная станция техобслуживания ферм;
- 4) кирпичная двухэтажная контора;
- 5) два кирпичных автогаража;
- 6) кирпичная нефтебаза с нефтепроводом 3 нити;
- 7) жилые дома брусковые двухквартирные (семнадцать), один кирпичный двухквартирный и четыре брусковых одноквартирных.

За период существования МТС, РТС и Сельхозтехники руководителями работали: Иванов Яков Макарович, Шумихин Егор Петрович, Адутов Борис Михайлович, Гонтарев Никита Васильевич, Носков А. И. (имена и отчества некоторых руководителей я забыл), Хлебников Петр Георгиевич, Собянин Николай Павлович, Рутенберг Федор Зигмундович, Леснов Петр Маркович, Лаптев Григорий Васильевич, Лапшов Василий Андреевич, Петраков, Трудинов, Агафонцев В. А., Чиркай Владимир Иванович (1970–1980 гг.), Шабаршин Май Николаевич (1980–1985 гг.), Старовойтов, Пепеляев Николай Дмитриевич.

Годы постройки зданий мне не запомнились.

Верхнегородковский район в середине XX в.¹

(по страницам районной газеты, 1950 г.)

...33 года тому назад, 7 ноября 1917 г., над миром занялась заря новой эры – эры социализма. Победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Установилась власть Советов. В результате победы революции было создано советское правительство во главе с великими вождями трудящихся – В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

За 33 года своего существования наша страна добилась выдающихся успехов в хозяйственном и культурном строительстве. Под руководством большевистской партии советский народ идет к коммунизму.

33-ю годовщину Великого Октября трудящиеся нашей страны встречают в период широко развертывающейся подготовки к выборам в местные Советы. Советские люди законно гордятся теми огромными переменами, которые произошли за последние три года.

В этом номере газеты публикуются материалы, в которых рассказывается о достижениях в области хозяйства и культуры в нашем Верхнегородковском районе.

Рост здравоохранения возможен только в стране Советов

Всего прошло 33 года с тех пор, как победила Великая Октябрьская социалистическая революция, а каких выдающихся успехов за это время достигла советская страна в области культуры, науки и техники.

За годы советской власти большие изменения произошли и в области здравоохранения. В стране широчайшие

¹ Из газеты «Уральская вышка» (№ 54. 1950). Районная газета печаталась в Верхнегородковской типографии Молотовского областного управления издательства и полиграфии. Ответственный редактор А. М. Порозов.

размеры приняло строительство новых больниц, амбулаторий, детских оздоровительных учреждений, домов отдыха, санаториев.

Если сопоставить все то, что имеет наш район из здравоохранения сейчас, то нет никакого сравнения с тем, что было в 1917 г. Тогда в районе насчитывалось всего четыре лечебных учреждения.

А теперь... Имеется районная больница на 75 коек. Если в 1917 г. во всем районе было четыре фельдшера, две медсестры и ни одного врача, то уже в 1947 г. в райбольнице работало пять врачей, а сейчас – 10 врачей-специалистов. При больнице работают особые кабинеты: рентген-кабинет, лаборатория, физиотерапевтический. В 1947 г. открыты туберкулезный и дерматологический кабинеты. Всего в районе работает 17 врачей, 47 медсестер, 16 акушеров, 40 фельдшеров-акушеров. Открыто 25 фельдшерско-акушерских и фельдшерских пунктов, три врачебных участка – Сылевский, Ветлянский и Краснослудский, 11 детских яслей, к концу года откроются еще двое детских яслей.

Только за последние три года в районе открыто восемь фельдшерско-акушерских и фельдшерских пунктов, Краснослудская больница, к концу года увеличится количество детских яслей по сравнению с 1947 г.

Только в стране Советов возможен такой быстрый рост сети здравоохранения, в стране, где нуждам лечебно-профилактических учреждений уделяется такое большое внимание со стороны большевистской партии, советского правительства и лично товарища Сталина.

Г. Плюснина,
заведующая райздравотделом

Право на образование

За годы советской власти произошли большие изменения в области народного образования. В нашей стране осуществляется бесплатное всеобщее обязательное семилетнее обучение.

С каждым годом расширяется сеть учебных заведений, растет число учащихся.

В нашем районе только за последние три года открыто четыре начальных школы. Новые школы получили дети лесорубов Быковского, Хмелинского, Северного и Южакковского лесоучастков.

В связи с введением всеобщего обязательного семилетнего образования четыре начальных школы: Гаринская, Новостроевская, Адищевская и Куликовская – преобразованы в семилетние.

Всего в районе имеется две средних и восемь семилетних школ с количеством учащихся 3347 человек. Кроме того – 41 начальная школа с количеством учащихся 2389 человек. С открытием новых школ и классов с каждым годом увеличивается число учителей. Сейчас в школах района работает 240 учителей. Многие из них с высшим и средним педагогическим образованием, имеют богатый опыт педагогической работы.

За выслугу лет и безупречную работу на педагогическом поприще 20 лучших учителей района награждены орденами и медалями СССР. Среди них преподаватели В.-Городковской школы: Е. В. Пермякова, Р. А. Колмогорова, Е. П. Турбина, директор Новостроевской семилетней школы Р. Н. Высоцкая, учительница В.-Городковской школы № 3 Н. М. Клепикова, заведующая Рассошинской начальной школы М. П. Соларева, зав. Васильевской начальной школы Н. И. Григорьев и другие.

В. Кучумов,

и. о. заведующего районо

Машины для деревни

Годы четвертой Сталинской пятилетки ознаменованы новым мощным подъемом технической вооруженности советской деревни. Большевицкая партия, советское правительство делают все для того, чтобы оснастить колхозную деревню самой передовой, современной техникой.

В колхозах нашего района более половины всей пашни поднимается стальными конями. А такие виды работ, как культивация почвы, ведутся исключительно тракторами.

Парк машинно-тракторной станции пополняется новыми сельскохозяйственными машинами, предназначенными для обработки почвы и посева, для уборки и обмолота урожая, для заготовки кормов. В настоящее время в МТС имеется большое количество тракторов, около половины которых получены в 1949–1950 гг. Имеется девять комбайнов «Коммунар» и другие сельскохозяйственные машины. Только в этом году МТС получила восемь культиваторов, две тракторные сеялки, девять сенокосилок, сложную молотилку, 13 картофелекопалок и другие машины.

Передовые механизаторы упорно борются за производительное использование машин. Среди трактористов хороших успехов добился т. Балаханов И. Т. Он на тракторе «НАТИ» вспахал за сезон 711 га при плане 335 га. 610 га вспахал тракторист Катков Г. Д.

Из года в год увеличивается количество сельскохозяйственных машин, приобретенных колхозами. В среднем на каждый колхоз приходится по четыре-пять сенокосилок, по две-три жатки, три конные грабли, по три молотилки, по две веялки, сельхозартели имеют сортировки и триера.

Перед работниками МТС, колхозниками стоит задача лучше использовать передовую, совершенную технику, повышать производительность машин.

(Без подписи)

Ленинский завет – электрифицировать деревню – претворяется в жизнь

Велика была радость трудящихся поселка В. Городки, когда впервые районный центр осветился электричеством, в квартирах и учреждениях загорелись лампочки Ильича.

И сегодня, в день 33-й годовщины Великого Октября, когда наступят сумерки, во многих колхозных деревнях вспыхнут

яркие огни. Ленинский завет электрифицировать деревню претворен в жизнь в 20 колхозах района.

В сельхозартелях работает 27 электромолотильных токов, 16 электровеялок и сортировок, 7 электролесопилок. Все избы колхозников 20 колхозов освещены электричеством.

В Верхнегородковском районе электрификация стала подниматься на новую, более высокую ступень.

В колхозах района по сравнению с 1947 г. увеличилось количество электрических моторов, трансформаторных подстанций. На 25,5 километра против 1947 года увеличилась в текущем году длина всей высоковольтной сети.

В текущем году отделение сельэлектро проделало в районе крупные работы. Закончен капитальный ремонт основной электролинии Кутамыш – Урал-Нефть, подвешен новый алюминиевый провод, по сечению вдвое толще старого, на главном участке Шушпанского леспромхоза, произведена реконструкция сетевого электрохозяйства в колхозе «Труженик» и полностью реконструирована трансформаторная подстанция.

Построена высоковольтная линия от деревни Верхнее Попово до деревни Среднее Попово протяжением два километра и новая трансформаторная подстанция.

14 августа осветилась электричеством железнодорожная станция Селянка, вспыхнули огни в избах населения, а 14 октября получило электроэнергию самое крупное лесозаготовительное предприятие в районе – Шушпанский леспромхоз.

22 сентября переведена на электротягу водокачка на станции Комарихинская, и теперь население станции полностью обеспечено водой.

И в том, что в районе проведена такая огромная работа по электрификации, большая заслуга работников сельэлектро, которые своим упорным трудом дали электрический свет колхозам, облегчили труд колхозников.

Отделение сельэлектро на четвертом году своего существования развернуло довольно значительную деятельность

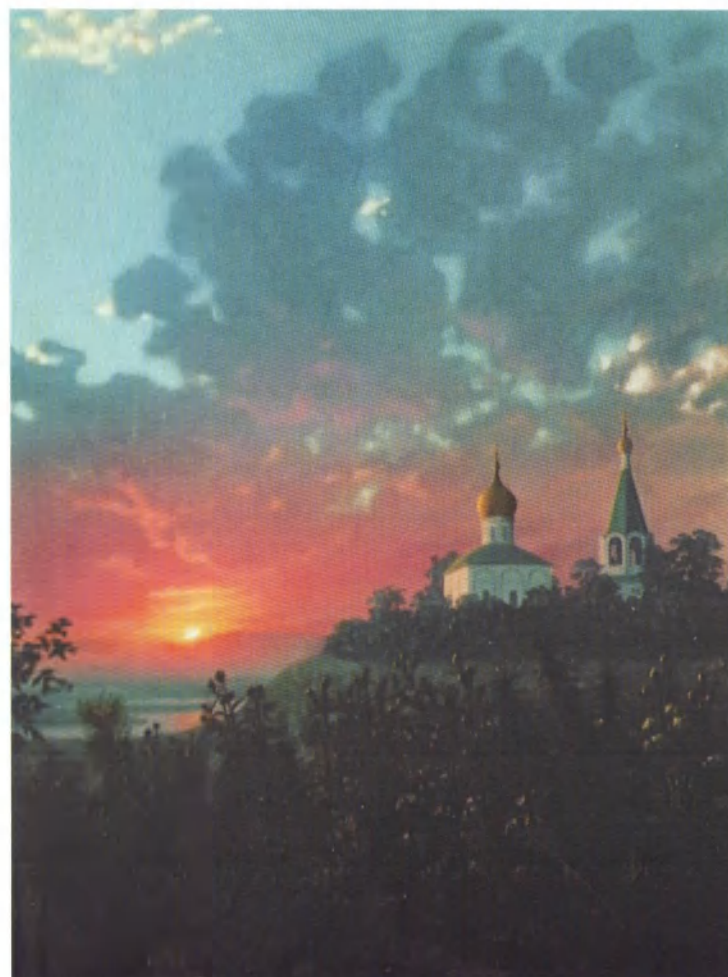
Село Вилижно [Вилижна] на реке Чусовой.
Фото С. М. Прокудина-Горского. [1912 г.]

Речка Разсошка [Рассошка], впадающая в реку Чусовую у села Верхние Городки.
Фото С. М. Прокудина-Горского. [1912 г.]

Верхнечусовские Городки. Усадьба Кропачевых (слева).
Художник Петров. Июнь 1897 г.

Место слияния Прямой Рассошки (слева) и Косой Рассошки
(справа). Речки сразу же расходятся на два рукава, образуя
островок «высоконый, полон водой его не заyleт...».
Фото Н. В. Никулиной, 2001 г.

Валерий Виноградов. Малиновый звон.
1993 г. Холст, масло

Валерий Виноградов. Скоро весна. Картон, масло

Георгий Завьялов. Река Чусовая ниже Косьвинского лога. 2001 г.

Георгий Завьялов. Гора Шелом. 2001 г.

Георгий Завьялов. Река Чусовая выше Косьвинского лога. 2001 г.

*Георгий Завьялов. Старенький вокзальчик.
Верхнечусовские Городки.*

Преподаватели Детского центра народных ремесел.
1-й ряд (слева направо): И. В. Сибэгатулина, И. В. Ермакова;
2-й ряд: Д. С. П. Шкляева, Т. И. Зыкова, Г. А. Муравьева. 2001 г.

Преподаватели Детского центра народных ремесел.
Слева направо: Д. М. Субботин, В. А. Овчинников,
С. В. Негребов; сидят: А. В. Подвинцев, С. А. Гниломедов. 2001 г.

Преподаватели Детского центра народных ремесел.
Слева направо: Г. Н. Коховец, Т. А. Рассошных, В. В. Севастьянова, Е. В. Шадрина. 2001 г.

Верхнечусовские Городки. Праздник Масленицы.
Февраль 2001 г.

Артисты самодеятельного коллектива.
Сцена из спектакля «Ермаковы лебеди». 2001 г.

по крупным работам строительно-монтажного характера. Уже к 1 ноября был выполнен план строительно-монтажных работ на 90 процентов, в колхозах двух районов дополнительно установлено 24 электродвигателя вместо 20 по плану.

Многие работники сельэлектро показывают образцы стахановского труда. Техник отделения Волков Ю. К. завершает выполнение программы лабораторных и проверочных работ по электроустановкам района, мастер отделения т. Елтышев Н. И., ведущий основные строительно-монтажные работы, честно и добросовестно выполняет все задания. Молодой электромонтер Виктор Рассошных показал образцы стахановского труда при постройке высоковольтной линии от В. Попово до С. Попово. Образцы самоотверженного труда показывают и многие другие работники отделения.

Б. Завьялов,
начальник Верхнегородковского отделения сельэлектро

Радио в наши дни

За годы сталинских пятилеток радио прочно вошло в быт советских людей. Еще выше возросла роль радио в нашей стране в послевоенной Сталинской пятилетке. Это видно на примере нашего района.

В районе впервые был построен радиоузел в 1930 г., тогда было всего 35 радиоточек.

А сейчас установлено две новых мощных радиоаппаратуры – в районном центре Верхние Городки и в поселке Сыла, рассчитанные на 4 тысячи радиоточек каждая. В поселке Верхние Городки имеется более 450 радиоточек, в Сыле – 246. В 1950 году вновь организованы радиоузлы в Шушпанском и Ветлянском леспромхозах. В Шушпанском леспромхозе установлены 54 радиоточки, в Ветлянском – 84. В этом же году радиофицирован укрупненный колхоз имени Калинина.

Слушают голос Москвы колхозники укрупненных колхозов «Труд», «Колос» и сельхозартель «Светлый путь».

В ближайшее время будет радиофицирован Ельниковский сельсовет от Сылвенского радиоузла.

Сегодня, в день 33-й годовщины Великого Октября, трудящиеся района, как и всей нашей страны, будут слушать по радио трансляцию с Красной площади.

(Без подписи)

Кино для трудящихся

В нашем районе за последние три года вдвое увеличилось количество киноустановок. Сейчас имеется 10 стационарных киноустановок, 8 из которых находятся в сельских клубах.

За 10 месяцев 1950 г. продемонстрировано 1710 киносеансов, которые посетило более 86 тысяч человек.

Районный отдел кинофикации планирует в 1951 г. вновь открыть еще две стационарных киноустановки на ст. Селянка и в клубе колхоза «Всходы коммуны».

А. Митрофанов,
начальник отдела кинофикации

Освоен новый вид производства

Готовясь достойно встретить 33-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, коллектив райпромкомбината взял на себя обязательство освоить новый вид производства – изготовление пружинных матрасов. Обязательство с честью выполнено.

4 ноября выпущена первая партия пружинных матрасов. На изготовлении матрасов по-стахановски трудился столяр т. Волков, хорошо работала молодая работница Анна Соларева.

В честь выборов в местные Советы депутатов трудящихся будет изготовлено 50 пружинных матрасов.

Н. Красных,
директор райпромкомбината

ВЕРХНЕЧУСОВСКИЕ ГОРОДКИ В НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

А. Г. Шумилова

День за днем

У каждого человека бывают минуты, когда он задумывается о своей жизни. Все ли сложилось так, как мечталось? Нашел ли свое место в жизни среди людей? Бывают такие минуты и у меня. И вот тогда наплывают воспоминания о детстве в родной деревне Крутята, об учебе в школе и... о моей детской мечте. А мечтала я стать учительницей начальных классов, чтобы давать знания таким же деревенским мальчишкам и девочкам, как я сама, и чтобы люди меня за это любили и уважали. Но, несмотря на несколько попыток, осуществить свою мечту мне не удалось. Так получилось, что я закончила Кудымкарский лесотехнический техникум, получила специальность техника-плановика и почти 30 лет своей жизни отдала работе в лесной промышленности. И не жалею об

этом. Я всегда любила природу, лес, да и общение с простыми, не очень образованными людьми не пугало меня. Я понимала их, они понимали меня. Те годы я вспоминаю с удовольствием, т. к. в то время чувствовала себя нужным человеком. Наш большой коллектив был охвачен единым стремлением – работать слаженно, как можно лучше, выполнять и перевыполнять нормы, быть впереди. И я, молодой специалист, вначале – техник-экономист, потом мастер, многому научилась у людей с жизненным и профессиональным опытом. Мы постоянно стремились внедрять на лесопункте передовые методы труда, хотя это почти всегда требовало дополнительных усилий. Так, одними из первых в объединении Пермлеспром мы начали применять валку леса с гидроклином, обрубку сучьев при помощи механической сучкорезки. Помню, как применяли трелевку леса круглосуточно, т. е. днем и ночью. Опытные вальщики успевали за день столько свалить деревьев, что трактористы работали и по ночам. Конечно, нужно было продумать вопросы и об освещении рабочих площадок, и о создании бытовых условий и т. п. Но все получалось. Норму заготовки и вывозки древесины выполняли до 180%. За ударную работу держали Переходящее Красное знамя. Вальщик Николай Иванович Макаров награжден именной бензопилой и туристической путевкой в Финляндию. Опыт нашей работы трелевки в ночную смену изучали специалисты из министерства.

В 1970-е годы на предприятиях Пермлеспрома прошло несколько реорганизаций. В связи с этим в Городки были переселены жители двух больших лесных поселков – Плоский и Дальний, а наш Усольский лесопункт передан Комарихинскому леспромухозу. В 1984 г. меня, после почти полугодовых уговоров, назначили начальником Усольского лесопункта. Тогда такие должности занимали в основном мужчины, а нас, женщин, было две. Особенного страха я не испытывала, т. к. дело свое знала, людей тоже. Участок работал стабильно, строго соблюдалась трудовая дисциплина, цикл производства был четким, отлаженным. Заготовку и вывозку древесины вели вахтовым методом.

В конце 1980-х годов в поселке Первомайка наладили устойчивую работу цеха по переработке древесины: заготавливали мочало, выпускали стройдетали, штакетник, скалки, толкушки и др. И вся продукция находила своего потребителя. Так, горбыль отгружали в Киргизию, Туркмению, виноградный кол – в Молдавию, на Украину и т. д. Занимались выгонкой пихтового масла, приготовлением хвойно-витаминной муки. Когда начала работать начальником, у нас было 23 бригады: 15 – из Городков, четыре – из поселка Плоский и четыре – из поселка Дальний, объем лесозаготовок – 300 тыс. куб. м. Большой коллектив – большие заботы, большая ответственность. Приходилось отвечать за все: за кадры, за технику, за горюче-смазочные материалы, за выполнение плана и пр. Справлялась, но надо сказать большое спасибо коллективу инженерно-технических работников лесопункта и особенно – руководству объединения «Чусовлес», где я всегда находила понимание и поддержку.

С чувством теплоты и благодарности вспоминаю людей, с которыми проработала много лет. Это вальщики Иван Михайлович Гуляев и Аркадий Игнатьевич Леушин, трактористы-трелевщики Анатолий Михайлович Чудинов, Василий Владимирович Усенко, Василий Петрович Лоскутов, водители лесовозного автомобиля Сафарбек Азаматович Мельдзихов, Геннадий Николаевич Провков и его сыновья Павел и Анатолий; Николай Васильевич Удальчиков – бульдозерист, он всегда первым приезжал в лесосеку и готовил место для работы бригады, и многие, многие другие.

Начальником Усольского лесопункта я проработала 12 лет. В 1996 г. глава администрации Чусового В. Ф. Бурьянов предложил мне возглавить работу администрации поселка Верхнечусовские Городки. Решиться было непросто. Это тебе не лесная промышленность, которую уже знаешь, а совсем другой профиль работы. К тому же тяжелое положение в стране с экономикой, ухудшение финансового состояния предприятий, конечно же, сказались и на нашем поселке. Так, за последние два-три года из существовавших ранее 30 небольших предприятий

были ликвидированы: сплавной рейд, Усольский лесопункт, ТОО по ремонту сельхозтехники, тракторов и автомобилей. Сокращается количество мест в больнице, детском санатории, детском саду. Пришлось отказаться от строительства детского комбината, т. к. рождаемость детей резко упала.

На сегодня в поселке проживает около 3 тыс. жителей, из них одну треть составляют пенсионеры, около 160 являются инвалидами, более 60 человек получают социальную помощь на дому через систему льгот. Пенсионерам ежегодно выделяем материальную помощь на приобретение дров, а также обеспечиваем льготы согласно законам РФ о ветеранах и инвалидах. Но по-прежнему самым больным остается вопрос о судьбах престарелых одиноких жителей поселка. Если раньше, когда интернатом руководил Виктор Иванович Бамшин, мы имели возможность поместить туда всех нуждающихся одиноких стариков, то после смены руководства такие места нам не выделяют. Большую работу проводит Совет пенсионеров поселка, который уже много лет возглавляет Павел Власович Михалев.

Сегодня в поселке работают дорожно-ремонтный строительный участок и асфальтовый завод, аптека, интернат, хлебозавод, больница, детский санаторий, узел связи, милиция, школа, библиотека, детский сад, Дом культуры, Детский центр народных ремесел. Проблем много, и их число с каждым годом не уменьшается. Что касается бюджета, то он представляет только расходную часть средств, выделяемых администрацией г. Чусового на нужды поселка. Основная часть бюджета идет на выплату заработной платы работникам учреждений и по статье «Благоустройство». Но, конечно, этих средств недостаточно. Однако поскольку наши предприятия, к сожалению, пока не дают дохода, то приходится обходиться тем, что есть. В 2001 г. бюджет составлял 4 909 700 руб., на 2002 год нам выделено 5 111 700 руб., но этих сумм остро не хватает.

За последние годы мы кое-что изменили в поселке. Так, полностью заменили водопроводные трубы, провели газ в детский лагерь, к объектам соцкультбыта, а теперь газ пришел уже в часть

жилых квартир. И эта работа продолжается. В ноябре 2001 г. сдано в эксплуатацию новое здание милиции. Большую реорганизацию претерпел завод ЖБК. На его базе были созданы два кооперативных предприятия: «Арболит» и «Стройдетали». Первое – распалось, а на базе второго усилиями администрации г. Чусового создано новое предприятие «Урал-Нефть», названное так в честь открытия первой нефти на Урале. Оно занимается заготовкой и глубокой переработкой древесины. Ввод в строй нового предприятия дал возможность трудоустроить 50–60 человек, в основном бывших рабочих завода ЖБК. Возглавляет работу предприятия «Урал-Нефть» Александр Геннадьевич Бобриков.

Хлебозавод Городковского сельпо за последние годы не только увеличил выпуск хлебобулочных изделий, но и значительно разнообразил ассортимент.

На базе ликвидированного ТОО по ремонту сельхозтехники создан кирпичный завод, так что большие запасы гончарной глины в окрестностях поселка пойдут в дело.

Администрации поселка приходится решать разные проблемы на разных уровнях. Так, например, более двух лет пришлось добиваться того, чтобы не была закрыта железнодорожная ветка Комарихинская – Урал-Нефть. Куда только мы ни обращались, куда ни писали – и в Москву, и в Министерство путей сообщения, в Управление Свердловской железной дороги и т. д. Все понимали: закроют ветку – оборвут живую нить общения поселка с миром. Большое спасибо надо сказать за поддержку в решении этого вопроса и проявленную настойчивость со стороны администрации г. Чусового и лично В. Ф. Бурьянова. Так, совместными усилиями, удалось-таки отстоять нашу железнодорожную ветку.

Наш дом, где расположена администрация поселка, никогда не пустует. Люди идут сюда с утра и до вечера, каждый день, не обращая внимания на информацию о днях и часах приема граждан. И каждого надо выслушать, каждому дать ответ. С какими только жалобами не приходится разбираться! То один сосед пригородил к своему участку от участка другого 30 см (!) или

два метра – идем с землеустроителем перемеривать землю, то кто-то кого-то подозревает в воровстве или колдовстве, наговоре, кому-то надо срочно отремонтировать крышу, про-чистить канаву и т. д. и т. п. И так каждый день, приходят на прием человек по тридцать.

...Закончен еще один рабочий день. Я иду по притихшим улочкам поселка, а в голове все еще мысли о том, что не успела сделать сегодня, с чего начнется новый день. Очень хочется мне, чтобы поселок наш продолжал жить, чтобы успешно развивался детский центр народных ремесел. Молодежь, получив там профессию, сможет остаться в поселке работать, продолжит и сохранит традиции старожил.

Иду и мечтаю: вот пустят в эксплуатацию новую дорогу на Пермь – поедут, возможно, к нам люди и будут обживать пустующие сейчас земли. А места у нас такие замечательные! Не зарастает тропа к месту начала похода Ермака в Сибирь, в поселок будут приезжать туристы. Настанет время, когда, возможно, снова забьет фонтан нефти из старых скважин, а у йодо-бромистых и сероводородных источников построят лечебницы...

А почему не помечтать? Вот о Городках уже и песни сложены, вышла в свет первая книга об истории нашего края... Жизнь продолжается.

Т. И. Кострова

Верхнегородковская больница

После окончания Пермского медицинского института в 1978 г. я по распределению приехала акушером-гинекологом в Чусовскую больницу. Но, не проработав ни одного дня, была направлена в командировку сроком на месяц в Верхнегород-

ковскую больницу, где врача акушера-гинеколога не было уже более трех лет.

Здесь, в Верхнегородковской больнице, меня встретил замечательный коллектив. Я окунулась в работу, которая не оставляла ни одной минуты свободного времени, работу интересную, сложную, ответственную.

В то время больница обслуживала более 12 тыс. человек: поселки Верхнечусовские Городки, Комарихинский, села Никифорово, Сёла, Успенку, станционные поселки Валежная, Селянка, Кутамыш, деревни Сергинцы, Денисово, Косогор, Заозерье, Куликово.

Стационар на 115 коек оказывал помощь терапевтического, хирургического, акушерско-гинекологического, педиатрического профиля, а также больным с инфекционными заболеваниями.

В поликлинике работали два терапевта, два хирурга, акушер-гинеколог, два педиатра, невропатолог, два стоматолога. Работать приходилось с 9.00 до 18.00 по шесть дней в неделю, да еще брать три обязательных дежурства. Зато скучать было некогда. Сколько же интересных случаев прошло за эти годы!

В больнице работали квалифицированные врачи-хирурги Г. В. Ваулин, М. П. Левин, которые делали сложнейшие операции: холецистэктомии, резекции желудка, операции на кишечнике, костях. Даже довелось увидеть операцию на сердце. Не один десяток больных выходили и спасли наши хирурги. Им помогали операционные сестры: А. П. Безматерных (Барыбина), А. А. Казак (Молодкина), Н. В. Лядова, А. А. Паршина.

Терапевтическим отделением заведовала Н. К. Андропова. До сих пор с благодарностью вспоминают ее больные. Помнят больные и врачей-терапевтов: А. С. Трушкову, А. Я. Бояршинову.

А какое замечательное родильное отделение было у нас: на 10 коек, чистое, уютное. Скольким малышам помогли появиться на свет акушерки: Т. Г. Ершова, Т. А. Лебедева, А. Б. Коховец, Н. В. Емельянова, В. В. Ивлева. За год принимали до 170 детей. Помнят женщины и наших санитарочек, которых звали просто тетя Валя – В. С. Шумихина, тетя Катя – Е. А. Гашева,

тетя Шура – А. С. Чебыкина, тетя Тамара – Т. Г. Хомякова, Н. И. Чеботарева.

Из родильного отделения малыши переходили под опеку детской консультации. Помощь детскому населению оказывали врачи-педиатры: Н. С. Гущина, А. Д. Ивлев. Бессонные ночи проводили они у постели тяжело больных, спасали малышей от недугов.

Лечебный процесс не может быть организован без среднего медицинского звена. Фельдшеры Н. Ф. Татаркина, З. П. Трошкова, А. И. Подвинцева работали за врачей. Фельдшеры Н. Ю. Томилова, Н. Н. Кашина трудятся и сейчас. Г. А. Стахееву, фельдшера-лаборанта, сотрудники больницы до сих пор зовут «наша Герочка». Большой опыт работы позволял ей еще до вердикта врачей поставить предположительный диагноз по анализам крови и мочи.

Нельзя не вспомнить первых помощников врачей – медицинских сестер, с кем я начинала работать и у которых порой приходилось учиться. Это З. С. Севостьянова, В. А. Соларева, И. А. Чеснокова, Р. Е. Чащина, А. К. Михайлова, Н. М. Ноздрина, А. К. Рудометова, В. М. Дылдина.

Терпеливые, заботливые наши санитарочки помогали выхаживать больных: Н. Г. Перминова, А. К. Кузнецова, Т. П. Хлебцева, Е. П. Ситникова, А. В. Березина, Р. Я. Кучумова.

Признаюсь: мое командировочное удостоверение 23 года лежит без отметки «выбыл».

Время неумолимо идет вперед. В стране произошли большие перемены, реформы. Не обошли стороной они и нас. С 1995 г. наша больница работает в системе ОМС. Проведена реструктуризация коечного фонда: осталось 35 коек терапевтического профиля, но главное – нам удалось сохранить кадры: людей, преданных своему делу, бесребренников, добрых, грамотных.

Более четверти века отдала работе с больными врач-стоматолог Н. И. Пономарева. Все, от ребенка до людей старшего поколения, знают ее добрые руки, которые снимают боль, приносят облегчение.

Врач-рентгенолог – Н. К. Андропова. Ее знания, опыт помогают другим специалистам разобраться со сложными больными.

Маленьких пациентов лечит и наблюдает врач-педиатр Т. Ю. Матарас. Специфика работы и, увы, низкий уровень жизни населения требуют большого терпения, огромных знаний в работе с малышами. Обладая этими качествами, Т. Ю. Матарас оказывает квалифицированную помощь детям.

Участковый врач-педиатр – наша незаменимая А. А. Санникова. Высокая ответственность, добросовестность – принцип ее работы.

Терапевтическим отделением заведует Е. В. Гительман.

Всегда рядом с врачами медицинские работники среднего звена. Более 76% из них имеют высшую и первую квалификационные категории. Это Г. П. Соларева, Н. Д. Ситникова, Т. А. Ивлешкина, Е. Г. Сушкова, Н. В. Перминова, Е. З. Колчанова, М. Е. Базакина, Г. Г. Харитошкина, И. А. Зызарова, М. В. Лоскутова, И. Х. Апталаева, С. В. Красносельских и многие другие. Бесперебойную работу скорой помощи обеспечивают водители: А. Ф. Перминов, В. М. Санников, В. А. Перминов.

Вкусно кормит больных наш повар А. П. Мошкина.

Много нерешенных проблем остается на сегодняшний день: ремонт стационара и поликлиники, приобретение оборудования и газификация зданий. Но главной задачей остается сохранение нашей больницы, чтобы жителям поселка помощь оказывалась на месте.

О. Ю. Серебрякова

Школа сегодня

Нашей школе более 150 лет. Из поколения в поколение передается опыт, накопленный годами. Мы стараемся сохранить добрые традиции школы.

Учителя и ученики гордятся, что живут и учатся в школе, которая находится в историческом поселке – Верхнечусовские Городки.

Педагогический коллектив сегодня состоит из 34 учителей. Директор школы – Ольга Юрьевна Серебрякова, учитель биологии. Заместитель директора по учебно-воспитательной работе – Ирина Леонидовна Боровицкая, преподаватель русского языка и литературы. Заместитель директора по воспитательной работе – Светлана Владимировна Леушина, преподаватель черчения.

Двадцать один учитель – выпускники родной школы. Восемнадцать учителей имеют высшее образование, трое учатся заочно в педагогических вузах.

Высшую категорию имеет учитель русского языка и литературы, отличник народного образования Жанна Александровна Баша. Первую квалификационную категорию подтвердили 16 учителей, а В. И. Котов, учитель физики, и Т. М. Медведева, учитель математики, в 2001 г. готовятся к защите на высшую категорию. Учитель математики В. Е. Киселева награждена орденом «Знак Почета». Двум учителям присвоено звание Сороковского учителя: это О. Ю. Серебрякова и В. И. Котов. В шести начальных (1–4-й кл.) и четырнадцати классах 2-й и 3-й ступени (5–11-й кл.) обучается 400 учащихся.

Многие наши выпускники получают дальнейшее образование, и мы с гордостью следим, что среди них есть врачи и учителя, военнослужащие и ученые, инженеры и писатели. И кем бы ни были наши выпускники, они никогда не забывают родную школу, которая дала им путевку в жизнь. И каждый год по традиции школа собирает своих выпускников.

Шестой год педколлектив школы работает над темой «Воспитание учащихся на родных традициях и привитие любви к родному краю». Перерабатываются учебные программы, основанные на лучших традициях отечественной культуры. Современная школа получила возможность свободно обращаться ко всему ценному, накопленному национальной культурой.

Развитию творческих возможностей учащихся способствует воспитание на народных традициях.

Учебные программы дополняются специальными курсами «Фольклор», «Мы – славяне», «История поселка», «Моя родословная».

Вводятся новые предметы: «Экология», «Основы права», «Ритмика и танец», – программы которых также дополнены материалом по изучению родного края.

Более 10 лет у нас работает очно-заочная физико-математическая школа. В свое время активно взялась за ее создание В. Е. Киселева. Ее начин подхватила Т. М. Медведева. Т. Н. Плохотникова и молодой педагог С. В. Кривошекова охотно включились в эту работу.

Весной 2001 г. школа получила новый компьютерный класс (учитель Т. М. Медведева), где занимаются учащиеся с 9-го класса.

Педагогический коллектив школы стремится повысить интерес школьников к изучаемым предметам. И это дает свои результаты. Дети успешно выступают на районных олимпиадах, занимая призовые места, и участвуют в областных олимпиадах.

Второй год учащиеся активно участвуют в международном конкурсе-игре «Кенгуру» (по математике) и получают дипломы с отличием. В 2000 г. наши ученики Костя Леушин (9-й кл.), Женя Тунегова (5-й кл.), Евгений Мудрый (11-й кл.) стали победителями Всероссийского конкурса «Вклад моей семьи в летопись Великой Отечественной войны». Работы С. Гурова и Я. Южаниной отмечены грамотой российского комитета ветеранов войны и военной службы. В этом заслуга учителей литературы И. А. Боровицкой и И. И. Медведевой. Наши ученики Л. Рычкова, Н. Козлова, Ю. Медведева, О. Сушкова, А. Новиков (дважды), К. Трифанов являлись стипендиатами района «Юные дарования».

Шесть лет школа сотрудничает с Детским центром народных ремесел. На уроках труда и на занятиях в кружках дети осваивают резьбу по дереву, плетение из бересты, работу с лозой,